

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2006**

**ТАМУЗ
5766**

N 7 (171)

ИЮЛЬСКОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РАВВИНА РОССИИ

אַחַד מֵאֵלֵינוּ אָמַר לְכָל אֶלְמָנָה וְלְכָל יָתוּם וְלְכָל אֶלְמָנָה וְלְכָל יָתוּם

А оцетайтэ аату іоао аіаааа аааао мтаа а баааа іі ма-ааа баааао ііааааоу аа а і еааа «Еааау і еааа? – і оаааоіу аааа – О іаа а аааааа а іао аа!» «Ціа-еа, і деаааоіу а баао іеаі оау», – іааааааао іоаа. Аааа мтааа, аа аа іаі бааі і: іоаа аааао аіеаіа ііеі оаі ба а аааао баааіа а оіеіаіе бааа іеаіаао – баааіе еде-еа, еае іо аіеа: «Іе!» А еіаа баааааао аа ііеі оаі баа і іааааа а баіеіа баааіеао іааіаааоіу ідеуоіі, е іі ааа оіеіаі аіаіеуі і ааіааао: «Аа!» Аааі аааа іоаа іі іаі іа іе. Аааа мтааааааао: «Іо е а-аі оааа ііаааіаеіаі іеаі оау баааіа а оіеіаіаа аааа?» «Аі-іааааа, оідеаааааіаіе ааіу і іу ааааа а оаааа аі е ііааааа іу а і еааа – ааааао іоаа. – І і аааа іа – у і баа іаае мтаа аааіеа оаіе. А аеаі е аааа ааа іоаа: іо «Іе» аа «Аа» е іо «Аа» аа «Іе». Аіеа оу аіа-ааа і оіеааау – аааа оааа іаа е аіеу аааауаі е іааае оаае, оі а еіаа і бааіаеуаааа іаааау «Аа!» А аіеа аааау оіеіаі аіуаау а бааіаеуаааау е – а еіаа іаау іаау іааа е іааааау «Іе! Аеаіу і оіеаа і еі і... »

Сколько бы нашего времени ни занимали проблемы повседневности, а от размышления о вечных ценностях никуда не деться. Даже сами проблемы повседневности наводят на эти мысли: ведь они постоянно ставят нас перед выбором, предлагают альтернативы, требуют решений. А как решать бесконечное множество возникающих проблем, если не имеешь приоритетов, если не задаешься вопросом, что есть правда на земле, какие ценности должны быть основными, а какие второстепенными?..

Вот лишь один пример. Главное для человека – его самоощущение. Доволен он или раздражен, счастлив или несчастлив, получает удовольствие от жизни или тяготится ею. Недаром говорят, что, если человек потерял деньги – это одна десятая от него ушла, если потерял здоровье – половина, а если потерял вкус к жизни – считай, нет человека. И наоборот: если самоощущение человека хорошее, он преодолет любые трудности.

А как же создается хорошее самоощущение? Верно – при помощи системы ценностей и приоритетов. Любой человек чувствует себя хорошо, если у него в доме мир, в семье любовь – ну, еще желательно здоровье и чтобы работа приносила удовлетворение. Наконец, не бывает хорошего самоощущения без понимания смысла жизни, – а это может дать только религия. Вечные ценности, как мы знаем из Торы и из истории, потому так и называются, что сопровождают человека с древних времен. Логично предположить, что они не изменятся и в будущем.

Впрочем, наряду с укоренившимися ценностями в жизни каждого поколения появляется что-то новое. Взять, к примеру, моду. Вещь по определению изменчивая, теперь уже она меняется просто каждый год. И вот мы видим: для многих людей модная одежда становится самостоятельной ценностью, а отсутствие ее наносит удар по самоощущению.

В чем дело? Социологи указывают, что превращение неких преходящих вещей в ценности связано с тем, что им приписывается статусная функция. То есть обладание такой вещью делает человека как бы «более значительным» в глазах окружающих. Отсюда погоня за модой, за «престижными» машинами, за домом в «престижном» районе, за «престижной» профессией и т. д. Потребительское общество при помощи агрессивной рекламы ориентирует человека именно на преходящие цели. По сути оно говорит: «Ты будешь счастливым только тогда, когда у тебя будут такие-то и такие-то вещи».

А что на практике? Очень многие люди становятся несчастливы, не обладая «престижными» вещами. Не меньшее количество людей с огромными усилиями получили «престижные» вещи – но счастья у них не прибавилось: вещи эти очень скоро перестали быть «престижными». Мода устаревает, причем очень быстро: охотник за «престижными» вещами обречен вечно гоняться за пустым фантиком от конфеты.

На самом деле улучшить самоощущение человека, сделать его счастливым способны лишь те ценности, которые укоренились во множестве поколений. Наверное, правильно будет сказать, что эти укоренившиеся ценности дал нам Б-г, – явно их не люди придумали для достижения каких-то личных целей! Недаром в Торе мы учим: «Помни дни древности, пойми годы всех поколений, спроси отца твоего, и он

скажет тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Дворим, 32:7). А если эти ценности от Б-га – они являются истинными по определению, чего мы не можем сказать о ценностях преходящих, модных игрушках каждого поколения.

Разумеется, когда мы молоды, нам кажется, что мы всё знаем лучше, чем старые люди. Ведь мир меняется, им надо долго приспособливаться, а мы, молодые, подходим новому миру, как рука перчатке. Советы старых людей нам не нужны, – если вдруг возникает конфликт поколений, в этом, конечно, виноваты старики, которые не понимают ценностей нового мира... С возрастом же почти все мы учимся ценить именно то, что получили от предков.

Одна из Десяти заповедей требует от нас «читать родителей». Почему? Только лишь потому, что они дали нам жизнь, а потом сколько-то лет кормили и учили? Но жизнь нам, по большому счету, дал Б-г, а «кормили и учили» не только родители, но и учителя, работодатели и еще множество людей, помогающих нам на жизненном пути. Почему же они не упоминаются в заповеди? Да потому, что заповедь относится не только к физическим людям, но и к тем знаниям, тем непреходящим ценностям, которые мы от них получили. Соответственно, самое большое почитание родителей – это избрать тот путь, который они, и их предки, и предки предков считали путем благим. Исполнение этой заповеди приносит самое большое удовлетворение старшему поколению. Но оно же дает радость молодым людям, чье самоощущение ориентируется на непреходящие ценности, а не на модные безделушки. А когда нам всем хорошо – радуется и Тот, Кто дал нам заповеди и ценности, чтобы человеческая жизнь обрела смысл и содержание.

Áëàáí úé ðàààéí Ðíííè Ááðè Éàçàð

дворе, и понимал, что угроза нависла над всеми евреями и над иудаизмом вообще. Он был озабочен тем, чтобы «пламя Израиля» не погасло. В этих условиях его ответственность – и его пример – приобретали особое значение: он должен был действовать безоглядно, самопожертвованием являя истинность веры. В такой ситуации невозможно руководствоваться только лишь соображениями трезвого расчета, взвешивать «за» и «против», искать компромиссных решений.

И всё-таки решение выехать в ссылку несколькими днями раньше или позже касалось, вроде бы, не судеб общины, но одного только Ребе. Почему же и в этом случае он выбрал крайнее решение? Потому что оно было предопределено всей его жизнью.

ÈÈÁÓØ ÀΘÁÌ - ÕÈÈÓË ÀΘÁÌ

Чтобы разобраться в этом, следует углубиться в проблематику, связанную с представлениями о Кидуш Ашем (освящение Имени Б-га) и Хилул Ашем (профанация Имени Б-га). Цель, которую преследовали гонители Ребе, – свести на нет его усилия, направленные на распространение Торы и иудаизма. Прими Ребе их правила игры, они одержали бы победу: представьте, Ребе согласился ехать в ссылку в Шабос! Среди евреев, которые бы об этом узнали, много ли было тех, кто представлял себе ситуацию досконально и принял бы во внимание обстоятельства, «легитимизировавшие» такое решение с точки зрения Закона? А подобные ситуации Закон рассматривает именно в сфере понятий Кидуш Ашем – Хилул Ашем: значение имеет истолкование тех или иных действий окружающими, которые могут увидеть в них нарушение Закона или отступление от него – независимо от того, праведен или неправеден на самом деле был тот, кто совершил некое действие.

Представление о Кидуш Ашем – это мостик, связующий третий день месяца тамуз и тот раздел Торы, Хукас, который читается в ближайшую к этому дню субботу. Хукас повествует о «водах Распри»: ситуации, когда Моше не исполнил в точности веление Б-га и был, вместе с Аароном, подвергнут наказанию: «За то, что вы не поверили Мне, чтобы ознаменовать святость Мою на глазах у сынов Израиля, не введете вы собрание это в страну, которую Я дал им!» (Бемидбар, 20:12).

Возникает вопрос: почему этот грех был столь вопиющим, что помешал Моше войти в Землю обетованную? Мы знаем, что Моше не единственный раз поплатился за совершенные им ошибки, но ведь не столь жестоко? И ошибка Моше в данном случае заключалась, казалась бы, в малости – чтобы извлечь из скалы воду, он ударил в нее посохом, вместо того, чтобы просто воззвать к ней. Почему же за это он был лишен возможности войти в Землю обетованную?

Обоснование этому дано в Торе: «За то, что вы не поверили Мне, чтобы ознаменовать святость Мою на глазах у сынов Израиля» (Бемидбар, 20:12). Раши комментирует: когда в предыдущий раз народ роптал и требовал мяса, Моше усомнился: «Даже если мелкий и крупный скот зарезан будет для них, хватит ли им этого?» (Бемидбар, 11:22) – подразумевая, что щедрот Б-га не хватит на весь народ Израиля, – но при этом он не был подвергнут каре. И Раши поясняет: «За то, что вы не поверили Мне. Писание открывает, что, если бы только не этот грех, они вступили бы на землю (Израэля) <...> Но разве <вопрос> “мелкий и крупный скот зарезан будет” не хуже, чем это? Однако, потому что там <сказано было> не во всеуслышание <не при общине, на которую это могло оказать пагубное воздействие>, Писание пощадил его, здесь же было в присутствии всех сынов Израэля, и Писание не пощадил его ради освящения Имени» (Раши на Бемидбар, 20:12).

То есть главный фактор здесь – освящение Имени, и связан он с тем, как то или иное действие будет понято окружающими.

ÍÁÌ ÈÑÁÌ Í ÛÁ ÁÓËÁÛ - È ÁÓËÁÛ, ÁÛÁËÓÛÁ ÍÁ ÈÁÌ ÍÁ

Объяснение поведению Ребе можно найти и на ином, более глубоком уровне. Ответ Ребе тюремщикам связан был не только с его пониманием своей ответственности как еврейского лидера; он твердо решил придерживаться жесткой линии поведения во всем. Он претерпел за свою твердость множество физических лишений, при том что его позиция имела отношение не только к проблемам, связанным с освящением Имени Б-га и проповедью Торы.

Чем объясняется эта смелость, доходящая до крайности? Название раздела Торы «Хукас» дает ответ на этот вопрос. Рабби Шнеур-Залман из Ляд поясняет: слово «хок», обычно переводимое как «закон, не имеющий видимого рационального объяснения», следует понимать как производное от ивритского

«хакок» – «вырезанное и выбитое (на твердой поверхности)», то есть отличное от «просто написанного». Когда человек просто пишет – на пергаменте или бумаге, – он наносит буквы на поверхность листа. Чернила впитываются, но при этом буквы и то, на чем они написаны, остаются двумя разными сущностями: чернилами и бумагой или пергаментом. Текст оказывается чем-то дополнительным по отношению к своему «носителю». И эти буквы легко можно удалить или изменить.

С выбитой на камне надписью дело обстоит иначе: буквы образованы субстанцией самого материала, на который они наносятся, они – часть камня. Их нельзя удалить с камня, не изменив его.

Точно то же происходит и на духовном уровне. Когда служение Б-гу является чем-то дополнительным по отношению к сущности человека, оно легко может претерпеть изменения под воздействием внешних обстоятельств. Внешние факторы могут заставить человека не до конца исполнить те или иные обязательства, связанные со служением Б-гу, – и это не затронет внутренней сущности человека. Но если служение Б-гу «выбито в душе человеческой», как буквы на камне, оно не подвержено изменениям. Заставить такого человека отказаться от своих обязанностей служения возможно, только лишь разрушив его личность, – так же, как стереть буквы с камня можно, только лишь отколов часть этого камня.

Когда служение Б-гу «записано» в душе, человек готов на самопожертвование во имя любой малости, связанной с сутью иудаизма. Никакие доводы разума, призывающие к отказу от строгого исполнения заповедей, к любому несовершенному служению, не принимаются во внимание, ибо индивидуальность человека в этом случае неразрывно слита с каждым аспектом его служения.

Для Ребе исполнение Торы и заповедей было «буквами, вырезанными на камне», не отделимыми от его сущности. Его жертвенность не была результатом какого-то умозаключения, интеллектуального анализа, взвешивания «за» и «против». Это был естественный ответ Ребе как личности, для которой служение Б-гу было сущностью.

וְדַבַּר יְהוָה

«וְדַבַּר יְהוָה אֵלַי»

Название «ав» восходит ко временам Таргума. Однако, согласно традиции (восходящей к самой Торе), когда в Шабос накануне наступления месяца ав произносится благословение грядущему месяцу, его называют «менахем ав». Это же наименование принято и в юридической практике, его можно встретить в документах и разводных письмах. Более того, в них месяц может быть назван просто «менахем», ибо «известно: месяц ав называют “месяц менахем”, поэтому, если в разводном письме употреблено такое название, развод считается совершенным в соответствии с законом».

Со словом «ав» связаны мрачные ассоциации, что отражено в высказывании Талмуда: «Приход месяца ав – лишение радости». Отсюда, собственно, и возникло словосочетание «менахем ав»: мы молим Б-га быть нашим «Менахем» – «Утешителем», когда подступают тяжелые воспоминания, связанные с месяцем ав. Тем не менее с месяцем ав связаны и положительные коннотации, относящиеся к уровню куда более высокому, чем тот, который задан обычным значением слова «менахем». Наши мудрецы, да будет благословенна их память, сказали о стихе «Я, Я – утешающий вас» (Ишаяу, 51:12): «Жалость – удел отца, и написано: Как жалеет отец сыновей, <так> жалеет Г-сподь боящихся Его» (Теилим, 103:13). Удел матери – утешать, и написано: «Как тот, чья мать утешает его. И сказано Б-гом: “Сделаю для вас как отец и мать”».

Значит, мы имеем дело с тремя различными аспектами названия месяца: ав – всё то, что связано с горькими воспоминаниями; менахем – утешение матери; ав – жалость отца.

וְדַבַּר יְהוָה אֵלַי וְדַבַּר יְהוָה אֵלַי

Нужно провести границу между утешением и жалостью, которая восходит к понятию милосердия. Утешение связано с потерей: по этому поводу выражается сочувствие. Даже выслушав слова утешения, мы продолжаем испытывать чувство потери. Чтобы утешить человека, ему предлагают какие-то рациональные истолкования, вплоть до того, чтобы подтолкнуть его принять выпавший опыт с чувством радости, которое дарует вера, когда человек полностью подчиняется воле Создателя. Но всё-таки человек продолжает чувствовать в душе пустоту и провал, вызванные потерей.

Именно на этом основании Закон говорит: после того как истекло время для выражения соболезнований скорбящему, утешать его запрещено. Когда период острой боли остался позади, слова утешения могут вновь разбередить рану и причинить новую боль, ибо утешение не прекращает боль, но лишь уменьшает ее.

На первый взгляд мы имеем основания предположить, что с воскресением из мертвых утешение станет попросту ненужным, ибо сказано: «Утрет Г-сподь Б-г слезы со всех лиц» (Ишаяу, 25:8).

Но жалость Б-га, Его милосердие бесконечно отличны от утешения. Его милосердие становится воздаянием за любую потерю, так что боль полностью стирается из сознания. В этом объяснение слов молитвы, которой мы славим Г-спода: «по великому милосердию возвращающий мертвых к жизни». Атрибут великого милосердия упоминается здесь потому, что трагедия смерти и связанного с ней страдания удалены.

Сказанное можно проиллюстрировать историей о рабби Зусе из Анаполя. Учитель рабби Зуси, Межеричский Магид, послал одного из своих учеников к рабби Зусе, живущему в совершенной бедности и злосчастии. Общение с рабби Зусей, по мысли Магида, должно было открыть ученику, как принимать испытания с радостью. Юноша пришел к рабби Зусе и поведал о цели своего визита, рабби же ответил: он, дескать, не имеет ни малейшего представления о том, чем может быть полезен гостю, ибо ему, рабби Зусе, никогда не доводилось страдать и испытывать в чем-либо недостатка. Он достиг столь возвышенного состояния самозабвения перед лицом Б-га, что из его сознания изгладился всякий опыт, описанный в Торе как страдание. Ради этого и посылал Магид своего ученика к рабби Зусе: юноша познал, какой глубины могут достигать смирение и самозабвение праведника.

В свете этой истории мы поймем смысл слов Б-га: «Я – отец вам и мать». В грядущем нам будет явлено не только откровение утешения, но и манифестация жалости и милосердия Создателя.

וְהָיָה לְבָרְכָא לְבָרְכָא

Однако перед нами остается проблема: если Б-г откроется нам в грядущем во всем избытке Своего милосердия, стерев тем самым из нашего существования всякую боль и потерю, зачем будет утешение, в чем оно будет состоять?

Тварный мир создан Б-гом, чтобы Он обрел обитель в нижних мирах. Говоря иначе, мир должен сохранить свою конечность – но при этом стать обителью для Б-га, Который Бесконечен. Однако Б-жественное откровение, укорененное в милосердии Б-га, исходит из столь высокого источника, что конечность мира по отношению к ней оказывается совершеннейшим ничто. Тем самым проявление Б-жественного милосердия может повлечь за собой самоуничтожение, распад тварного мира. Между тем в намерение Б-га входит, чтобы нижние конечные миры существовали. Значит, в тварном мире будет присутствовать стремление вернуться к верховному источнику бытия, соединиться с ним – но Б-г всё-таки желает, чтобы они были двумя отдельными сущностями. И здесь утешение становится необходимым: несмотря на глубочайшее духовное томление, человек продолжит существование в нижних мирах.

И это тоже подразумевается словами Б-га, что Он будет нам и «отцом», и «матерью». В грядущем откровении оба эти качества будут нам раскрыты. Атрибут «отцовства» соответствует мистической сфере Хохма (буквально «мудрость»), пребывающей выше нисходящих последовательностей тварных созданий, а ее откровение в нижних мирах обычно ведет к исчезновению объекта откровения, его полному распаду. Атрибут «материнства» соответствует мистическому уровню Бина (то есть «понимание»), который не дает Б-жественному свету, исходящему от Хохмы, растворить мир.

В эру Мошиаха, но никак не раньше, произойдет их нисхождение, они будут поняты и приняты в земном бытии и совершится духовное соединение сфер Хохма и Бина.

Сорок два перехода человека

Рабби Исроэл Баал-Шем-Тов говорит: сорок два перехода, совершенные евреями в пустыне после освобождения из египетского плена, отражены в жизни каждого человека. В первом стихе, открывающем раздел Масьэй, сказано: «Вышли из страны Египетской» (Бемидбар, 33:1). Египет в этом стихе может пониматься двояко: слово «Мицраим» может быть прочитано как Египет, но может читаться и как «мейцарим» – «пределы, границы» – то есть то, что мешает развитию. Тем самым «покинуть Мицраим»

(то есть покинуть плен) означает и «родиться» – а вслед за этим всех нас ждут «сорок два перехода» жизни. Целью странствий евреев, вышедших из Египта, была Страна обетованная, наша же финальная цель – достижение духовной «страны жизни».

Однако задумаемся: иные переходы из этих сорока двух, совершенных евреями в пустыне, не были благословенны в глазах Г-спода. Как же тогда события Исхода могут служить «парадигмой» жизни каждого из нас? Баал-Шем-Тов поясняет, что эти «переходы» в пустыне сущностно были освящены, однако в результате неподобающих людских поступков, спровоцированных свободной волей, данной нам от Б-га, благо было утрачено: его вытеснила довлеющая над человеком «актуальность». Но когда евреи действуют подобающим образом, в гармонии с Б-жественной заповедью «избери же жизнь» (Дворим, 30:19), то все наши странствия ведут к восхождению и направлены к святости. Императив этой заповеди открывает нам возможность и ниспосылает Б-жественную помощь, чтобы мы выполнили нашу задачу – ибо задача эта исходит от Б-га и сформулирована в Торе.

Баал-Шем-Тов говорит о стоянке у Киврос а-таава (Могила желания), названной так потому, что «там похоронили прихотливый народ» (Бемидбар, 11:34). В интерпретации Баал-Шем-Това духовный смысл этой стоянки заключался в том, что она должна была свидетельствовать о возможности достижения высокого уровня святости, когда похоть и желание евреями были не только подавлены, но «погребены»: желание уничтожено настолько, что были невозможны связанные с ним эмоции. Впрочем, влияние материальных импульсов привело к тому, что стоянка у Киврос а-таава актуализировалась иначе: евреи возроптали, что хотят мяса, и ветер принес перепелов с моря, и собирали они их, и ели – после же «поразил Б-г народ мором весьма сильным. И нарекли тому месту имя Киврос а-таава...» (Бемидбар, 11:33,34).

Из этого понятно, какова, согласно Баал-Шем-Тову, параллель между переходами в пустыне и жизнью еврея. Каждый из нас слишком хорошо знает на своем опыте, что в прошлом то или иное наше движение, направленное ко благу, нередко оборачивалось своей противоположностью.

Помышляя о грядущих «переходах», еврей должен помнить, что перед ним открыт выбор, обернется этот путь к добру или злу, а Б-жественная заповедь учит нас: переход необходимо совершать, храня приверженность благу и сохраняя праведность. Задача «выбрать жизнь» непосредственно связана с учением Торы, указывающим на Древо Жизни – Хасидут, внутреннее учение Торы, согласно которому внутреннее благо, присущее каждой вещи, должно проявиться и трансформировать то, что не есть благо «в силу жизни».

יְאֵאָוֹרֵאִי אֲנֹכִי עַ

Всё вышесказанное относится к периоду, описываемому как бейн а-мейцарим («между напастями») – трем неделям между 17 днем тамуза и 9 днем ава, когда принято читать раздел Торы Масьэй. То, что могло бы актуализироваться на духовном уровне, дав толчок к возвышенной святости, в силу духовных недостатков еврейского народа спровоцировало ситуацию «между напастями».

Это верно в отношении греха, который евреи совершили, сделав золотого тельца, что повлекло за собой целый ряд иных прегрешений. Как сказано, «скитается Иеуда из-за гнета и тяжкого труда, расселился среди народов, <но> не нашел покоя; все преследовавшие его настигли его в беде» (Эйха, 1:3). Грех этот случился в силу того, что во время получения Торы евреи удостоились духовного видения Меркавы – престола Б-га – и среди иных деталей увидели «клик тельца» над Меркавой. А значит, даже этот случай, когда искаженное понимание происходящего привело к ужасающему греху – греху с золотым тельцом, мог бы развернуться иначе, используя люди данную им свободную волю надлежащим образом, сообразуя ее с заповедью «избери же жизнь». Более того, ситуация могла разрешиться восхождением к очень высоким уровням святости, ибо переживание видения Меркавы на Синае превосходило своей интенсивностью видение Меркавы, которого удостоился пророк Иехезкел.

О Яроваме, сыне Небата, которого Мишна характеризует как человека, который «грешил и других вводил в грех» (Пиркей Овойс, 5:21), Талмуд говорил, что тот истолковывал книгу Ваикро сто тремя оригинальными способами. В Торе сказано: «Вышел в то время Яровам из Йерушалаима, и встретил его на дороге пророк Ахия Шилониянин, одетый в новую одежду. На поле их было только двое» (Млохим I, 11:29). Талмуд поясняет: этот стих означает, что они сформулировали те основы учения о Торе, которые дано было прояснить только им (Сангедрин, 102а).

Но Яровам настолько поддался влиянию зла, что в конце концов его поведение стало прямой противоположностью добродетели. Число 103 – нумерологическое значение слова «эйхел» («телец») – того образа, который Яровам насадил, чем помешал восхождению Иерусалима на более высокий уровень. Тот же интеллект, обратись он на более подходящие предметы, мог бы служить углублению духовности.

Это верно и в отношении бейн а-мейцарим, и причин этого времени скорби: если бы не разрушающий эффект всеразъедающего зла, то время это могло бы стать временем духовного восхождения.

Однако даже в этих событиях, уже случившихся и принесших с собой столько горя, покаяние – тшува – обладает достаточной силой, чтобы преобразить деяние, в основе которого зло, в действие, служащее добродетели.

С помощью тшува евреи могут добиться немедленного и полного искупления, так что уже наши дни могут стать днями радости и счастья. С помощью бейн а-мейцарим – периода, когда особенно ощутимо, сколь мы ограничены и сколь узкие пределы нам положены, – мы обретем «нахала бели мейцарим» – не ограниченное ничем наследство и духовное откровение, которое будет нам дано через праведного Мошиаха.

ЗАЙКА

Симон Джекобсон

Сострадание, лидерство и секрет общения

Речь его была неторопливой и взвешенной. Все слова казались точно отмеренными, словно он нес ответственность за каждый произнесенный звук: сказать только необходимое – не больше и не меньше. Редко мне доводилось слышать оратора со столь выверенной речью. Еще больше подкупали его скромность и достоинство. Он говорил о проблемах, с которыми некоторые из нас сталкиваются, – одни переживают личное горе, другие страдают от психологических травм, третьи живут с физическими увечьями. То сочувствие и понимание, с которым он описывал внутреннее одиночество этих людей, свидетельствовало о том, что и ему пришлось немало претерпеть.

«Наберитесь терпения, – говорил он. – Не поддавайтесь панике, не позволяйте увлечь себя сиюминутным порывам. Будьте самими собой – и всегда знайте, что ваша душа прекрасна, какие бы травмы вы ни пережили. Коже больно, когда она обожжена, но вы не теряете от этого достоинство, не становитесь другим человеком. То же самое касается эмоциональных переживаний, неуверенности в себе. Что есть, то есть, но это никак не относится к вашему внутреннему “я”».

Заканчивая свое проникновенное выступление, он неожиданно и явно неспроста заговорил быстрее. «Позвольте поделиться с вами... ма-ма-ма-ма-маленьким с-с-с-секретом, – произнес он с большим трудом, едва в силах закончить предложение. – С раннего де-де-де-детства я за-за-за-заикаюсь. Но... – тут он опять заговорил медленно: – Благодаря упорному труду и терпению я научился контролировать себя. И вы тоже сможете».

Он медленно сошел с трибуны. Аудитория потрясенно молчала.

Мне стало очень грустно. Я вспомнил своего одноклассника, который тоже заикался. Сердце разрывалось, когда я слышал его срывающийся голос, видел судороги на лице, мучительные попытки выразить себя. Но ведь только что, в течение сорока минут, мы слушали такую яркую и глубокую речь! «Какое требуется мужество, – подумал я, – чтобы, будучи столь уязвимым, предстать перед толпой!»

Кто из заик был впервые запечатлен историей?

Об этом нам рассказывает Тора. Б-г избрал Моше, чтобы он освободил еврейский народ от ига египетского фараона. В знаменитом диалоге с Б-гом, из которого мы можем многое почерпнуть для себя, Моше отказывался стать Его посланником. Трижды, и всякий раз приводя новые аргументы, Моше заявлял, что не может говорить от имени Б-га: «человек я не речистый – ни со вчера, ни с третьего дня, ни с того времени, когда заговорил Ты со служителем Твоим, ибо я косноязычен и заикаюсь» (Шмойс, 4:10)^[1]. Это указывает нам на то, что на протяжении семи дней Святой, благословен Он, увещевал Моше у терновника отправиться с миссией, возложенной Им на него. «Со вчера», «с третьего дня», «с того времени, как заговорил Ты» – это три дня и еще три распространительных союза – итого шесть дней, а на седьмой день Моше сказал Ему: «пошли того, кого Ты всегда посылаешь» (Шмойс, 4:13), – Он разгневался на него (Шмойс, 4:14), и тогда уже Моше принял на себя миссию (Ваикро раба, 11; Седер олам, 5). И всё это потому, что он не хотел величием превзойти своего брата Аарона, который был старше его и был пророком, ибо сказано: «Я открылся дому отца твоего, когда они были в Мицраиме» (I Шмуэл, 2:27): «отец» – это Аарон. Также сказано: «и Я открылся им в земле Мицраим <...> и Я сказал им: Пусть каждый отбросит мерзости от глаз своих» (Иехезкел, 20:5–7): это пророчество дано было Аарону (Танхума; Шмойс раба, 3). Заметим: нигде не сказано о том, что Моше был пророком еще в Мицраиме, но известно, что Аарон пророчествовал уже там. И, значит, 13-й стих 4-й главы книги Шмойс можно понять так: пошли того, кого Ты обычно посылаешь, то есть Аарона.

Моше стал главным вестником Б-жым – тем, кому довелось вручить Тору своему и будущим поколениям. Но почему из всего народа Б-г выбрал вестника, который не был «речист», вестника с «тяжелыми» речью и языком?

В книге Зогар объясняется, что у египетского изгнанника Моше и «речь была в изгнании». Моше, с его бескорыстием и самоотверженностью, целиком отдался Б-жественному призыванию, стал связным Б-жым и не мог жить двойной жизнью. В мире страданий – ужасающего египетского плена, в

котором невинный народ переживал рабство и геноцид, – Моше самым прозрачным образом являл людям окружающую реальность в ее подлинном виде. Поэтому и речь его не могла быть разборчивой: она пребывала «в изгнании» вместе с еврейским народом, в египетском плену. Страдания окружающего мира в буквальном смысле заперли уста Моше.

Менее чуткий человек, на жизни которого необязательно отражается чужая боль, продолжает говорить и указывать другим даже в тех случаях, когда нужно помолчать. К сожалению, мы способны улыбаться и веселиться, когда вокруг нас весь город охвачен пожаром. Обычно люди стремятся защитить себя, их мало заботят страдания других.

Но Моше, как верный пастырь, не мог пребывать в покое, когда страдали ближние. Его плоть изнемогала от боли, голос срывался от страданий, выпавших еврейскому народу в Египте.

Мистики говорят, что Моше появился на свет из иного измерения, не подлежащего словесному определению. Душа его вышла из тайного мира «мысли», который невозможно выразить в видимом мире «слова». Поэтому он настаивал, что не может освободить народ, пребывающий в мире рациональном, мире слова. Но Б-г возразил: «Кто дал уста человеку и Кто делает его немым, или глухим, или зрячим, или слепым – не Я ли, Б-г? Итак, иди, и Я буду повелевать твоими устами и укажу тебе, что говорить» (Шмойс, 4:11, 12).

Именно потому, что Моше был воплощением самоотдачи, ощущал боль других и обладал душой, превосходящей всякое словесное выражение, Б-г выбрал его, чтобы освободить народ из египетского плена.

Впоследствии, когда евреи сбросили иго рабства и Б-г занял место в их жизни, исцелился и Моше. Теперь он мог выразить словами глубочайшую Б-жественную сущность.

Иными словами, в человеке абсолютно бескорыстном, с самоотверженной душой (битул), всегда отражена окружающая реальность. В мире страданий, в изгнании происходит разрыв между мыслями и словами такого человека, и в результате он пребывает в молчании. На свободе же он становится проводником, связным между сверхрациональным миром мысли и рациональным миром слова.

Нам известно, что Моше – величайший связной всех времен. После исхода из Египта он получил на Синае Тору и открыл ее народу. Человек «не речистый» стал источником Б-жественного слова на все времена. Целая книга в Торе получила название «Дворим» – «Вот речи»: это речи обличительные, здесь перечислены все случаи, когда евреи гневили Вездесущего. Речи Моше, человека «не речистого», всегда в нашей памяти. Чьи еще слова за всю историю человечества так хорошо известны и изучены? Сколько книг и комментариев было написано, чтобы понять каждый звук из уст Моше?

Но как же всё-таки могло случиться, что величайший связной был человеком «не речистым»?

Дело в том, что настоящее связующее начало – это вовсе не блестящие идеи, ораторское красноречие и убедительная презентация. Это битул (самоотдача): признание того, что ты – прозрачный проводник истины, которая превыше тебя. Моше олицетворял собой битул, он воплощал в себе истину в большей степени, чем всякий «говорящий». Его прозрачность – ключ к его таланту связного. Обратимся к тексту: «Моше пас овец» (Шмойс, 3:1): мидраш разъясняет нам, что Б-г проверял своих «ставленников» именно через отношение к овцам (так впоследствии было и с Давидом). Однажды ягненок отбил от стада, Моше разволновался и отправился искать его. Он обнаружил ягненка неподалеку, пьющим воду из ручья. Взвалив животное на плечи, Моше отнес его обратно. «Ага, – решил Б-г. – Моше волнует судьба даже одного-единственного ягненка среди тысяч других. А ведь его никто не заставлял это делать. Насколько же тогда его будет волновать судьба Моего народа! Моше достоин, чтобы Я выбрал его вождем». Опять же, только Моше задело то, что египтянин избивает еврея, – он не мог не вступить за соплеменника (Шмойс, 2:11, 12). А уже на следующий день он услышал от соплеменника: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Или ты помышляешь убить меня, как убил ты египтянина?» (Шмойс, 2:14).

По иронии судьбы, в наш информационный век нам еще многому нужно научиться у Моше. При всех наших удивительных достижениях в коммуникационных технологиях, мы сталкиваемся с небывалой разобщенностью – супругов, родителей и детей, соседей, общин, народов. Электронная почта, форумы, система обмена быстрыми сообщениями, голосовая почта превратили всех нас в больших специалистов, говорящих обо всем – и ни о чем.

Но на самом ли деле мы говорим? Действительно ли мы общаемся? Кажется, кто-то сказал: «сегодня люди читают больше и больше – о меньшем и меньшем»...

Моше был человеком «не речистым», но он учил нас: говорить по-настоящему – значит общаться. А общение предполагает, что человек слушает не меньше (а то и больше), чем говорит. Чем более вы прозрачны, тем продуктивнее общение. И обратно: чем больше ваше «я» стоит у вас на пути, тем меньший отзвук получит ваше слово. Если между словом и слушателем стоит ваша личность, она выхолостит и извратит слово.

Большинство из нас наделены даром ясной речи. Разумеется, это великий дар. Но используем ли мы этот дар, чтобы сообщать истину? Наше слово – исполнено ли оно добра и тепла, творит ли оно любовь? Способны ли мы передавать в слове интимные переживания и глубочайшие духовные устремления? Не слишком ли часто мы говорим на языке оскорблений и обид – словами разделяющими и скрывающими, а не исцеляющими, объединяющими и разъясняющими? Речь нашего тела – несет ли она слово нашей души? И наоборот: не понуждаема ли наша душа транслировать самовлюбленное слово телесных устремлений? Физически наша речь может быть ясной, но в духовном плане – не заикаемся ли мы?

Пока наш дух и наше слово не образуют единого целого, разве не продолжаем мы заикаться, лишь иногда делясь друг с другом одним-двумя истинными словами?

Заикание – это знак несоответствия. В нашем искореженном мире, где материи и духу еще предстоит соединиться, где материальные затраты не обязательно отражают духовные потребности, все мы – заики. Мы заикаемся в поисках любви и близости, заикаемся в своих страхах и сомнениях. Мы заикаемся, когда должны сказать правду детям и ученикам. Мы заикаемся, когда следует быть добрыми к друзьям и уважительно относиться к незнакомцам.

Правда, некоторые из нас освоили искусство скрывать свое заикание за изящным фасадом слов. «Бойкость речи», умение «продать», «вертеться», «крутиться», «надувать», «подсаживать на крючок» – мы знаем, как можно выгодно что-то «продать», даже если это не приносит нам ощутимой выгоды (еще мы знаем, как убедить себя, что выгода есть, даже если на самом деле ее нет). Не всякая «продажа», разумеется, лишена смысла, но все они очень далеки от прозрачной бескорыстности.

Мы живем в мире политиков, актеров, моделей, которые гордятся своей способностью представлять в любом виде и образе без малейшего намека на заикание.

Заикание отражает двойственность бытия, разрыв между внутренним и внешним.

Но есть и другая сторона дела. Перед каждым заикой открывается многообещающая возможность обнаружить бескорыстие (битул) и величие, превосходящее всякие слова, – как это было с Моше. Заика, о котором я рассказал вначале, с его глубоким чувством сострадания, – прекрасный тому пример.

Можно понять, почему среди мужчин заики встречаются в четыре раза чаще, чем среди женщин. Сканирование мозга показывает: у женщин соединительная ткань, обеспечивающая взаимодействие двух полушарий головного мозга, заметно плотнее, чем у мужчин, и в результате, по-видимому, полушария взаимодействуют легче. Исследование, проведенное учеными Йельского университета, показало, что в момент речи у женщин задействованы оба полушария, в то время как у мужчин – только левое.

Симон Барон-Коэн, директор исследовательского Центра аутизма Кембриджского университета и автор книги «Существенная разница: правда о мозге мужчины и женщины», объясняет это явление структурой мозга женщины. Многие такие различия характерны для взрослых людей, что можно объяснить социальными причинами и образом жизни. Однако некоторые различия выявляются уже на ранних стадиях жизни, что наводит на мысль об их биологической подоплеке. Например, уже в первый день жизни новорожденные мальчики и девочки сосредотачивают внимание на разных предметах: суточного возраста мальчики задерживают взгляд на механических устройствах, а девочки – на лицах окружающих людей. Девочки начинают говорить раньше мальчиков и на втором году жизни их словарный запас растет быстрее. Годовалые девочки быстрее мальчиков устанавливают зрительный контакт. В результате Коэн делает вывод: «мужчины в целом больше склонны к систематизации, а женщины – к сопереживанию».

Видимо, женщины в ряде случаев способны оградить душу от соприкосновения с «заиканием» упорядоченной, систематизированной вселенной.

С другой стороны, Моше, с его абсолютным сопереживанием, в полной мере постиг и отразил двойственность вселенной – чтобы преодолеть ее.

Присутствием души в нашей жизни, ее глубоким сопереживанием, мы можем высвободить силы, удерживающие нашу речь «в изгнании». И тогда мы обнаружим величие, которое так часто скрывается за «заиканием».

В молчании есть что-то обязывающее. Возьмем немые фильмы: вынужденные играть молча, актеры передают свои чувства мимикой лица и телодвижениями. Это первый язык, который все мы постигаем, еще будучи младенцами. Только потом мы узнаем язык слов. Иначе говоря, как белый лист важнее печатных букв, так промежутки молчания между словами более важны, чем произносимые звуки. Давайте учиться состраданию у Моше, чтобы исцелить искореженный мир.

Уроки просты, но глубоки:

Не будьте самодовольными. Заботьтесь об окружающих. Защищайте невинных. Сражайтесь с тем, кто готов обидеть другого. Действуйте решительно перед лицом терроризма. Спротивляйтесь любой форме разделения.

И прежде всего: будьте скромны и сопереживайте.

Позвольте Моше войти в вашу жизнь – и вновь случатся чудеса.

III *Давос бэақіаао: «à ý òó'íòá:éâ» - áóéâéúí «ñ'íáíáòáçáí'íúì è áòòàì è», ñ«çáì éíòòúì è», «çáì'á-àòáí'íúì è» áòòàì è. È òáéçá ááçá, íí í íáì ó í íáíèç, ýò'íò ýíèòáò íçí'á-ááò «áúòú çáèòúòúì, çáèò'íòáí'íúì, çááðáçéááí'íúì». Íáíðèì áá, á Èðì èýú 6:10: «èò óó' çáèòúò' è íá íéúèèò»; «çáèòúòú ñáòòáì» (Èðì èýú, 10:25), ò. á íáíð'íéòááí ù áéý' íííèì áíèý; «í'áé è òú çáèòúò» (Òáááéóé, 2:16), ò. á ñòáí'í'áíð'íéòááí úì, ííçý'íáá'íò ÷áèè íð'èéýòéý.*

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

Леонид Радзиховский

Итак, красавец Киев может украсить еще одним памятником.

Есть Хмельницкий – будет и Петлюра.

Национальные герои: Хмельницкий, Мазепа, Петлюра, Бандера.

Впрочем, Хмельницкий для украинских националистов фигура сомнительная – объединитель с москалями! По отношению к остальным героям вопросов нет – перед Украиной чисты.

Итак, четыре политика, из них три боролись с Россией и три – Хмельницкий, Петлюра, Бандера – прославлены погромами. При этом Петлюра был, как известно, убит в Париже в 1926 году Шварцбордом, по официальной версии – в качестве мести за родных, погибших в погромах. На суде он был оправдан.

Сейчас украинские историки доказывают, что Петлюра «лично» не был антисемитом, больше того, даже «выступал против» погромщиков. История, как известно, есть политика, опрокинутая в прошлое. В России нам даже не объясняют, что Колчак, скажем, не виноват в погромах времен Гражданской войны – никто его и упрекнуть-то не смеет, не в чем и оправдывать...

Что касается Петлюры, то темна вода во облацех.

Убедительных доказательств его ЛИЧНОГО антисемитизма, его ЛИЧНОЙ роли в организации погромов никогда, кажется, и не приводили. Громили его гайдамаки – украинские крестьяне, вошедшие в «армию» Петлюры. Что это было за «воинство», мы знаем из «Белой гвардии» Булгакова. В его описании (а он-то – живой свидетель) – просто обыкновенные бандиты, впрочем, убивавшие и грабившие «на национальной основе». «Утопим москалей в крови жидов» – давно известный лозунг...

Но какое вообще значение имеет ЛИЧНАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ позиция политика? «Только бизнес – ничего личного».

Безусловно, были политики – патологические юдофобы, естественно, во главе с Гитлером. Личным антисемитизмом в тяжелой форме отличался Александр III (впрочем, не факт, что погромы 1881 года делались по его приказу). Этой наследственной болезнью страдал Николай II. А вот, скажем, Черчилль вообще-то известен скорее как юдофил – что не мешало ему (по до сих пор абсолютно не понятным причинам) отказываться разбомбить Освенцим – дескать, «не военный объект» (то ли дело Дрезден, где не

было военных заводов). Если взять нашу историю, то Андропов был, как известно, как минимум, наполовину евреем – а как тщательно под его руководством КГБ «выпалывало» евреев из всех престижных вузов, из МИДа, партийных органов, с любых руководящих постов, напоминать нет нужды. Сталин почти догонял в своих попытках «окончательного решения» Гитлера. При этом совершенно не факт, что он (по крайней мере, до конца 1940-х) ЛИЧНО был таким уж антисемитом – одно время евреем был начальник его личной охраны, в его окружении всегда хватало евреев, даже атомный проект и то возглавляли евреи (Ванников, Харитон).

В общем, это я к тому, что «хобби» и «бизнес» у политика не всегда совпадают. Допустим, антисемитизм не был «хобби» Петлюры – просто он был бессилён остановить погромы. Ну не бороться же ему против своей армии! Но в таком случае его вина ненамного меньше – ведь как-никак, а за всё, что происходило на Украине в 1918 году, её глава (Петлюра) всё равно несёт ответственность.

Говорят, что советская власть была заинтересована разыгрывать карту антисемитизма Петлюры, говорят, что и сам Шварцборд не просто «мстил за родных», а мстил за «родных чекистов» (как и другой еврей, в 1929-м в Москве убивший бывшего белого генерала Слащева, тоже «из мести за родных, погибших в погромах»).

Ну и что? Если Шварцборд – действительно агент ОГПУ, если СССР боролся с украинским национализмом, тыча в их юдофобию, то разве это что-то меняет? Сегодня Москва тоже дружит с Ираном и «Хамас» и глубоко возмущена прибалтийскими нацистами. И разве это лицемерие Москвы делает меньшими вполне реальные преступления вполне реальных прибалтийских фашистов?

Нерасторжимая связь украинского национализма с антисемитизмом – увы, факт объективный. И хотя сейчас, понятно, иные времена, но, похоже, что «оранжевая революция», которую так активно поддерживала в том числе и еврейская интеллигенция в Киеве, привела и к росту «европеизации» и к углублению «украинизации» Украины. Какой вектор перевесит, сказать трудно.

На практике, между прочим, это выразилось в том, что число евреев-депутатов Верховной Рады уменьшилось при новых выборах вдвое (и из них добрая половина – от партии Януковича). Конечно, это может быть случайностью, как случайностью может быть и резкий рост антисемитских инцидентов. Да, «единого организующего начала» за всем этим нет – но в свободной Украине атмосфера для евреев, похоже, стала хуже, чем в «гнилые времена» Кучмы.

Сегодня многое зависит от политической элиты. Да, там нет заядлых юдофобов (кажется!). Есть заядлые популисты (та же «панночка»), которые никогда не поднимут неприятный вопрос об антисемитизме – зачем? Голосов это не принесет, а неприятности гарантирует.

Ну, и, наконец, крайне важна позиция самого президента.

Петлюра не был антисемитом. Допустим. Но он был слабаком, который не мог с ними бороться. Ющенко точно не антисемит. Но насколько он силен – вот в чем вопрос...

Да, сила была на их стороне. И именно она, эта упорная, негибкая, яростная сила питала презрение этих людей к остающимся в стороне от их великой борьбы обывателям. Но если презрение старика Верхотурского к своему старому гимназическому товарищу, погрязшему в обывательском болоте, было легким, насмешливым, отчасти даже добродушным, то у военкома Факторовича оно граничило чуть ли не с ненавистью:

...Iie inoaeini a efi iada, inoaeini i i aeai e inoaei edoi u e i oee. Ia inoai ad aeine aeie e oea, aeiiua naye eide-iaito inoe adeata Iia inoaeip Aadri ooneia nolyei edoi, iieia geioia ioua, a araeiiu, iiaoiay e nrei aa-iui neaaiui ediaoeai, noiaee inoiofaif, -oiatu ia iiaiaeeou aii aaiuo aeeyiuo adoeia nifaeefi e iadeifaiiui e adoei e, noaeeyiuo aaiie niaeeifaii e aeoiiaui aadauii. Iie if-aaee a efi iada idiaouaiie a eeaiaop, e oioy efi iada auea i-aiu aeiee, a iae iaia auef iiaiooiuy, eaf I aduy Aiadaai a neaeaii eae ioee-iaiy oicyea, a aieoio ei ae aieuoop idaeoeo a iedai iuo aadaiyu...

Oaeo adiaef: eefie e caaafde e iea:ouei aeim:

- Oiaadeue, y caaii n oi a meao B cauioapni a yote iaioaifaea B aaii nni ae e a oaeie nni ae ea o nni i ai aoe...

Yoiu inoue, miferieue e eaneraie aii iaifi eiae ai o aionoai. I aduy Aiadaai a oadaeoadri i-aiuiiofaeaa ia aaf oaeo - inoaeop inoioiooa. E ii aii iee, eae aa i aca, aao-e neaiaaoaeai -aea, ii idoeae if-uy adai iaiiaou aai oea - ayap cyi o aiaefia oieioyea, eeaiefia ideiyaeifia iiaaifia. Ayap ideaafdeee e caep-afep a efi iada odaeifii eaaia ai iefi-ai ey adaeaiieie aieiu, ii ii cadapeiny ni iyefi e oi ad. E Oaeo adiaef: aii iiee, eae oaeaa idoeaa e iai o a -aea e ii neaie ae i m adoe i oea. Iia caeduea eefi oaei e e afoi ioaea: «A-aea i ie, A-aea i ie», - m aii oae, eae yoi aiaao I aduy Aiadaai a.

A. Adim ai e E. Yoi adia Odi oiaay oioiaoeey

Жена доктора Марья Андреевна напомнила Факторовичу его тетку, старшую сестру отца. А сам доктор, – хоть об этом тут и не говорится, – вероятно, мало чем отличался от его дяди Зямы, киевского

присяжного поверенного, погибшего в концентрационном лагере. Во всяком случае, ему вполне могла выпасть такая же судьба. И можно не сомневаться, что Фактарович, если бы ему пришлось арестовывать доктора, не дрогнул бы, выполняя это очередное партийное поручение, как он не дрогнул, арестовывая мужа своей родной тетки. О том, что доктор – «чуждый элемент», чуть ли даже не «недорезанный буржуй», комиссары говорят, ничуть не стесняясь присутствием членов его семьи – жены Марьи Андреевны и сына (подростка) Коли, который глядит на них с обожанием.

Разговоры эти велись обычно за обедом – «этим великим таинством, которое Марья Андреевна совершала с торжественностью и серьезностью»:

*Ἦν ἂν ἀρεῖται αὐτῶν ἡ ἀδικία ἐὰν αὐτοὶ ἀεβῶσιν, ἡ δὲ ἀδικία ἐστὶν ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος ἡ ἐξουσία αὐτῶν
αὐτοῦ ἐ δαίτα αὐτῶν ἐστὶν ἡ ἰπταεὶ σοφῶν οὐδὲν αὐτῶν ἢ οὐδὲν αὐτῶν «ἀγαθῶν». Ἀέ αἱ ἐαχῆσιν, ὅτι
ἡ ἀδικία οὐκ ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν, ὅτι ἐοδὲ ἡ ἀδικία αὐτῶν ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἰπταεὶ.*

*- Νέεα ἐοδὲ ἡ ἐοδὲ αὐτῶν, - αὐτῶν ἐοδὲ ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος, - αὐτῶν ἡ ἀδικία ἡ ἰπταεὶ ὅτι ὅτι αὐτῶν
ἡ ἀδικία οὐκ ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν, ὅτι ἐοδὲ ἡ ἀδικία αὐτῶν ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

*Ἦν ἂν αὐτῶν ἡ ἐοδὲ, - αὐτῶν ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος ἡ ἐοδὲ, ὅτι ἐοδὲ αὐτῶν ἐοδὲ ἡ ἀδικία
ἡ ἀδικία οὐκ ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

*- Οὐδὲν ἐοδὲ ἡ ἀδικία, - ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος, - ἡ ἰπταεὶ ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία, ἡ
ἀδικία οὐκ ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν «οὐ».*

- Πίπτοῦ, πίπτοῦ - ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία - Gaudeamus igitur.

*- Ἐὰν αὐτῶν ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία, - ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος, - ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία, ἡ
ἀδικία οὐκ ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

*- Ἐἰ ἡ ἀδικία, ἡ ἰπταεὶ ἡ ἀδικία, - ἡ ἀδικία αὐτῶν - ὅτι αὐτῶν αὐτῶν ἡ ἀδικία, ἡ ἰπταεὶ ἡ ἀδικία.
ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

- Ἀ ἡ ἀδικία, - ἡ ἀδικία τοῦ ὄντος ἐοδὲ ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία.

*- Διὰ ἡ ἡ ἀδικία, ὅτι οὐ ἀδικία ἐστὶν ἡ ἀδικία αὐτῶν - ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία
ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

*- Ἀέ αὐτῶν? - ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν - ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν, ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία
αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.*

- Ἐἰ ἡ ἀδικία, ἀδικία, - ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν, - ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν.

- Ἦ ἡ ἀδικία αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν? - ἡ ἀδικία ἡ ἀδικία. - Ἦ ἡ ἀδικία αὐτῶν - ἡ ἀδικία αὐτῶν.

Не только Москвин, заступившийся за доктора (скорее всего из деликатности, чтобы замять неприятный разговор), но и Фактарович, и Верхотурский, этот неприятный разговор начавший, всерьез, конечно, не думают, что доктор – недорезанный буржуй. Но... Вот, например, такой эпизод, вроде бы даже и не имеющий никакого отношения к сюжету рассказа, к главной его теме. Комиссары глядят в окно и видят там такую картинку. Польский солдат снял с какого-то обывателя ботинки. Но обыватель ботинки не отдает, подымает крик, из окон высовываются другие обыватели, и солдат в конце концов швыряет эти злосчастные ботинки своей жертве и, посрамленный, уходит:

Из домов выбежали люди, обступили его, все одновременно говоря и размахивая руками. Потом толстяк пошел к одному из домов, победно стуча отвоєванными ботинками, а люди шли вслед за ним, хлопали его по спине и хохотали, полные гордости, что маленький человек оказался сильнее солдата.

– Да, картинка, – сказал Москвин.

Верхотурский ударил его по животу, проговорил:

Ἐπεὶ οὐκ αὐτὰρ ἰάσασθαι ἔμελλε, - ἵασι δ' αὖτ' ἀπὸ δόρυ καὶ ἰάσασθαι.

Ὅσοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἰὸν ἀπὸ δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἄρα δὲ ἵασι δόρυ, - ἀπὸ δόρυ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

Ἀλλὰ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

...Ἄλλοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ὅσοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἄλλοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

Ἴασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

***

Вот такой рассказ написал Василий Гроссман на заре своей литературной деятельности, в 1935 году.

А несколько лет спустя он вновь вернулся к этой коллизии. И на этот раз разработал ее уже иначе.

Коллизия эта возникает в одной из глав романа «Степан Кольчугин», над которым писатель работал в конце 30-х. Старый подпольщик, большевик Бахмутский, прошедший огонь и воду и царскую каторгу, приезжает в Юзово по своим подпольным большевистским делам и поселяется в квартире либерального доктора – брата своей жены. К доктору он относится совершенно так же, как уже знакомый нам старый большевик Верхотурский к такому же либералу доктору, приотившему его и его товарищей в своей буржуазной квартире, когда город внезапно был занят белополяками: с небрежной, жалостливой снисходительностью, как, собственно, и полагается непримиримому, твердокаменному большевику относиться к «мягкотелому» либералу:

Ἀλλὰ οὐκ αὐτὸς ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἴασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἄλλοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε, ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

Ἴασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Βόσταν ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἐπὶ δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἴασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

Ἄλλοι δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- Ἐπὶ δὲ ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε ἵασι δόρυ καὶ ἰάσασθαι ἔμελλε.

- È :adòd! - edeéíoe átéoiò, è íí è íáà dàííí áyéèíí

Характер этого диалога и других, ему подобных, автор чуть позже определяет такой короткой ремаркой:

Петр Михайлович вначале хотел продолжить уже однажды установившийся строй разговора: внешне – ласкового приятельского, а внутренне – основанного на враждебности и неуважении.

Но даже стиль этой внешней ласковости и приязни Бахмутскому выдержать не удастся. Ни с того ни с сего он вдруг начинает раздражаться, грубить. Резко, не боясь и даже нарочно стараясь обидеть, отчитывает за чайным столом зашедшего на огонек гостя – инженера Воловика:

...Бахмутский, принимая из рук Марьи Дмитриевны стакан чаю, мельком взглянул на красивое румяное лицо инженера, на его строгие, синие глаза, вдруг раздражаясь, подумал:

«Черносотенец, филистер и самодовольный сукин сын».

Рассердила его почему-то и изящная красота Евы Стефановны, рассердился он и на доктора и на Марию Дмитриевну.

«Чаяк с вареньем, чаяк с вареньем и беседа», – думал он.

Обстановка и психологический настрой совершенно те же, что в рассказе «Четыре дня». Буржуазный уют докторского дома раздражает Бахмутского совершенно так же, как такой же буржуазный уют такого же докторского дома раздражал комиссара Верхотурского. Но есть тут и разница. И весьма существенная. В рассказе «Четыре дня» большевик Верхотурский, ослепленный этим своим раздражением, был несправедлив к доктору. Здесь же большевик Бахмутский не только справедлив – и к доктору, и к его гостям, – но даже и на редкость проникателен. Инженер Воловик, которого он видит первый раз в жизни и которого сразу определил как черносотенца, филистера и сукина сына, в конечном счете именно таким и оказывается. (Вскоре мы узнаем, что он жесток с рабочими, что рабочие его ненавидят и даже пытались убить.)

Но резче всего обозначила различие художественного осмысления одной и той же коллизии в рассказе и в романе – сцена ухода большевика Бахмутского из теплого, гостеприимного докторского дома.

Внезапно раздается резкий, длинный звонок в дверь квартиры. Полиция. Это за ним. Коротко посоветовав доктору, как тому надлежит себя вести, Бахмутский быстро одевается, собираясь уйти через кухню, черным ходом:

- Íñòááèòáíí íèñíüòá, éóáá áí ííèáàòá íí:íñ, áíèííé? Ñ çà áí, íòáá:áñ! - ñááèòí edeéíoe Íáod Íéðáèíáè: íí:òé ñ íò:áýíèáí, :dàíòáý, èáè ííáèüá í üíèè í æáóíèò áí íáíðèýòííñòýò áí òðáííæíáè íáèáááááòò èí.

À Í áðíý Áí èòðèááíá, íðèíííèáèèíí è ñòáíá, íðèíòáèíí ñ íòðáèá íá Ááòí òñíèíá. Íí ñòíýè íáðíá íáè á íáçáíòáí òñí íáèíòí, ñíðèííáíýòíí áíòíòíèèí, á íáðèíáè:áííé íá èíá òáíèá Áè ííèáçáèííí, :òí ííá íòííèèá á áí í üíèè: í áèíííèèè íáðíá íèí :áòíüá òèíáèè áíòíáíáíò, íáèáíá ñèáèðíèò ñ áíá, òýæáèý ñááðí áý íí:ü..

È ááðíáá ííðáçèí - áííííí-òí ñííèíáí, èèòí áí íáèçí áíèèí ñáááñ íáí:ííá áíðáæáíèý; òáèèí Ááòí òñíèèè áíòáè áíáðáíá, òáèèí íí ñèáèè íááááíí çà ñòíèíí, òáèèí íí ñòíýè íáðíá íáè ñè:áñ òñáý. Ýòíò áèòðí, ííòðíñèèè áá è Íáodá Íéðáèíáè:á, áíè áèý íáá íáí:ííè æèçíñ. Íí ñòðáíýè ñáíè íáí:íüá í üíèè, íáñ áèèèáíñòý, íí ñòðáðáèíí íòýòáè á èáòí áí íáèíòí òñí èè èáèíè-òí íáí áèíèè òèèíñòíèè èíèæèè, èíòíðñ íñòááèè íá ñáí íááðííí ñòíèèèá. È íá íáííáíèá :dàíòáí áíñòíðá íóáðèèí Í áðíý Áí èòðèááíá

«Áá:íüè ðíòáðí, áá:íüè ðíòáðí», - áíí áèá ííá, è áè òíòáèííí áíòáòí íá èíèáíè íáðíá ýèè :áèíáèíí. Ðíòáðí íá áñ æèçíñ íáòíí èí üè íóòíèè, íèèíáá íí íá áíííèèèñ, ñíòðíèè, íðííááíèè, ñáá:ííè òèèíñòíèè èíèáè.

Л. Мартынов: «Помню недвижимые лифты в неотапливаемых зданиях...»

У кого-то – впрямую, как откровенная декларация, почти как вызов:

*В аѣ дааі і іаао іа оіе,
Іа оіе ааііпòааі і іе ааааі іеіе,
Е еіі еііади а і іеіі іо оеаі ао
Неіі і оіі і іе: а іааі і і іе.*

(Аоао І еііааа)

Б. Окуджава: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...»

А у кого-то уже и с ноткой некоторого сомнения – а было ли это на самом деле или только привиделось, примечталось?

Ááá áú, áúá áú? Á èàèèá í íòíáú

Áú óøèè èçì íèõ ãðíáíá?

Èíí èííáðú ááááøàò íáá ááá,

В ááíííí íþ ñ òðèááòòúò ãáíá

Áú ááèè ì áíý, èþáè ñòáèíí úá

Íòáíýèè èþáóþ áááá

Õíòúáú áúèè ãááíí íá òáèèá

Èáè áúááèè á ááááøàòíí ááó.

(Í. Èíðæááèí.)

Í. Èíðæááèí: «Ááá áú, áúá áú? Á èàèèá í íòíáú áú óøèè èçì íèõ ãðíáíá?..»

Коржавин – проницательнее других: он уже знает (во всяком случае, догадывается), что эти романтические «комиссары в пыльных шлемах» в действительности были «совсем не такие», какими они ему представлялись. Но романтический ореол, окружающий этих героев «той единственной гражданской», и для него тоже еще сохраняет свое обаяние, всю свою чарующую силу.

Впрочем, примерно в то же время (даже чуть раньше) он уже сочинил свою – довольно язвительную – эпиграмму на Слуцкого:

Íí èíí èííáðíí áúòúðíæááí,

È íáèá-áí ðàçúí í íé áèáíòúþ,

Yóto ííúò íá:àéúú úé í ú í:áí úó:éé
Á yí ááðá mðé í yò í á á áá
Éí áá Óðáí éóóðò àí Í ááð çá ááéó óðyíéé
Á :áíòú òðáá è áí èí y íáí áí áú.
Éíí éííáðáí ááááòáí á áéá á ðáí:áò
Í ðéí yòá yòá í ðáááá í ðííò áy.
È òðááá, :òí áí Óðáí éóóðò
àí Í ááð ðáíò:áò,
Í á èç í áééó éííò áé áí ðáíò:ááò.

Á. Néóóééé: «Í í éíí éííáðáí áúòú ðíá:ááí...»

Насчет того, как обстояло дело во Франкфурте-на-Одере, автор этого стихотворения, наверно, не соврал. Но в наших широтах, где-нибудь на Украине, сплошь и рядом «трава вырастает» именно из вот таких, комиссарских костей, – о чем свидетельствует, например, судьба комиссара Когана, одного из героев поэмы Багрицкого «Дума про Опанаса»:

Çá ááí áéòíééí è íò áí yí è
Í á ááí yò éíí úò:á
Í áá ááðp:éí è éííò yí è
Çáóááò:ááò æèòí.
Í áá éííò yí è áéóáááò

Í ài òræyáí úé ïì óò;
Áà è ááò èðáíí íáðí ááò
Í à í íáúáéó é áíí ó..
Í òáí íáè òíí' è áéyí àò
Ñéí èí è ááçàí è
Í à ááçáíí í úé èðáéúé èàí áí ú
Áúì úòúé áíæäyí è.
È í ááí àòíí', è í íáúì àò
Í áéí íéèé èàí áí ú
Í à èääíí é - ááéúé ÷ áðáí
Ñ áúðéí é í áá áéçàí è.

Этот «одинокий белый камень» – череп убитого «комиссара двадцатого века», большевицкого комиссара Когана. А убит он был, потому что действовал в этих украинских степях совершенно так же, как комиссар века восемнадцатого – «молодой парижанин, пустой человек» – в свое время во Франкфурте-на-Майне. Об этом в поэме Багрицкого тоже сказано достаточно прямо и определенно:

Э. Багрицкий: «Усом в мусорную кучу, расстрелять – и крышка!..»

Í í íáðááí è íí ñéàòáí
Èíáí áíééíí ðúúáò,
Çáéçááò í íííí á óàòú,
Èíòíðúá ÷ èúá'
Áéyí àò áéááí, áéyí àò áí ðááí,

Çãñî èò ñãäè òî:
- *Âûãñãè óá èç éáí áãí*
Ñî ðÿ òáí í íá æ è ò í!.
Í ó à è ò í í íãí ò ò á ó: ó -
Í á ò ó ì è, á ò ò è ò è á:
Ó ñ ì á ì ó ñ ò í ó ð é ó: ó
Ðãñ ò ðã è ÿ ò ù - è è ò ù è á!

Это, правда, говорит о Когане обиженный им Опанас. Но автор не спорит с этим рассказом о грабительской и палаческой миссии своего комиссара и даже подтверждает ее:

Ó è á á ñ ñ á ð á í í á í í íã -
Í á ñ è ð è í á ò ù í í á á í á ì,
Â ó à ò á ó æ è í á ò È í á í
Æ è ò í ÿ è ì è í á ñ í.
Â ó à ò á ó æ è í á ò È í á í,
Ì í è í è í ò è á á á á ò,
Á í è ù ó á è ò è è ì ð á ç ñ á ò ð í
Ì ó æ è è í á ñ ò ù á á ò:
- ß í ð í ó ó í ò á á ò è ò ù
÷ á ñ ò í í,
Í ð ÿ í í, á í ç ó è è í í á
Ñ è í è ù è í á á í è í ñ è
í è ð á ñ ò ò í é
Á á ð ÿ ò ñ á í í á í á?
× ò í í í ñ á í? È á è í á è í á è?
Í á á á ð ò è è í á ò ù...

Суть этого «большевицкого разговора» – совершенно та же, что у комиссара восемнадцатого века: «Отпирай! Отворяй! Отмыкай! Вынимай! Собирай и вноси!» А не отопрешь, не соберешь и не внесешь – «Усом в мусорную кучу, расстрелять – и крышка!»

Вот, стало быть, какие они были, те «комиссары в пыльных шлемах», о которых нам пел Булат. И мы подпевали, всей душой разделяя смысл и настрой этой его песни.

ВЕНЯ, БАЛОВЕНЬ ВОЙНЫ

Вл. Алабай

Именно так – Веня – звали его все, за исключением одного-единственного, тяжкие и долгие четверть века дружившего с Веней Рискиным писателя – Юрия Карловича Олеси. Тот звал его: «Вениамин Наумович». И неизменно слышал в ответ: «Юрий Карлович».

Вся жизнь его, от начала до конца, складывалась из замечательных, неподражаемых историй, которые он рассказывал с великим мастерством, обдуманно и точно расставляя слова, выделяя паузы и сопровождая изложение выразительными жестами. Десятки, может, сотни раз собирались близко знавшие его записать Венины рассказы – да так, как водится, и не собрались: он умер, и истории его, как ручьи, ушли в подмосковную землю.

Веня Рискин был литературный человек, и у него было больше оснований называть себя «литератором», чем, скажем, у Владимира Ульянова – этого Стеньки Разина с университетским дипломом. Но Веня, определяя род своих занятий, кругло пожимал плечами под заношенным пиджаком и говорил: «Смеюсь над дураками». Его еще не забыли, этого еврея с ироническим взглядом грустных глаз, даже спустя почти полвека после его кончины он иногда выныривает из небытия – в запоздалых мемуарах современников, в воспоминаниях писательских жен и околослитературных теней. И так хочется надеяться, что он наконец всплывет и займет свое место в ряду тех, кто представлял собой странную, фантазмагорическую антисоветскую культуру середины прошлого века.

נְעָאָם נְאֻמָּי: פ. יְעִקֹב וְא. דֵּינְוֵי.

Судьба распорядилась так, что жизнь Вениамина Рискина была самым тесным образом сплетена с жизнью двух крупнейших писателей – Исаака Бабеля и Юрия Олеси. Как известно, и первый, и второй родились и определились в литературном творчестве в Одессе, – поэтому само собой подразумевалось, что и Веня – коренной одессит, разгуливавший «походкой пеликана» по Ришельевской, попивавший пивко в «Гамбринусе» и проводивший времечко в хулиганских бильярдных Молдаванки. Веня действительно знал Одессу как свои пять пальцев и любил ее нежной любовью одинокого человека – но на свет он появился в Харькове, в середине первого десятилетия прошлого века, а в Одессу попал в конце Гражданской войны и задержался там на несколько лет. Да, он знал Одессу и был скорее одесситом, чем харьковчанином, хотя Харьков тоже оставил след в его жизни: там он познакомился и подружился с будущим писателем Эммануилом Казакевичем, автором знаменитой «Звезды».

В конце 1950-х я впервые в жизни очутился в Одессе. Увиденное меня разочаровало: в литературном изображении Куприна, Бабеля, других писателей город выглядел куда ярче. Вернувшись в Москву, я рассказал Вене о своих немудреных впечатлениях. Выслушав меня, Веня скептически выгнул брови, неодобрительно покачал головой в высокой шапке диких жестких волос (он шутил: «я не езжу в лифте – волосы не дают войти в кабину») и сказал:

– Просто ты не так смотрел. Не оттуда.

– А как надо смотреть? – спросил я.

– Давай поедem вместе. Я буду играть на аккордеоне и петь песни по дворам, а ты пойдешь с шапкой – собирать гроши. Вот тогда ты узнаешь Одессу.

Не поехали.

Венин аккордеон – это особая история. Две вещи он хранил как зеницу ока: пишущую машинку и этот аккордеон. На перламутрово-розовом боку аккордеона светилась серебряная пластинка с дарственной надписью: «Рядовому Рискину от генерала армии Хрюкина». При генерале воздушной армии Хрюкине Веня в войну состоял ординарцем, иными словами, денщиком. В военные вечера веселья или грусти Хрюкин вызывал Веню и приказывал: «Играй!» И Веня разламывал меха на колене и пел генералу песни на языке идиш.

Военный опыт Вени Рискина не исчерпывался пятью годами Великой Отечественной. Переменчивый ветер Гражданской войны занес обученного счету харьковского подростка к батьке Нестору Махно. В отличие от бабелевского героя из «Конармии» – парнишки по кличке Сашка Христос, Веня Рискин не испытывал зверского удовольствия от боевых приключений, выпавших на его долю. Приставленный к денежному сундуку, юный счетовод в амбарной книге, за сохранность которой отвечал головой, вел нехитрые записи по системе «дали-взяли». Начальство его работой было довольно: старательный еврей не крал ни гроша, на него можно было положиться. Близость к заветному сундуку определяла незаурядное общественное положение мальчишки в диком войсковом кругу. Удивляться тут нечему: в кровавой мешанине «гражданки» двадцатилетние сорвиголовы, начисто лишённые страха и моральных принципов, командовали дивизиями. Не однажды, приходуя трофейные поступления, Веня сталкивался с самим Махно. Чем этот легендарный народный герой поощрял круглоглазого подростка? Назидательным словом, пригоршней конфет или стаканом горилки?

Тачанка с прикованным к ней железными обручами денежным сундуком моталась по переднему краю, под огнем и в гуще конных лавин, – но бодрящий адреналин был противопоказан задумчивому еврею. Трясаясь в узкой телеге с пулеметом, Веня вынашивал план побега. Незадолго до наступления махновцев на Крым счетовод-малолетка исчез, честно оставив в тачанке амбарную книгу и ключ от казны. Венина дорога вела в Одессу.

Вступление Вени Рискина в Великую Отечественную и прикомандирование его к ценителю еврейских песен генералу Хрюкину оказалось не менее драматичным. В самом начале войны было принято решение эвакуировать освобожденных от армейской службы писателей и их семьи в тыл. Эвакуация, разумеется, основывалась на «табели о рангах»: знаменитые писатели поехали в Ташкент, а те, кто поплоче, отправились в места погуще. Опальный Олеша получил направление к туркменам – в Ашхабад. В тот же состав попал и Веня Рискин, забракованный для исполнения воинских обязанностей по всем статьям.

Надо сказать, что внешне Веня больше напоминал храброго солдата Швейка, чем храброго солдата Сталлоне: из песни, как говорится, слова не выкинешь. Представить Веню Рискина в кавалерийском седле или в чреве подводной лодки мог только человек, сверх меры одаренный воображением. В военкомате, как видно, таких фантазеров на первых порах не нашлось.

Поезд с эвакуированными тащился через всю Россию, а потом по пустынным пескам и камням, с остановками и пересадками, месяц с лишком. Главный туркменский кишлак встретил гостей бархатной азиатской тьмою и незнакомыми запахами Востока. Наутро беженцы отправились на главпочтамт. Там, в окошечке «До востребования», Веня расписался в получении повестки из военкомата. Сводки с фронтов поступали тревожные, и решение медкомиссии было пересмотрено: бракованный Веня Рискин призывался в строй. Явиться на сборный пункт следовало немедленно по получении повестки.

Естественно, это важнейшее событие решили отметить.

– Водки не было, невозможно было найти ее среди чинар, – рассказывал Веня. – Мы с Юрием Карловичем пошли на базар и запаслись несколькими бутылками местного вина, сладкого, как сироп, с красивым названием: то ли «Ширван-заде», то ли «Мулюк-яшули». Купили и подходящую закуску: урюк и кулек шелковицы. Устроились в каком-то запущенном общественном парке, на отшибе. Ну что в таких случаях делают с самого начала? Наливают. И мы налили. Как со знанием дела утверждал граф Толстой: «Первая – колом, вторая – соколом, а после третьей – легкой пташечкой».

Так оно и получилось. Вино, из которого в пору было варить тянучки, ударило не только в ноги, но и в голову. О войне мы не говорили. Вполне допуская, что видимся с Олешей в последний раз, даже почти уверенные в этом, мы рисовали с ним картины послевоенной жизни победителей. Один только раз, как бы между прочим, Юрий Карлович спросил, умею ли я метко стрелять из ружья. В ответ я пожал плечами: стрелять из ружья мне еще не приходилось... Периодически пополняя винный запас, мы пропьянствовали до поздней ночи и, немного отдохнув на природе, поплелись в военкомат – там, по нашим предположениям, круглосуточно должен был сидеть дежурный, который меня и примет, и запишет по всем правилам, и выдаст, может быть, солдатскую одежду. «Вам придется постричься наголо, – загребая сухие листья в совершенной тьме парка, сказал Юрий Карлович. – Это необходимо». «Зачем? – спросил я. – Мне кажется, я не новобранец». «А где вы видели такую пилотку, которая пришлась бы вам в пору?» Ответить на этот не праздный вопрос мне не пришлось: я свалился в пересохший арык и, пытаясь подняться, почувствовал дикую боль ниже колена. Нога была сломана. Но разве дело тут в ноге?!

Наутро я валялся на койке тылового военного госпиталя, куда с передовой привозили тяжелых раненых. Вокруг меня металась в бреду обожженные танкисты, разбитые летчики. И среди этих военных героев, настоящих мужчин, – я, со своей проклятой ногой, сломанной по пьянке! Если бы у меня был пистолет, я, может быть, застрелился бы со стыда – но у меня не было пистолета. Скажу одно: пили бы мы тогда водку, как все нормальные люди, я бы так не мучился. А то – «Ширван-заде»! Сахарный сироп для одалисок! И вот каким кошмарным позором всё это закончилось...

Знаменитостей берегут даже на войне. Чем знаменитей писатель, тем больше звезд на его погонах, тем дальше от фронта расположена редакция его газеты. Чем писатель безвестней, тем ближе его кочевая редакция к линии огня. А ничем не успевшие прославиться или идеологически неустойчивые не над гранками корпят в газете, а кормят вшей в окопах. И, надо сказать, окопная правда куда ближе к истине, чем газетная, сценическая или же экранная.

Веня Рискин так и не расцвел алым гладиолусом на ухоженной клумбе советской литературы – поэтому угодил на передовую.

До войны, перебиваясь, как говорится, с хлеба на квас, он сочинял цирковые репризы, писал на идише развлекательные тексты для артистов еврейской эстрады – Анны Гузик, например. Но однажды напечатал «настоящий» рассказ в журнале «Огонек». Вот как это было.

С рукописью в кармане Веня явился в редакцию «Огонька», к Михаилу Кольцову. Рассказ был написан под влиянием прозы Бабеля, к которому Рискин был близок, а Исаак Эммануилович, в свою очередь, относился к нему с дружеским расположением. В «Огоньке» рассказ прочитали – и сходу «завернули». Веня поехал к Бабелю жаловаться на жизнь.

Прочитав текст, Бабель вопросительно взглянул на него.

– Не печатают, – объяснил Веня. – В «Огоньке».

Бабель улыбнулся своей знаменитой, загадочной, как у Джоконды, улыбкой и, достав ручку, написал на последней странице: «Перевод с идиш И. Бабеля».

– Езжайте к Кольцову, – только и сказал Бабель. – И передайте ему это. Молча.

В таком виде рассказ появился на страницах журнала.

Однако публикация эта не принесла Вене славы и не повлияла на его солдатскую карьеру. Войну он прошел от начала до конца. Писем с фронта никому не писал – семьи у него не было, дальние родственники писем от него не ждали, а с друзьями, прежде всего с Олешей, он ждал встречи не по почте – если получится... Победа застала его в Германии, оттуда и возвращался Веня домой со своим аккордеоном и жидким заплечным мешочком. Рассказывая о своих военных приключениях, он упрямо называл себя «баловнем войны». На вопрос «почему?» отвечал, пожимая плечами: «Потому что меня не убили».

У каждого солдата свой рассказ о возвращении с войны – куда более трогательный, а иногда и более страшный, чем рассказ о дне призыва. Веня, возвращаясь, пересекал границу отечества ночью. Воинский эшелон остановили посреди пограничного поля, вывели солдат и построили их. Посвечивая фонариками, контрразведчики-смершевы бегали вдоль строя: предстоял тщательный досмотр солдатских пожитков, ввозимых с Запада. Веня развязал свой мешок, разложил у ног содержимое. Заграничный шнапс с красивыми этикетками почему-то входил в список запрещенных к ввозу предметов, и Веня беспокоился о судьбе плоской бутылочки ямайского рома, припасенного в подарок Олеше. Об этом роме Юрий Карлович упрямо мечтал – ямайское зелье представлялось ему символом недостижимости, как заповедный остров Борнео...

Копаясь в Вениных вещичках, смершевец наткнулся на выдранную из какой-то немецкой книжки страницу с фотографией женщины средних лет и неказистой внешности. Солдаты обычно везли картинки заманчивых красавиц из легкомысленных журналов, но чтоб фотографию скучной тетки...

– Это кто? – светя фонарем, спросил смершевец.

– Это мать Гитлера, – ответил Веня Рискин.

Контрразведчик обомлел, ночная земля ходуном пошла у него под ногами.

– Мать Гитлера? – приглушенно переспросил он. – Зачем везешь?

– Хочу показать друзьям, – объяснил Веня. – Пусть увидят, что обыкновенная женщина родила дракона.

– Рви! – не своим голосом крикнул смершевец.

Веня рвал, клочки опускались на землю.

– Топчи! – приказал смершевец.

Веня топтал, и соседи по строю молча глядели на этот странный танец.

Убедившись, что дело сделано, контрразведчик продолжил досмотр – но уже без азарта, утомленно.

– Это что? – спросил он, указывая на плоскую бутылочку.

– Лекарство, – ответил Веня. – От кашля.

– Знаю я эти лекарства... – проворчал контрразведчик. – Ладно, лечись.

Добравшись до Москвы, Веня с вокзала поехал к Олеше, в Лаврушинский. Дверь открыла Ольга Густавовна, жена Олеша.

– Б-же мой, Вениамин Наумович! Юра, Рискин вернулся!

Они вдвоем сидели за маленьким столиком в кухне, пили водку. Олеша повторял раз за разом:

– Вы живы... Вы живы...

Спустя какое-то время этот факт сделался почти реальным. Была допита вторая бутылка водки, припасенная Ольгой Густавовной. И тогда Веня, наконец, вспомнил:

– Я привез вам подарок, Юрий Карлович! С войны!

Ямайский ром был извлечен из мешка и разлит по рюмкам. Олеша всё повторял:

– Вы живы, Вениамин Наумович!

Проснулись поздно, с тяжелой головой.

– Как вам понравился ром, Юрий Карлович? – мучась похмельем, спросил Веня.

– Какой ром? – удивился Олеша.

– Ямайский. Я вчера вас забыл спросить.

– Не смейте трогать своими лапами мою мечту! – нахмурившись и утопив квадратный подбородок в ладони, сказал Олеша. – Ром! Может, вы скажете еще, что мы с вами были на Борнео?

– Да спросите у Ольги Густавовны! – защищался Веня. – Она же видела!

– Не было никакого рома, – отрезал Олеша.

– Был.

– А где бутылка? – спросил Олеша.

Выяснилось, что плоскую бутылку Ольга Густавовна вынесла с мусором на помойку.

– Я пойду найду, – решил Веня. – Ром был.

Они спустились вместе во двор, к мусорному ящику. Раскидывали и разгребали небогатый послевоенный мусор, пока не наткнулись на плоскую бутылку с яркой этикеткой.

– Да, – сказал Олеша, забрасывая бутылку в угол ящика. – Сбылась мечта, а я и не заметил... Но не будем всё же делать обобщений, не так ли, Вениамин Наумович?

Î adiâu Î adiâ a Î rîeai

Ходить в концерты или на театральные спектакли, отстояв в очереди перед кассой и купив билет, Веня считал бессмысленным и даже позорным делом; да у него и денег не было никогда.

В самом конце 1950-х годов в Москву на гастроли приехал знаменитый французский мим Марсель Марсо. В то время приезд иностранного артиста в столицу представлялся грандиозным событием – советские граждане не были избалованы встречами с западным искусством. И вдруг – Марсель Марсо! Герой парижских подмостков! Веня Рискин решил непременно попасть на его концерт в театр «Эрмитаж».

Не один Веня – вся Москва мечтала «попасть на Марсо». Знаменитости бились за места в зале, о «лишнем билетике» нечего было и говорить. Веня стоял у входа в театр и зорко наблюдал за съездом гостей: вот прошла Раневская, вот Плятт, Бабочкин, Герасимов, Луков... Большинство этих людей были знакомы с одиноко маячившим Веней. Проходя ко входу, они останавливались и задавали один и тот же вопрос:

– Вы кого-то ждете?

И Веня неизменно отвечал:

– Вас!

Проходящие знаменитости, благодушно улыбаясь Вениной шутке, шли занимать места согласно купленным билетам, а Веня упрямо продолжал искать лазейку. Ищущий да обрящет: в зал, набитый битком, его провела Гоголева. Здесь уже всё зависело от находчивости и ловкости безбилетника: чтоб не вывели билетеры, чтоб не вызвали милицию.

Назавтра Веня рассказывал приятелям в кафе «Националь»:

– Это великий артист! Я имею право так говорить. Я мог пересчитать капельки пота на его лице!

– Как так? – недоверчиво удивлялись приятели. – Вы что, умудрились попасть в первый ряд?

– Нет, – отвечал Веня. – Приличные люди не сидят в первом ряду, кроме того, он весь был занят. Я сидел в оркестровой яме.

Кафе «Националь», на углу Манежной площади и Тверской, было тем адресом, по которому Вене писали письма: «Москва, кафе “Националь”, Рискину». Завсегдатаи кафе – два десятка представителей старой литературной и артистической богемы, уцелевшие в годы сталинских чисток и чудом выжившие – носили собирательное имя: «национальная гвардия». За столиками, покрытыми белыми скатертями, можно было встретить, помимо Олеси и Рискина, Михаила Светлова, Александра Ржешевского, Алексея Крученых, Марка Шехтера, Владимира Бугаевского, Николая Одноралова, Виктора Горохова, скульптора Виктора Шишкова по прозвищу Витя-коньячный. Молодых почти не было... Советская власть относилась к людям богемы с большим подозрением, поэтому с изрядной долей уверенности можно предположить, что кафе насквозь просвечивалось органами безопасности. Но официантки – «добровольные помощницы органов» – привыкли к своим беспокойным и, как правило, безденежным клиентам и испытывали к ним своего рода привязанность: здесь можно было получить в долг графинчик-другой коньяка и кофе с лимоном. Богемная клиентура засиживалась до 11 вечера, до закрытия заведения, а потом, если были деньги, отправлялась за город, во Внуково – там, в аэропорту, помещался единственный в столице ресторан, открытый по ночам.

Веня Рискин жил в дачном поселке Малаховка, под Москвой, – снимал там у какой-то старушки утепленный курятник. «Снимал» – это громко сказано: старушка забыла, когда в последний раз видела взнос от своего постояльца. Деньги – нет, зато удовольствие добрая старушка получала сполна – правда, только в зимнее время. Веня возвращался в свой курятник из города глухой ночной порой. К тому часу хозяйка занимала позицию у окошка, выходящего на улицу, – терпеливо сидела там за столом, попивая чай из блюдца, в теплой компании хороших подружек. Не доходя до окошка, в котором горел свет, Веня быстро сбрасывал одежду, раздевался до трусов – и в таком необыкновенном для этого времени года виде, босиком, дефилировал мимо окна с прилипшими к стеклу восторженными физиономиями зрителей.

– Твой идет! – восклицали пораженные старушки. – Голый!

За всё надо платить – в том числе за постой в курятнике...

Но и за эстетическое удовольствие надо раскошелиться, и старушка закрывала глаза на то, что не досчитывалась куриной продукции: по утрам, на завтрак, Веня выпивал пару сырых яиц прямо из-под несущки.

Этими контактами, по существу, и ограничивалось после войны общение Вени Рискина с народными массами. Хождение интеллигенции в народ на предмет повышения его культурного уровня Веня не одобрял. Б-г отделил высокую культуру от массы, и нечего тут смешивать понятия и взбалтывать коктейль. О своих взаимоотношениях с Б-гом Веня никогда не распространялся, но, опрокидывая рюмку, не забывал прикрывать макушку ладонью – за отсутствием ермолки на голове.

К концу жизни, зимой 1963-го, Веня снова оказался в гуще народа – как на войне. Летом он перенес инсульт, здоровье оставляло желать лучшего. О малаховском курятнике пришлось забыть. Веню приютила вдова Ржешевского – того самого, «национального», написавшего сценарий по «Бежину лугу» для Эйзенштейна, – проживавшая на втором этаже подмосковной деревянной дачки с четырьмя или пятью детьми покойного мужа от разных браков и с большой собакой-боксером, которую Веня боялся панически. В тесноте, да не в обиде: Веня поселился на застекленной веранде. Ржешевские жили небогато, ели не вдосталь. Более всего страдал от бескормицы боксер. Кто-то из старых друзей привез как-то Вене десяток лимонов – на поправку. Веня потом рассказывал:

– Можно себе представить, как там было насчет приварка, если собака пробралась ко мне на веранду и сожрала все лимоны!

Картина, действительно, складывалась фантазмагорическая. Захандривший Веня попросил устроить его в актерский Дом престарелых, но из этой затеи ничего не вышло: престарелых актеров было

много, а Дом – один. Пришлось снизить планку. Была найдена подходящая богадельня в подмосковной Лопасне. Актер Михаил Чайковский – муж знаменитой еврейской эстрадной актрисы Анны Яковлевны Гузик – повез Веню в его последнее пристанище. Богадельня стояла на отшибе, такси с трудом пробивалось сквозь снежные заносы. Наконец добрались. Дверь отворила нянечка, обмотанная шерстяным платком поверх серого рабочего халата. В вестибюле пахло перловой кашей и машинным маслом.

– Вы в гости? – спросила нянечка.

– Нет, постояльца привезли, – сказал Чайковский и указал на Веню.

– Вполне еще важный мужчина, – положительно оценила нянечка. – А то у нас тут одни дрова, одни дрова...

Директор богадельни, человек лет тридцати, с галстуком и в шляпе, сидел у себя в кабинете за скучным конторским столом и играл сам с собою в «морской бой». На вошедших он взглянул безо всякого интереса.

– Здравствуйте. Чайковский. Надеюсь, слышали.

Директор не слышал даже про Петра Ильича, но виду на всякий случай не подал.

– Тут вот писатель к вам приехал, – продолжал Миша Чайковский. – На жительство. Ему комнату надо посветлей, получше. Вы уж поспособствуйте!

– Есть у меня один номерочек, – сказал директор. – Люкс, можно сказать. Там пока что живет один интересный старичок, а вместе им веселей будет.

«Люкс» оказался узкой светелкой на две койки. На одной из них сидел ветхий голубоглазый старик в валенках, с белым пухом на голове. Ему могло оказаться и девяносто лет, и все сто.

«Националь».

60-е годы.

– Чайковский, – представился Миша. – Надеюсь, слышали.

Старик ничего не ответил.

– Располагайся, – сказал Миша Чайковский. – Выпьем на посошок, и я поехал. – Он достал из портфеля бутылку водки и полбатона колбасы.

– Вот, на тумбочку можно, – любезно указал старик в валенках.

– Вы с нами не выпьете? – критически оглядывая старика, разведочно спросил Миша Чайковский.

– Не нальете, так и не выпью, – беззаботно ответил тот и достал из тумбочки три чисто вымытых баночки из-под майонеза.

– Наш человек, – решил Веня. – Ты кто будешь, дед? Давай по первой, а потом рассказывай. Ну, за знакомство! Лехаим! – И отчаянным жестом вскинул ладонь к макушке.

Спустя четверть часа Веня и Миша Чайковский, разинув рты, слушали рассказ о графе Льве Николаевиче Толстом, у которого на его Хамовнической усадьбе старик в молодые годы служил кучером.

– Я подаю, – неодобрительно рассказывал старик, – а граф Лев Николаевич дрова рубит. Я говорю: «Дайте топорик, не барское это дело!» А он в ответ: «Это я для аппетита!»

В целом впечатление о «зеркале русской революции» у кучера сложилось не самое благоприятное. Мусоля во рту колбасу, он напирал на то, что граф был прижимист: на чай давал мало, а то и вовсе не давал. Выпив третью, старик поведал, что после службы у Толстого он недолгое время возил Родзянко, и за это при большевиках провел три года за решеткой. Жизнь старика, таким образом, была полна увлекательных приключений.

На руках у кучера Льва Толстого спустя полгода Вениамин Наумович Рискин скончался и был похоронен на местном кладбище.

Один из так и не опубликованных рассказов Вени начинался строчкой: «Из чего состоит человек? Из золота? Из мяса? Из сливочного крема? Человек состоит из историй».

Это он о себе сказал.

Фун Шан Хо.

ФУН ШАН ХО - «ИТДОИТНЭААТАЭТАААААУ»

Во время японской оккупации экономическая ситуация сильно ухудшилась. Эмигрантской культурной жизни был нанесен удар. Японцы не приняли Нюрнбергских законов, зато в среде живших в Китае «правых» русских эмигрантов активизировались профашистские настроения.

В марте 1938 года Австрия была аннексирована фашистской Германией. Нацисты делали всё возможное, чтобы выслать евреев. Для этого между тем требовалось только наличие выездных виз и свидетельств об оплате расходов по переезду. Однако евреев никто не хотел принимать. Генеральный же консул Китайской Республики в Австрии Фэн Шан Хо выдал несколько тысяч виз на въезд в свою страну всем евреям, пожелавшим туда перебраться. Он скончался в США в 1997 году, так и не узнав о судьбах тех, кого спас. Лишь в 2001 году Фэн Шан Хо был признан Праведником Мира.

В 1942 году в Шанхай из Японии прибыл руководитель отделения гестапо полковник Йозеф Мейсингер и предложил властям приступить к «окончательному решению еврейского вопроса». Однако общая точка зрения на этот «вопрос» так и не была выработана, японские власти только создали особый район для проживания «беспаспортных беженцев». С 1933 по 1941 год в Шанхай приехало около 20 тыс. беженцев из стран Европы. Другими словами, Китай спас больше евреев, чем Канада, Австралия, Новая Зеландия и Индия, вместе взятые! Название города, слово «Шанхай», в анналах Холокоста стало синонимом слова «спасение».

САЭАÒ

Когда в 1945 году в Китай пришла Красная Армия, начались грабежи. На улице нельзя было появиться с часами на руке. Вас останавливал какой-нибудь военный, спрашивал про время. Потом: «Какие у вас красивые часы, посмотреть можно?» – и клал часы себе в карман. Попробуй возрази ему! Жаловаться было некому. Выбирали богатую квартиру, к дверям подгоняли грузовик, и солдаты спокойно принимались выносить вещи. Если соседи звонили в комендатуру, то оттуда приезжали и останавливались на углу – в ожидании, пока грабители закончат свое дело. Китайцы, прежде относившиеся к «белым людям» вполне дружелюбно, переменили точку зрения. Все сионистские организации были моментально закрыты, начались репрессии. В Китае репрессировали около 100 евреев. Естественно, остальные стремились при первой же возможности покинуть страну.

*Êíēā māāēēō ñēñē :ēáíā āāēēēēē íāñēíū Êāēōúā ñ āāí áí āēíāñēē Ì ēíā
(1368-1644 āā).*

ÊÒÈÀÉÖÛ Â ÈÇÐÀÈÈÁ

В современном Китае живут преимущественно те евреи, что в последние годы приехали из-за рубежа. Иностранцу, даже родившемуся в Китае, получить китайское гражданство не легче, чем китайцу в Израиле. Но в современный Израиль трудолюбивые китайцы приезжают только на заработки, главным образом, нелегально; они не стремятся вклиниться в местную почву, живут замкнутым сообществом, мечтая поскорее вернуться домой. Именно китайские рабочие замуровали террористические «гнезда» в Силуане и Рас-эль-Амуде. Первый израильский китаец, владелец ресторанного бизнеса в Ришон ле-Ционе, прожил в стране 30 лет, но недавно был внезапно задержан бдительными представителями служб, борющихся с незаконным проживанием иностранных рабочих. Ему пригрозили высылкой...

Āāōōī ā Ōāíōāā

Худшее, что есть в еврейской психологии, это – пассивизм. Есть народы, которые просто не понимают своих проблем или даже не подозревают, что есть перед ними проблема. Это не хорошо, но простительно. Евреи знают все свои проблемы наперечет, умеют разбираться в них тонко, умеют формулировать свое к ним отношение подробно, с примечаниями и оговорками. У еврея есть *Stellungnahme*^[1] по отношению к чему угодно; но на этом дело кончается. Сделать из *Stellungnahme* действенный вывод он считает неосторожностью, мальчишеством, неприличием. Самая любимая у него фраза: «вы, собственно, правы, я согласен; но всё-таки как же так можно...» Он даже не чувствует, что между началом и концом этой фразы – дикое противоречие. Если «вы правы», то не только «можно», а и нужно сделать активный вывод. Из отношения к той или иной проблеме должно вытекать действие, иначе отношение вырождается в суесловие. Но еврей этого не чувствует. Исключения есть, но не в них дело. Средний, типичный еврей – существо изумительно пассивное; даже кощунственно пассивное. Кощунством называется – поминать большие слова всуе, т. е. исповедовать идеалы, убеждения, мнения – и даже не пытаться им следовать на деле. Эта заповедь – не поминай имени всуе – одна из высочайших в еврейском кодексе, но еврей нарушает ее каждый день.

У нас теперь очень обижаются, когда скажешь что-нибудь обидное про еврейский народ. «Рассвет» недавно отметил, что в нынешнем опошлении сионизма виноваты вовсе не лидеры, каковы бы они там ни были, а виноват конгресс. Сейчас же обиделось сто человек: как можно бранить народ? Г. Х. в «Рассвете» объяснил им, что бранят не народ, только его офицерство – скажем, тот слой, из которого набираются делегаты конгресса. Я позволю себе, однако, пойти дальше. Нельзя в нашем положении считаться со слащавыми фасонами захолустного народничества. Нам, еврейским публицистам, это особенно неприлично. У нас есть высокие образцы, которым мы должны следовать. Первые публицисты Израиля были пророки; они были люди великие, мы люди маленькие, но ремесло наше от них, и учиться мы должны у них. Они понимали, что беды именно в самом народе, и не мазали этой правды никакой патокой. Не имеем права на это и мы. Лидеры и офицеры у нас очень плохи и т. д., всё это правда; но больше всех виноват народ, и лечение надо начинать с народа, и начинать его надо не с комплиментов, а напротив.

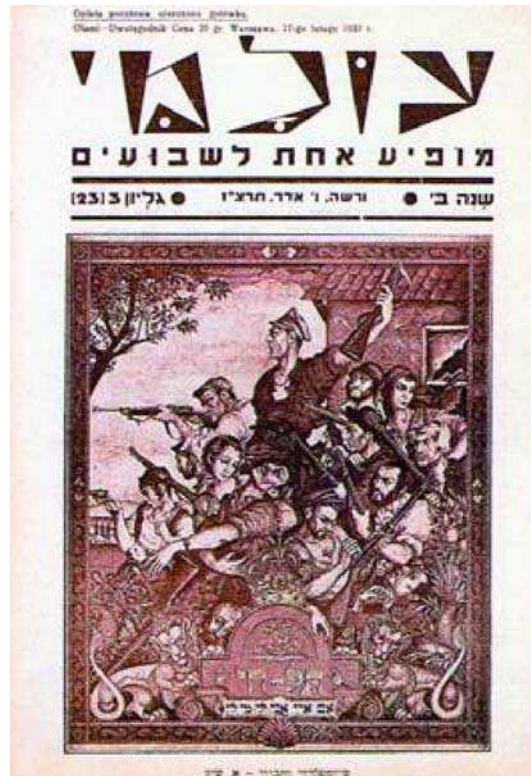
Так и носителями пассивизма являются у нас главным образом не председатели и не секретари и не делегаты, а сам народ. Офицеры плохи только тем, что они подлаживаются к публике, вместо того, чтобы вести – или тащить – публику за собой. Но ведь каждый народ создает офицерство, которого достоин. У ирландцев, скажем, одно офицерство, а у нас совсем другое; корень различия не в дюжинах. А в массах. Наша масса еще одной ногой стоит в гетто. Слово «гетто» теперь тоже принято под защиту чувствительного народничества: полагается находить в нем какую-то красоту и вздыхать о его умирающем быте. Я этого быта никогда в жизни даже издали не видел, и слава Б-гу; могу поэтому с совершенно спокойной резкостью напомнить, что гетто есть болото; и если даже на болоте выросли красивые лилии, всё-таки надо его уничтожить, хотя бы вместе с лилиями.

В данном случае, однако, речь идет не о лилии, а о другом продукте болота: о дряблости. Пассивизм есть явное наследие гетто. Вся система самосохранения гетто была построена на одном правиле – ограничить, насколько возможно, размах жизнедеятельности. «Как бы чего-нибудь не вышло», «эйф нит тон от мен нит кайн харото» и т. д. Пока вся стоявшая перед нами задача сводилась к тому, чтобы как-нибудь дожить до завтра, до тех пор эта система, вероятно, имела свою практическую ценность. Но теперь история выдвинула перед нами задачи, требующие беспримерной активности и у нас. Исключая исключения, ничего за душой пока нет, кроме *Stellungnahme*.

Любопытнее всего и трагичнее всего обнаруживается это кастратство на фоне красного зарева. Если бы мы хоть его не видели по глупости и слепоте, если бы мы его хоть отрицали из идиотического упрямства, – это еще было бы понятно. Но все видят зарево, никто не отрицает опасности; больше того, у каждого юноши, если его спросить, окажется по этому вопросу готовая и вполне определенная *Stellungnahme* – гордая, воинственная... И это всё. А когда случится неприятность, то возьмут их всех голыми руками; будут они опять, за исключением исключений, прятаться у знакомых христиан.

Да и трудно сказать, не самое ли это с их стороны разумное, – принимая во внимание, что представляет собою наша мужская молодежь. Трусами я их не считаю – видел на опыте, что не трусы. Но ведь для физического отпора одной смелости недостаточно. Возьмем, например, американскую опасность – «Клан». Даже для отпора голыми руками надо иметь тренированные мускулы и знать приемы. С палкой дело еще сложнее: надо уметь владеть ею, а то ее сразу выбьют из рук; кроме того, надо вообще заготовить эту палку заранее, из подходящего материала. Но «Клан» обыкновенно выезжает на свою работу с гораздо более совершенными инструментами. Еврейская молодежь этих инструментов не имеет (она предпочитает покупать на те же деньги галстуки или, скажем, книги); но главное – она ими не умеет владеть. Вообще, искусство отпора не есть дело вдохновения: это, прежде всего, дело искусства, которому надо долго и тщательно учиться, и потом каждый день практиковаться в тиши своего дома. Еврейской молодежи это всё чуждо. Даже когда она организуется в гимнастический кружок, то и тогда увлекается пластикой и трапециями, а не стрельбой в цель. Члены «Клана», конечно, проходят непрерывную муштру. При этих условиях, может быть, в самом деле, только и остается прятаться у добрых христиан.

Если бы в нашем положении – в положении буквальной осады, буквально со всех сторон – оказался другой народ, он бы действовал иначе. Он бы сразу понял простую вещь: что в такое время задача отпора есть, в сущности, важнейшая из насущных его задач. И, поняв это, он бы не ограничился Stellungnahme, а перестроил бы на новый лад всю свою жизнь. Он бы сделал изучение техники отпора главным предметом воспитания. Как немыслим неграмотный, так стал бы у него немыслим юноша, не умеющий владеть инструментами защиты. Но самое важное вот что: если бы его лидеры этого не сделали, то его молодежь сама поднялась бы, по собственному почину, и забросила бы все свои игры, в том числе и политические, и культурные, ради неотложного дела – ради культуры кулака, в ответ на кулачное время.

На болоте иногда растут очень эффектные лилии. Но есть, очевидно, один цветок, который на болоте не растет: молодежь. Очень грустно это констатировать, и, конечно, об исключениях я не говорю, – но у еврейского народа нет молодежи.

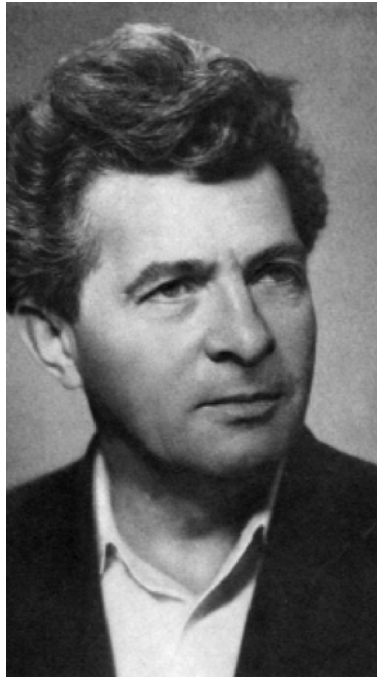
«Daiḥai», 28 i eò yády 1923 ááá

¹¹¹ Ì íáí èá, òí: èá qhí èý (íáí.).

АВРАМ ГОНТАРЬ

Èàíí èä Èäöèñ

Ó èäæáíáí ðéíéíí-íéááíí èðóííáí ííúòá áíáááò óáéíá ðèèíòáíðáíéá èíòíðíá íéáíáááòíú äéú íáá çíáéíáíí. Ó Ááðáí á Áííòáðú óáéíí ðèèíòáíðáíéáí úáéúáòíú áá çáí á-áòáéíí úé «Í ííóáé». Ýòí ðèèíòáíðáíéá í íòèòá ííúò óí-áò ííéí áòú áá á Áòðééá íðéááçòé áíí íé è íáò-èòú éáèóá èíòíðíá í á çíááò ááæá áí óé ííúòá. Ááé íííóáú - 300 èáò, íí áíéæáí áúááò ðòðáí èòúúçúé è áííáíðè èáèó áí íáéíááí áúáòúáá èéíáéíðá...

Многое странновато в этом стихотворении. И Африка, которая советскому человеку, равно как и «берег турецкий», – «не нужна». И желтый Нил, где собрался ловить попугая поэт. Очень уж близок этот Нил к невозможному для советского сознания Израилю. Однако стихотворение Гонтаря – отнюдь не фига в кармане. Ведь никакой надежды на то, что его родной язык сохранится в Израиле, поэт не высказывает. Скорее, наоборот. Более того, когда Антисемистский комитет советской общественности, называемый в просторечии антисемитским, снимал пропагандистские фильмы о счастливой жизни евреев в СССР и расцвете идишистской культуры, то в одном из них появился и Гонтарь. На встрече в «Советиш геймланд» с американскими евреями он читал свое стихотворение и говорил: не уверен, дескать, что идиш проживет, как попугай, 300 лет, но язык этот греет душу.

Гонтарь относился к тому поколению советских еврейских поэтов, у которых уже были учителя. Одним из них для Гонтаря являлся Самуил Галкин. Именно на фоне стихов Галкина, да и Гофштейна, совершенно в их образной системе воспринимается стихотворение Гонтаря о звезде, отраженной в колодце, которой можно доверить всё самое дорогое.

А повторяющийся мотив кровавого месяца (обратим внимание: не бога войны Марса!), зарезавшего барашка, – естественно, барашка-облачко, – не может не напомнить песенку о Козочке «Хад Гадья» из Агоды на Пейсах. Песенку, напомним, вполне эсхатологическую. На этом же фоне совершенно иначе выглядит стихотворение о том, что когда на небесах что-то происходит, то к поэту приходят стихи, и он раскрывает дверь всем, кто хочет войти...

Как мы знаем, во время проведения сейдера действует закон: каждый нуждающийся в сейдере – пусть войдет. Однако именно тогда, когда мы открываем дверь на улицу, а на столе стоит стакан пророка Элияу, мы ожидаем событий, предшествующих приходу Мошиаха.

È ñáé: àñ àíí: ùþ

È íçàðÿ'áò í óóü

Ñ ò áð í áðáíó áí áé.

Í áðááíá P èèè Í áéí áí

Í Í Í Ó Á È

Á Á óðèéá

á Á óðèéá

á Á óðèéó éá: ó!

Èóí èþ ÿ ííí óñÿ, í á «èèè» í áó: ó!

Á ò àí í óíéáé éáòèò íí,

éóáá áííò áí áò ñé:

Çáóí: áò - ò áé í á Èííá, á òí -

í á æáèò úé Í èè

È í óíòü æéáò í íéíæáí í úó àí ó

òðè ñ ò í é éáò...

Óú èñí óáèñÿ, áí ó: áé:

«Ñí áñí ðáóí óèñÿ ááá!»

Í á ÿèè í í áñí úÿ'ó ÿ áí áááèñÿ ñáí,

Í í è í æü: èé, í í ñ úóéáí úí,

æéáíí ò áí èí æáçáí,

Óí òÿ áúá í é ñéíáà ò ú áñéóó í á í ðí èçí áñ..

(Á áðííéúá - ò á ñéáæóð í áó: í áí

«ñéáðíç».)

Óú ñéíá ò áéèó í á çí ááèü, í í é

í ðííò í áóó í úé áí óé,

Ááüü ò ú í á èç: ááèü í í èà áúá í áé!

È áñæ í í éí è, í í é í èèúé: í ááí éá

í ú æéáíí ...

*Çàáááò òáîè áí óèè í äááóóéá òáîáí ,
Í í ááááò æèòüí á ñááòá ó-áí üé ííí óáé
È óáè áýòüü óá-áí è ÷áéíé, äáèáééé éðáé.
Í áí ííá ííèéíýáò í á òðáòüæ ñ òí á éáò...
È òóó áá ííèí ááò ñááíé ýçúéíáá..
Áñá òííéíñòè ééíáéñòèéé íí ííñòéááòü
í ðèáíé,
È íí èçó-èò «èäèø» - í íé ðíáííé ýçúé.
...Á Áóðèéç
á Áóðèéç í íéá-ó ñò ðáéíé,
Èóí èç ýííí óáý... Óæ í á ñííòüñ í ííé!*

Í áðááíá Þéèè Í áéí áí

***

*Èéóáéòñý éááéèé áüí
Í áá çáñò áééáí í íé éóæáé,
È áí çáóò ñò áé òí áéüí üí ,
È íñò ðí í ááí áò ñò óæáé.
Èáí áéüç í á éðúéüóí
Ñíñéüéá áðúçæáò ñ éðúíøé,
Í íáñò ááéá áé èèóí,
Ñí áþñü-
òáééíí,
÷óüññüóíí.*

Í áðááíá Í. Áíðíéíé

B ñeúóò ñòííú,

ãñeéíú.

Èéóóéòíy' á íááá òúú à

È òó:é - ñòíé óàéüþ.

Ñááú, ááí òú, áíí à

Íéóóáí ú í á:àéüþ.

À òy'áí çà ñòáí íé

Danéàóéy'éáííí ñò áðòòá,

Áíáí'òíáí áíéúí íé

Áíð:è ò í à éóóí á ãéóóí.

B áíáééíy' èç ñéé,

Ñáéí óíáíí ñòáéí òáéí,

Ì í á ááéúé ñáò í á í èé,

Ì í á áí, ñòí:áðòáéí!

Èéááþíí, éáé á áðááó

Í à ñ yòúá í íáóóéé.

B éðééíí èç íéáó

Í í áéáí ó í ò óáóóüy'!

Çááúéíy' òy'æééí ñí íí...

Í í ÷ òí òí ááðúá ñááðéí óéí,

È ñéíá:íúí íyòííí

Í éí óéí í íéúóí óéí.

È y' áéàçà í òí ò áá

È áííéí:éé í áðóóá..

Í á áííò óááò áò -

óáíð

Ì áðòáþúéé, æáí ÷ óéí úé.

È ééí à í íéíáá,

Ácãñò è ò èèñòãîþ æãèòíé,

È ñí æéí äý çãçãã

Áèñè ò í à áçéèòíé ÷ áééá

Í ñíæãí èé ñí èãíð

Ðãçéé áí èðáá ñéýí ñã

À áãòãí ðà áí äãíð

Áú ò àñé è äãò ñãí è.

***

Í à çíãþ ý,

Èíãã äãðã çãçãò è ò

Òà ñíãý, ÷ òí áñããã

Ææãí í à è í æããí í à

Áíãé è èãééé óãã

Çãñéú óóý á í í ÷ è -

Ñééí þñí ñ ðãã í æ

È í à èíéãí è ãñòãí ó

Áãðãããã ñí í

È áãòíé áí ðíæáó

Í ñíðéè ãéóáéí

Çãããéé

è ñíéðãòú,

È çéúó áãò ðí á

Áðãí ýùçþ ò ðãíó

Í íýòó á äãð

Í ãñò èíéãóí ñý ýòà

Í à çíãþ ý,

Èíãã óéããò íí à..

Í í áãðþ -

*Í àíŷ í á í á í à í à ò,
È í à à í í è à à ç à
Ó ò ò à è í ò ò ù ç à ò ò í à í è ò,
È í à à í à è í è í ò ò ò ò ò ò
í à è í ù ù í à,
Á à ò à à ò ò à í à í ò ò ò
È, ç à ò à è á à ù ò à í ù à,
È í à ò ò ò ò í ò ò ò
È - ò ò ò ò! -
à í í à í ç à ò ò è ò í í à*

Í à ò à à í à Í. Á í ò ò ò í è

***

*Á í í - í è í ò è ó à à,
B à è è ò ò, è à è ò ò ò ò,
Í ò à ò à à í è ò í à í à ò ò í à
Á í ò à è à à à í ò ò í í.
B ç ù è í í è í à à ò ò è é,
È à ò à à ù è è ò à í è è é,
Í ò à à à í è à ò à í ò ò ò
Í ò à à à í à í ò í ò à à è í à
È ç í ò ò ò ò à à à í à -
N è à ç à è à à à à è í à
Í à í à à ù - è ç à ò à ù ù
Í í à è è í è ù à à è è.
Í í à à à è è, à à ò ò ò ò ò ò,
Ó í í ò ò ò ò à í, ò ò ò à à à í ò ò ò
È ò à à ò à à è ò à à ò ò è -
Ò ò ò ò è í à ò ò ò ò ò ò ò ò*

ὄτ' οἱ αὖτις ἐπέειπε

ὄτ' ἰδοὺ ἐπὶ τὸν οὐρανόν -

Ἐπιταγὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ

Ἐπιταγὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ

Ἴδετε ἵνα ἐπιπέσῃ

βασιλεία τοῦ οὐρανοῦ,

Ἐπεὶ οὐκ ἐστὶν αἵματι,

ἀλλὰ ἐστὶν ὁ οὐρανός...

Ἰσλαμ Ἰ. Ἀρσενίε

Ἀλλὰ ἰσλαμ ἰσλαμ

Ἰσλαμ ἰσλαμ ὄτ' οὐκ ἐστὶν αἵματι

Ἰσλαμ ἰσλαμ ὄτ' οὐκ ἐστὶν αἵματι

Ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ

Ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ

Ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ -

Ἰσλαμ, ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ

Ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ

Ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ ἰσλαμ

À òí - èäò, éíää çðà:èè
Íòèðùòù, ñéíáí éáòíí ááðè.
À òí - éíää òù íò òíñèè
Äðæèøùè æíæàò áíèü ííòáðè.
B äíí äëý äíáò íòèðùè, èàè í íá
Däü'áóí óòíñòü - äü íðèí áòà
Ñòóí èòá äíòè,
íà ííðíá-
Í íý äíüü í äíý í äüí áòà

Í áðáíá Èüää Í çððíáà

ÊÍÃÃÀ ÃÓËΒÃÒ ÂÛΡÃÀ

Í íá äüðæíúé ñòíí,
Â ííæàðá ááèíí
Ãáüíí èð áçááóáí,
Ëíáðáí, ñí äè íí.
Î äíáááí ü ò ó:
Ì æè í áðæáíèö
Í ñòðèò ñíé éó:
Ëðíáááíé í äíýö.
Î í äíüü äðíæèò,
Î í çíè ááç í áðü...
È äíò - óáèò
Bä áí í è ñíðùé...
À äüðäü - ä í èýñ
À çáçäü - èæü,
Í óðä, í á: äíüí
Ã äíí à íðíí èèèà

*Í àò áé ì ðàí íí,
È èpâyì ò óã...
Ááíí ì è ð áçááó áí...
Áóéyáò àíþã*

Í áðááíá Þ è è È áéì áí

ÑÀÌ Æ ÁÈÁÁÈ

*Í èáááè á ò ó: áò ì áíyö ò íí è è è
È çàðáçè ò àì ýáí áí è à
Ñàì ý à è á è:
ýðèèì áéáíèíí
Áíí ù óí ð è í í æ áí ò ù ì á í á á á í í í é,
À í í ò ì ì í ð í á è
ì á í á í í í
çà á í í í þ á è í í á í í í é,
× ò í á í í á á ù í á á á è è ì ù é í
È í è è ò í í á ç í á è, ÷ ò í á ù é í...
ç í á á ò í í, ç è í á è á á ò ð í á è,
× ò í á í, á è á è ý ì í í ð í á è,
Í í ì è á á ò ì í á è ó è á á í:
Í á í í á á ð ý ò è þ á è,
ì ð á á í!*

Í áðááíá Í. Áí ð í é

ÁÈÁÇÈÙÀ ÇÁÁÇÁ

*Áèáçèùà çáçá
á í í: è á á ç á í í í í é...
È ò í ç à ì ð á ò è ò
á è á ç à ì í á ó á í í í í ù ì*

Í ðí:áñóü òáì úñè, ÷òí ìíòíéíì

Òáéóò áì íé:áì èè ãéóáíéíì ?

Áñ çðèì í èì - ááññííúì .

B ááòò èì ,

Ó í èó ñáíè çàéííú:

Í í è òðáíýò

áñ íáøè òáéíú íáééíííí,

Í í è ì íé:àò,

ñèýý ì ðíñáò èáí íí...

Áñ áéáí í èì ,

áñ ýñí í èì , ááññííúì .

È áíñè çáçáú

÷òí-òí ñéàæóò áñ æá

Òí èèøüíáííé, ÷òí áñó áíðíæá

Í í á í á ì ðí:èó í á ì ðíæá -

Èpáóò òáéíó áé áíááðè òüì í áéíí.

Í áðááíá Í. Áíðíéíé

Í ÒÓÍ Í × ÁÐÍ ÁÁÒ

Ááç áñ ááá áíðí í á á ññ ááó

Í á ì íéá áéááòü í á ì í áí

Èáé áíðáçè òü ýñí áá?

Ñí ááí ò áááò áñéóáéçííé,

Í á í á ì ì íðùéíéè í é í áí í é.

È ááðáá

Í ýòí í ÷áðí ááò!

Áí ò ýò á ò í:éá á ááéçí á

Áúééááú ááò ñáðáá í í á

Éaðò ààíé ã éññéúóóý:

«Òðè ááèà áéèòíý æéçíúì íý,

Β íúþ ÷ óεíá ã ðá ãñáñòú -

Ì íá í ááí, ÷ òíáú éðíáúéèéáñú.»

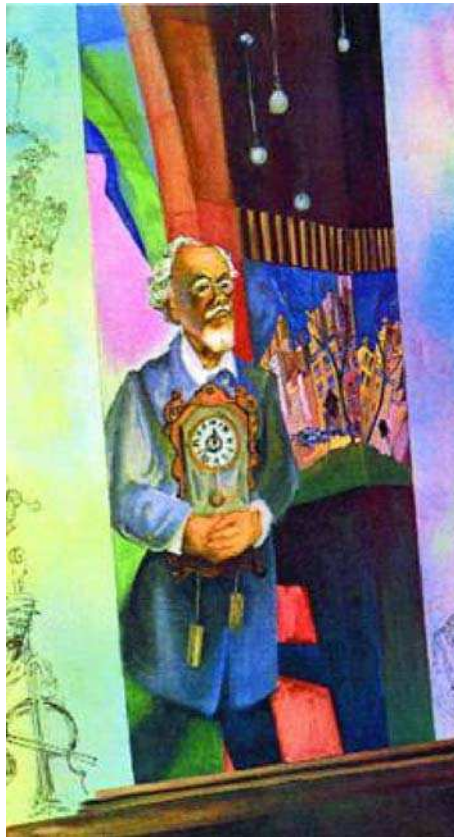
Áα ã ááá ãí ðí í á á ñ ááó

Í á í íéá áéáñòú í á í í áí

Í áááíá ááòí ðá

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

יובל עשור לילדו של אבד ייאהו

Andante

Кин- дэр- ё- рн зи- сэ кин- дэр ё- рн,

эй- бик блайбт ир вах ин майн зи- ко- рн,

вэн их трахт фун ай- ер цайт, вэрт мир а- зой банг ун л

ой, ви шнэл бин их шойн алт гэ- во- рн.

ÊÊÍ ÁÝÐ "ÐÍ

Êêí äýð, ðí, çèñý èèí äýð, ðí,

ýéáèè áéàéáò èð ääð èí ì áéí çèéíðí,

äýí èð òðäðð òóí àéáð òàéò,

äýðò ì èð äçíé ááíáóí èàéá -

íé, àè øíýè áéí èð øíéí àèð ðýáíðí.

Ííð øòýèò ì èð äíñèòèáé òäð àè íéä,

áò èð áéí ðýáíéðí, íéò ðýòíéä,

íéò ì áéí áéä, çýèð äíðò,

øòýèò ííð íéò äýí çýáí íðð -

àè à òíéýí èç äíñáéò òäððéíéä.

Óí ì áéí ì àí ý, àð, àè ø'òéýáçè èéáí,

ōī: çè hīò * éí ōyéäyð ì èõ ãyòðeáí;

(* - h ì ðī è ç í ñ è ò ñ y è à è á à í ã è è í è ñ ì have.)

äyð éí úí èç óóí èð hái ò

ì èð í í ò à ç í é ã ò á y è á í ò -

ōī: éyéí ōyéōí èç ì èð í ú ò ò ò à ð à è è á í.

Í í ò ç y è ò à è ã Ō y è ä y ð, à è ç y é í y,

í í ò é ó ó è ò à è ð í é ò y á y è è y ò ä á é í y,

ä á é í y í é ä ó è ì è ò ō y é í

ä ð é í ã y í è í ì á é í h à ð ò à ð y é í,

ō h í á ã y í y é í ò, ä ó ä y ñ ò à ì í è ç à é í

ì á é í y

È é í ä y ð, ð í, ð í ã y ç y é í y á è ð ì y í!

Ō ð è é ó ó ì èð ä y ò èð ç í é í ì y ð í ú ò ò

è ò ì y í!

“ ð í à è ò y, ò ð í é à ð è é y,

é à è ò y, ì í é ð y ç h í é à è é y,

h í á y í á è y ð ç y é í y ì í è à ò ò à ð ì ò ì y í.

È é í ä y ð, ð í, ò h í á à è ò í í ã y à è ð í,

ì á é í ã y ò ð à è y ì à ì y í í é ò ò à ð è í é ð í,

ó ó í ä y ð ç ò ó á í ú ò ò ì é y é í ó è y é

Ō y è ä è y è ç í é ò ä ä y é,

í é, à è ç í y é á é í è ò ç í é í à è ò ã y à ð ð í.

Á Á Ò Ñ È È Á Á Í Á Û

Á à ò ñ è è á á í á ù, ñ è à à è è á á à ò ñ è è á á í á ù,

á ì í á à ñ á à á í à ì y ò è, è à è æ è á ù á

á í è ù í è á ñ ñ ò í í

á ò ì à ò ù í à è ç á é í í ò á -

í é è à è æ á á ù ñ ò ð í í á ñ ò ò í è è à ñ ò à ð ñ ò ù

Áñ auiá i áðáá æàçai è éñi í àòéà

ááý ðí æéñý è ðñ

è í à çíáéñi ñi í áñòá

æèæóý ññþ éñéúáæü-

áñ éóúà-òí èñ-áçéí, éàé ññí.

È í ñý í ài á - éàé æáý áá èþáéé! -

ðí òúñíá è òí ðñi èéà í áíý á óáááð,

áñ ñèò ññð ññi ñþ

áñ ái ùèí èé -

í è ñéááá ñò í èò í á ññòáéññü

Áuiá æèæó òááý, ðáñéðáñáæéòá í ñý,

Óáéñéá

óáéòþ ðú ñí úá òáñ è ùá-éé,

òáñ è ñíéí úá ñ-áðñáñi èý æàçá

í ðñíééàþ ò á í íá ññòáá-

ý áú àé, òú éñáá-íéáóúññòáíæóü

í íáé.

Ááòñéá ááú, þí úá í ðáéññòí úá óááò ú!

Ááí í ééñáá óæá í á ááðñi óòúñý!

Òññééáñi è ðñéñáí úá

óí úéúá ááú ñòáðññòé

çáñòóí èéé çááòí í á ááóá í áñòí.

B í ñòáðñé ááñ ááòñéá ááú,

í ñòáðñé í ñþ áñáðþ í ài ó

í áò óáñéúóá òí é éñi í áòú,

è Óáéñéá òí æá óóéá -

í é èàé æá áúñò ðñ í áñòóí èéà

ñòáðññòü

Вот так. Вот так вот. Тут я посмотрел на него – не иначе как потому, что раньше он никогда не говорил в таком тоне, и мне почудилось, что я смотрю на совершенно незнакомого человека. А не на моего старого друга Эймаса, того самого Эймаса, которого нужно было сталкивать с мостков: так он боялся летом в первый раз прыгнуть в воду, а он смотрит на меня и глазом не моргнет. Я открыл рот, а сказать ничего не могу.

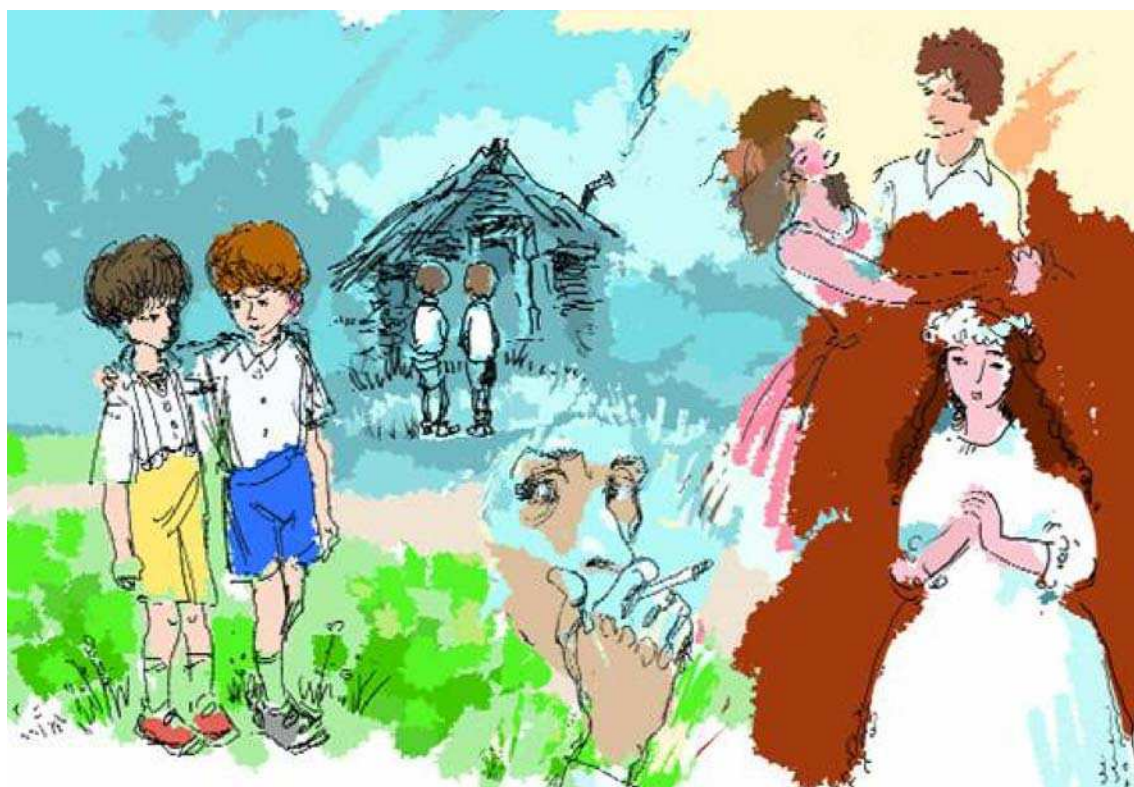
– Чарли, я серьезно, – говорит мой старый друг Эймас, – и долго так будет продолжаться? Ты что, собираешься болтаться без дела до конца своих дней? Сколько ты уже живешь так – два года?

Я чуть было не брякнул, что вовсе и не два года, а год и семь месяцев, и за это время я поработал на трех работах и ни гроша ни у кого не брал, но спохватился: какого черта, думаю, с какой стати мне что-то объяснять – и кому! Ведь старый мой друг Эймас, тот, что сейчас вальяжно восседает за рулем своей шикарной машины, на полгода меня моложе, я же ходил к нему на все дни рождения, где непременно кто-то задавал ревака, а один раз (Эймосу тогда, помнится, десять исполнилось), пока мы играли во дворе, кто-то влез в окно и спер именинный пирог, а потом пришла мама Эймаса, увидела, что пирог тю-тю, и отправила нас всех по домам, а его отец выпроводил нас со двора и запер калитку.

Я осторожно затягиваюсь, аккуратно стряхиваю пепел в пепельницу, гляжу прямо перед собой на дорогу, а ночь такая красивая, ласковая, и ничего не говорю. Ни слова.

– Ладно, у тебя нет университетского диплома, – говорит Эймас, – ну и что? Кругом полно людей, которым по образованию далеко до тебя, и что – они сидят сложа руки два года кряду? Не сидят – то-то и оно! Чего ты хочешь – хочешь, чтобы мир тебя пожалел или что? Послушай, Чарли, задумайся над тем, что с тобой происходит. Пока не поздно.

Б-г знает почему сердце у меня бешено колотится, а мысли разбегаются – можно подумать, я веду разговор со старым другом Эймасом, пытаюсь поточнее объяснить ему, что у меня на душе, почему я не могу поступить так, а хочу поступить эдак, или как, мне представляется, я хотел бы поступить, и еще о всяческих вещах, о которых мне до смерти нужно поговорить точно так, скажем, как в былые дни, когда мы после школы бежали домой и говорили обо всем, что только ни взбредет в голову, обо всем, что нас волновало, о вещах, которыми я не решился бы поделиться ни с кем, кроме старого друга Эймаса, а он со мной, а с другой стороны, я не могу поверить, не могу взять в толк, что со мной говорит Эймас, потому как этого Эймаса, что сидит рядом со мной, я практически не знаю, а ведь всего год назад я был шафером Эймаса и нес его на пару с приятелем на плечах к машине, и его родители прямо-таки светились от радости, и все хлопали в ладоши и бросали конфетти. Двадцать три года, а уже женился.

– Чарли, послушай, – говорит Эймос, но я почему-то не слышу, что он говорит, ни единого слова не слышу.

А видится мне, как мы уезжали на каникулы в горы: сентябрь, дождь, с веток каплет, холмы тонут в тумане, по ночам слышно, как рокочет река, а мы чуть из штанов не выпрыгиваем, так рвемся захароводить сестер – медсестричек! – нализавшись виски, вываливаемся в холл захудалого пансиончика, ходим кругами около сестричек. И уговор у нас такой: если один захароводит сестричку, другой ночует в бильярдной, а знак, если одному всё же пофартит и он жалюзи опустит, свет повсюду выключит, – то знак он подаст так – тихо свистнет и три раза стукнет в дверь. Год шел за годом, так нам ничего и не обломилось, но каникул лучше этих у нас не было. Ну а потом, на последнем курсе, мой старый дружок Эймос – вот уж чего не ожидал, того не ожидал! – стал всюду ходить с Мартой Слоним, такой из себя еврейской девахой в теле, в кафе, где мы толклись, она, бывало, рта не закрывала, приличный, вялый, обстоятельный роман тянулся у них весь год, весь год мой старый дружок Эймос и Марта практически не расставались, порознь в университете их никто и не видел, тот год, когда всё пошло наперекосяк и я на всё плюнул.

Свадьба (я аккуратненько тушу сигарету в пепельнице) прошла что надо, чин-чином, и когда они вернулись после медового месяца, я пришел – как же иначе – посмотреть подарки, снятый на свадьбе фильм, выпить чашку чая с тортом в их новехонькой – с иголки – квартирке.

– Ну хорошо, ты хочешь быть художником, – говорит Эймос. – Понимаю. Но будь благодарен. Если станешь художником, ты никогда не сможешь – и сам это знаешь – содержать жену и детей. Сколько их, таких художников, которые прилично зарабатывают? То-то и оно! Ну хорошо, будь себе художником. Но рисуй в свободное время – суббота-воскресенье на что? – рисуй себе сколько влезет.

Он говорит, а я смотрю прямо перед собой сквозь его кристально чистое ветровое стекло, потом поворачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на Эймоса, а он сидит, весь напряжился, и такая тоска меня взяла, а почему – сам не знаю: то ли Эймос на меня нагнал тоску, то ли тоска на меня напала, оттого, что мне стало жалко Эймоса? Знаю одно – такая вдруг тоска, такая усталость на меня навалились, вымотался, чувствую, вконец: у меня даже лицо заболело, точно я всю ночь улыбался через силу, и тут меня осенило – да ведь так оно и было, когда я сидел у Эймоса перед телевизором, а перед этим ел обед, над которым Марта прохлопотала целый день, ел его с подаренных на свадьбу тарелок, подаренными на свадьбу же ножами и вилками, а потом шел на цыпочках в комнату – посмотреть на их сынка Дэвида, он – темное пятнышко в сумраке комнаты, – крепко спал, пока мы, затаив дыхание, стояли над его кроватью. Эймос отец. Последний раз я его видел полгода с лишним назад.

А теперь мы сидим у моего дома в его «шевроле» и он меня поучает, точно он мне отец, и такая у меня от этого тоска, но и только – больше я ничего не чувствую. И почему-то не могу из себя выдавить ни слова.

И вдруг мне представилось – бред, конечно, – что на самом деле говорит он не о ком ином, как о Валери, у нас с ней всё кончено, но ему-то про это откуда знать, а я знаю одно: только заикнись он о ней, я дам ему в рожу. Но тут же беру себя в руки: дать в рожу Эймосу – это ж надо совсем рехнуться, а когда я вижу, что правая рука у меня сжата в кулак, мне становится стыдно. И я скашиваю глаза на Эймоса: не заметил ли он чего. По-видимому, нет. Он всё это время говорил и говорил, только я не слышал ни слова. Но не о Валери, это точно. Не о Валери.

А он всё говорит и говорит: мол, я болтаюсь без дела, не работаю, родители беспокоятся обо мне, и не только они, все беспокоятся, а я сижу-жду, набрался терпения – жду, когда же он кончит, потом кошусь на него и, сдается мне, улыбаюсь, и тут я чуть было не ляпнул: «Тебе, Эймос, палец в рот не клади» – но ничего не говорю, открываю дверь, вылезая из машины, аккуратно закрываю за собой дверь его двухцветного «шевроле», поворачиваюсь, чтобы идти в дом, но поворачиваю назад, пригибаюсь к окну, говорю: «Спасибо, что подвез» – и понимаю, что возврата к прежнему между мной и моим старым другом Эймосом нет и быть не может, но утраты не ощущаю, совсем не ощущаю. Я захожу в дом, он уезжает.

Ἰ ἀθάτῃ ἢ αἰ ἀεὶ ἐπέτα Ἐαδενῆ Ἀαῖν' αἰτῆτῆ

КРУГЛЫЙ СТОЛ В БАРАНЬЕЙ ДОЛИНЕ

Áààèä Ì àðèèø

Сочинительство появилось на свет в незапамятные времена, появилось в пещерке, на синем краю ночи. Сидели вокруг костра охотники, вернувшиеся, так сказать, с ловитвы, рубали жаренную на открытом огне убойну с дымком и травили байки, полные блистательной лжи. И того, кто рассказывал скучно, – того съедали.

Всё здесь шло в дело: отвага охотников – в особенности, понятно, рассказчика, суровый или, напротив, сентиментальный пейзаж, портретные характеристики людей и зверей, ну и, разумеется, захватывающий сюжет, стилистические находки и богатейшие звукоподражания, такие, как вой ветра, звериный рев и, наконец, триумфальный охотничий клич. То была эпоха устного творчества, мало в чем уступавшего письменному, а то и превосходившего его. Время рыцарских романов с их довольно-таки убогим любовным враньем, со всем этим платоническим и бескорыстным служением прекрасной даме в поясе невинности, запертом на замок, пришло позже.

Да и изобразительное искусство, и музыка появились в то допотопное время, поистине героическое. Оба эти жанра служили подспорьем рассказчику: художник иллюстрировал рассказ рисунками на стене, композитор бубнил себе под нос, заполняя паузы в повествовании и создавая соответствующий сюжету фон. Вот как было дело.

Несмотря на нынешнее нашествие кнопок и клавиш – этих злокозненных библейских мух современности, – искусство в некоторых местах мира сохраняет свою первозданность. Охотники до приключений на свою голову сидят у костерка, лошади уютно хрумкают овсом за их спиной, в синеве. Мир пахнет детскими пеленками и счастьем.

Некоторые говорят, что нет судьбы, а всё зависит от пересечения случайностей и закономерностей. Другие говорят, что, наоборот, судьба есть, от нее не спрячешься за поворотом, потому что она – Б-г.

А конформисты-примиренцы твердят и уговаривают, что – да, всё верно, есть и судьба, и случайности с закономерностями, но истина находится посередине.

А что, если нет никакой истины – а только горная долина, и прошлогодний снег, и форелья река Каинды?

Коля-Николай был ничевок^[1], один на всю Россию, и представлялся французам так: «Я – Счастливец, по вашему Глюксман». На самом деле Коля был постничевок, но об этом знали немногие – лишь близкие друзья и доверенные поклонницы. Перламутровая тайна Крученых не давала покоя Коле Счастливецю и не отпускала его мятежную душу на травяной простор мира. «Дыр, бул, щыл» было для него равнозначно «Тэке, мене, фаре». Лукавый Кручёных ухмылялся, поглядывая на Колю-Николая сквозь кисейную завесу, отделяющую тот свет от этого.

Уместно спросить, при чем тут французы с их Глюксманом и какое к ним отношение имеет последователь Алексея Крученых московский ничевок Коля-Николай. Спросить и получить ответ.

Философ-хулиган Глюксман тут действительно ни при чем с кирпичом. Об идеологе бунтовавших сорок лет назад парижских студентов Счастливец (к тому времени уже, правда, появившийся на свет) знал лишь понаслышке и четкой картины событий, происходивших вокруг Сорбонны, не имел. Зато история круглого стола в Бараньей долине началась в Париже, и это факт. И то, что Коля стоял у истока этой истории, тоже не выдумка.

Благоприятное стечение обстоятельств свело литераторов со всего света в Париже. Была тому и вполне очерченная культурная причина, но не о ней речь... Литераторы давно уже не небожители, они, кряхтя, спустились с голубых высот и перемешались с населением. Пожалуй, лишь в России, наряду с огрызками язычества, сохранился еще взгляд на писателей как на существа иного, высшего порядка –

сродни сердитым пророкам и неадекватным ведунам. Нельзя сказать, что такой допотопный взгляд неприятен русским беллетристам. Впрочем, может, и до потопа публика поглядывала на мастеров изящной словесности без всякого пиетета, видя в них, прежде остального, бездельников и алкоголиков. Кто знает...

Долго ли, коротко – но именно здесь, в виду собора Парижской Богоматери, к которому, по причине той же счастливой случайности, магометане не пришпандорили еще свои минареты, в кругу русских писателей родилась вдруг очистительная идея: внеочередную культурную встречу устроить в тянь-шаньском ущелье, по соседству с вечным небом, куда всех нас ненароком влечет, и чем дальше, тем сильней.

В ущелье прибыли три месяца спустя, в разгар лета.

Прибытию предшествовали события, шаг за шагом сближавшие русскую идею с ее азиатским воплощением: поиск места, переписка с инстанциями. Да и финансовая ситуация требовала прояснения... Но охота пуще неволи – прояснили и ситуацию.

На яблочном рассвете с аэродрома «Манас», на окраине которого мощно и убедительно дремали «Геркулесы» с американской военной базы, автобус взял курс на Тянь-Шань. Сонные после перелетной воздушной ночи, участники пялили глаза по сторонам, то направо, то налево, на Чуйскую долину, по которой пролегал недавно Великий шелковый путь, тащились, побрякивая колокольцами, торговые караваны и гарцевал Марко Поло на сером коне под богатым чепраком.

Дорога медленно, но верно шла на подъем. Через три часа пути съехали с гудрона на проселок, стало трясти и прибавилось веселья. Вскоре, за красивой дугой поворота, открылась узкая, по сравнению с Чуйской, горная долинка – безлюдная, умиротворенная, почти безветренная. По склонам ее, казавшимся отвесными, отважно карабкались овцы, тесно сбитые в отары. Солнце стояло высоко, но до зенита было ему еще не близко. В горле долины белели снега и льды. Запах неведомых писателям трав стоял над землей.

– Баранья долина! – объявила сопровождающая – молодая киргизка в европейском платье, всю дорогу смеявшаяся и хохотавшая без видимой на то причины.

Вдоль долины, деля ее на две неравные части, бежала шустрая река Каинды. На бегу ударяясь о камни, вода выла от боли и закручивалась спиралями; и водяная пыль, пронизанная солнцем, стояла над камнями.

Табуны лошадей вольно пробегали, останавливались как вкопанные, а потом снова снимались с места.

Посреди земли, на взлобке, особняком стояло невысокое дерево, немного искривленное в поясе, с широкой и густой кроной.

– Рай! – тихонько сказала талантливая Инна Куровлёва. – Просто рай!

– У кого это я читал, – расслышал Коля Счастливец: – «Под деревом, обняв колени, сидела Ева – смуглая телочка с абрикосовыми пятками». Ну, где она?

– Козел ты, Коля, бессовестный! – раздраженно сказала Инна Куровлёва. – Лучше сиди и молчи!

– А почему, интересно, «Баранья»? – спросила критик Нина Аксельрод. – Почему, допустим, не «Овечья»?

– Овца – человек, что ли? – резко, как кинжалом, обрубил кавказский уроженец Муса Ахмедов и вдобавок рукой перед собою резанул по воздуху. – Баран – человек! – Муса жил в Москве с Первой чеченской войны и писал стихи по-русски, хотя и говорил с диким орлиным акцентом. Возвращаться на свою стреляющую родину он не планировал.

Такое решительное кавказское объяснение не понравилось женщинам, и они загомонили хором. Почему это овца – не человек? Опаляющий ветер феминизма не пролетел мимо них, нет, не пролетел. Баран, выходит, человек, а овца – нет! Это что еще за новости? Феминизм, особенно при большевиках, пришелся ко двору: чего там, все равны! Бабоньки, напялив на себя ватные фуфайки, таскали железнодорожные шпалы и кололи ломом желтый лед по городским дворам. Кололи, а мужики хлестали себе водку и храпели в подушку – им равенство ни к чему, на кой оно им сдалось.

Тем временем автобус миновал райское дерево и остановился: проселок незаметно перетек в конскую тропу, колесной дороги дальше не было. Писатели высыпали на волю. Вдалеке, на зеленом склоне белели, словно игрушечные, круглые войлочные юрты. Над одной из них голубой ниткой восходил дымок.

Близ тропы, на травке, лежал крупный верблюд, обиженно глядя перед собой и тоскливо что-то причитая. В низком кустарнике у форельей реки Каинды переступал с ноги на ногу табунок подседланных лошадей. От табунка, переваливаясь на неровностях земли, направлялся к писателям человек лет пятидесяти, с раскосыми и добрыми глазами.

– Это Кадам, – сказала сопровождающая смешливая девушка, – он родом отсюда, а сам живет внизу, в городе. Он книги печатает, типография у него. – И добавила, уже сквозь приятный смех: – Все машины немецкие! – Как будто германское происхождение печатных машин было забавной шуткой, а то и анекдотом.

– Как доехали? – спросил Кадам, подойдя. – Здравствуйте! Сейчас на лошадей сядем, поедем. Тут недалеко. – Он, не оборачиваясь, указал рукою сначала на табунок, а потом на белые юрты.

– Но мы не умеем, – сказали писатели, растерянно глядя. – На лошадях...

– Лошади умеют, – уверенно сказал Кадам. – Они сами пойдут.

Кадам родился здесь, в долине, и не было для него на земле места родней. Как только большевики ушли и наступила свобода, Кадам приватизировал свою малую родину от устья до самых снегов и утвердил ее экологически чистой зоной – со всеми ее снежными барсами и архарами, горными индейками и каменными куропатками, и немногочисленными родственниками, гонявшими баранов по травяным склонам ущелья. Братьев наших меньших, четвероногих, безбоязненно проживавших в долине, давно уже внесли в Красную книгу, да и самого приватизатора следовало бы туда вписать – Кадам был человек редкий, штучный, таких, как он, немного осталось на земле.

В седла подымались с опаской, с изломанными напряженными улыбками на лицах, а сопровождающая – та просто покатывалась со смеху, звенела, как серебряный бубенец; писатели поглядывали на нее укоризненно. Но поездка оказалась совсем не страшной, лошади шли мирным шагом, и всадники понемногу успокоились. Им всё же хотелось поскорей добраться до места назначения.

Перед кавалькадой торжественно, как по сцене оперного театра, выступал верблюд, обложенный писательским багажом. Верблюд и его поводырь – трусивший на осле мальчик, неизвестно откуда взявшийся, одетый в праздничный полосатый чапан, – привлекали внимание путников. Верблюд, да и мальчик в халатике, особенно если глядеть на них из седла, – это было необычайное всё же приключение, в него и верилось-то с трудом – не то что в «Боинг», похожий на общежитие, и в Париж, похожий на Париж. А верблюд, несмотря на еврейскую скорбь в глазах, – существо диковатое, может плюнуть или кинуться. Да и мальчик, скорей всего, дальше таблицы умножения в учебе не продвинулся. Впрочем, и Адам с Евой, которым пришлось бы по вкусу эта долина, не злоупотребляли научными знаниями и прекрасно, однако же, себя чувствовали: ели-пили, родили детей, а то, что один из сыночков оказался душегубом, – тут причина, пожалуй, не в наследственности...

Юрты приближались с каждым шагом, слышен был уже и собачий брех. Надежда путников на благополучное завершение начатого переходила понемногу в уверенность. Коля Счастливец осторожно, чтобы не сердить лошадь, повернулся в седле и оглядел попутчиков. Ему хотелось приставить ладонь ко лбу наподобие козырька, но для этого нужно было отпустить повод, и он не решился. С высоты коня Коля чувствовал свое превосходство над пешими, которых, впрочем, не оказалось в поле его зрения – кроме, разве что, местного мальчика, да и тот трясся на ишаке верхом. Конный человек высок пред пешим, его преимущества очевидны. Не зря, не с бухты-барухты кочевники испокон веков отличались от землепашцев отвагой и дерзостью, в то время как провонявшие кислым потом пахари склонны были к конформизму и рабству. Вот эта, которая хохочет всё время, как молодая гиена, – она, наверно, из кочевой семьи: сидит себе просто как принцесса в седле или на чем там они сидели. Ну, конечно, ее отец чабан, а дед – тот, скорее всего, был разбойником с большой дороги, грабил караваны. И лошадь была для него трехкомнатной квартирой, родным домом. Он и съел бы ее без колебаний, лошадь, если б возникла такая нужда, и стал бы жить дальше. А потом завел бы другую лошадь, продолжение съеденной, и дальше поехал. Александр Македонский тоже не на одном Буцефале скакал, а на нескольких: как один околеет, так он сразу же пересаживается на другого, хотя в истории это никак и не отмечено: Буцефал и Буцефал. А в действительности их, конечно, было несколько, но никто над этим почему-то не задумывался, в том числе и братья-писатели. У Платонова в «Чевенгуре» Пролетарская Сила – одна, бессменная, не говоря уже о Росинанте.

Юрты – одна большая, а другие поменьше – меж тем приблизились, они сидели на зеленой земле стайкой, как птицы, спустившиеся с небес. Давешняя сопровождающая без усилий направила своего коня рысью и поравнялась со Счастливецем.

– А вас как звать? – не упустил случая Счастливец. – Меня – Коля.

– А меня – Гульнара, – сказала сопровождающая почему-то без смеха.

– Гуля, значит, – решил Коля-Николай. – А вы в какие игры любите играть? Я – в шашки.

– А я в жмурки, – сказала Гуля и улыбнулась прелестно. Десны у нее были совсем девчоночьи, розовые, цвета туалетного мыла.

– Поиграем, – сказал Коля. – Чур, я вожу. – И подумал: вот черт! слово «чур» как тут пришлось к месту, сам Крученых лучше бы не сказал. «Чур» – и сразу всё ясно: самец запал на самочку, будет вечер, будет хорошо.

Мир устроен несправедливо; это кошке понятно, тем более мышке.

Вместо того чтобы расселиться, по райской простоте, в одной юрте или хотя бы по соседним, смешливая Гуля поехала обратно на аэродром встречать какого-то израильтянина, бывшего советского, сочинявшего на Святой земле повести и романы на языке Пушкина и Гоголя. Жмурки, таким образом, отпали сами собой. Можно было, конечно, предложить гостеприимному Кадаму завязать глаза платком, но это было как-то не с руки и лишено всякого смысла. Черт принес этого израильтянина! Нет чтобы сидеть там в окопе или хотя бы переключиться на язык далеких предков – потянуло его на Тянь-Шань, на русскую тусовку! С этими евреями всегда одни неприятности, вот уже двести лет вместе, а конца не видать: споить не споили, но зато достали русского человека дальше некуда... Осматриваясь в юрте и соображая, куда бы пристроить в этом совершенно круглом помещении без углов свой чемоданчик со спортивным костюмом «Адидас», книжками стихов на подарки и бутылкой водки «Брунька», Коля продолжал ворчать себе под нос, на чем свет ругая израильтянина, летевшего сюда через Стамбул. Он понимал, Коля-Николай, что еврей тут совершенно ни при чем, а во всем виновата судьба, но принять этот факт было противно; раз судьба – значит, винить в том, что Гуля соскочила с крючка, практически некого. И горечь переживаний, из которых, как из щедро унавоженной почвы, выбиваются зеленые стрелки стихов, бессмысленна: никто, значит, не виноват, все правы. А как же правы, если Гуля, эта кочевница, эта великодушная скифянка, уехала за евреем на аэродром и приедет только утром? Ведь так всё складывалось ладно: жмурки, потом прогулка вдоль ночной реки, стих-другой, питье «Бруньки» на брудершафт... Всё погорело!

За юртами, на траве, киргизские мужики, присев на корточки, копались в баране. Они уже содрали с него пальто и теперь складывали в таз потроха. Мужики работали споро и весело, и это понравилось Коле Счастливецву. Он действительно уважал физический труд и любил наблюдать за ним со стороны. Иногда ему даже хотелось порывисто включиться в трудовой процесс, подвести, что ли, плечо под бревно, спину под мешок – но он себя сдерживал: не зря же умные люди придумали разделение труда – поэты пишут стихи, рабочие куют железо, и неловко как-то вмешиваться, да и по шеям могут надавать по запарке... Потные работяги, ухающие и гакающие над своими бревнами и кувалдами, открывали в нем взгляд в отдаленное доблестное прошлое. Перед ним, в дымке походных костров, возникали герои с оперными оборотами речи, богатыри – не мы, Иван, в конце концов, Сусанин: «Куда ты завел нас? Не видно ни зги! – Идите за мной! Не крутите мозги!» Приятно было поглаживать, как мурлыкающую кошку на коленях, эту выдумку: в старые времена люди были крупней, страсти – круче. Нынче всё не так.

Мясо поспело, и писатели потянулись к Большой юрте. Бой конских копыт о благодатную землю привлек их внимание. Некоторые обернулись на ходу, а другие остановились, вглядываясь: кого это Б-г принес в самый подходящий момент? То скакал местный министр культуры, и это поразило гостей, как стрелой из лука: они стояли остолбенело или покачивали головами. Появись министр культуры на вертолете, всё было бы в порядке вещей. Но приезд члена правительства на лошади не вписывался ни в какие рамки, как будто он ехал по райской долине верхом на собаке. Будь он министром обороны, это еще куда ни шло: обвешанный орденами военный генерал скачет верхом на животном. Но министр культуры, на заре третьего тысячелетия, не в пещерную же эпоху, а в век технологического торжества! Не чабан, не какой-то бродяга в рваном зипуне – министр! Даже Коля Счастливец, углубленно раздумывающий о своем, был озадачен.

Расступившись, писатели пропустили министра в юрту. Там на ковре был расстелен достархан, демократия на нем имела приятный для души и глаза характер. Редкие деликатесы естественно соседствовали с повседневным человеческим кормом: белая редька с черной икрой, куда-то сплывшие в конце большевистского правления крабы – с горячими, как кровь, лепешками, а горный мед и варенья – с маринованным чесночком. Отменная для тех, кто понимает, – а других нелегко отыскать в писательской среде – украинская водка «Немиров-премиум» с оранжевой ленточкой вокруг горлышка стояла бок о бок с бутылками кумыса и чала. Но первым среди равных было здесь мясо – вареное и вяленое, жареное и тушеное, бараньи щечки и бычьи языки, конская колбаса и заячьи лапки. Не след забывать и о рыбе: золотая с пунцовыми крапинками по бортам форель из реки Каинды косяком плыла по достархану.

Вокруг достархана были рассыпаны набитые бараньей шерстью подушки и валики. Где тут садиться, куда? Куда посадят министра? Кадам никаких указаний не давал: садись, мол, каждый куда вздумается. И в этом тоже была волнующая райская простота... Министр, поджав ноги, без церемоний пристроился сбоку от головного – хозяйского? – места против входа в юрту.

А на командное место провели, поддерживая по бокам, старого русского писателя. Старый писатель – это дважды старик, потому что старый, допустим, инженер – это человек пенсионного возраста, а писатель может быть стариком, но старым быть почти не может. «Человек бывает старым, а барашек – молодым», – это Мандельштам сказал про кого угодно, только не про писателя. Писатель тут скорее сродни барашку. И старого, маститого писателя вели на командное место, как седого адмирала на капитанский мостик. На мостик, в День военно-морского флота. Помеченные коричневыми пигментными пятнышками руки, подрагивая, сами собою тянутся к рогам штурвала. Сверкают окуляры бинокля. Гюйсы хлопают.

За тянь-шаньским достарханом всё не так, как за грузинским столом: никакой торжественной обязательности, никаких лирических тостов по мере убывания. Ешь и пей и спи, если притомился. А потом, немного отдохнув, возвращайся в круг пирующих. Адам с Евой тоже навряд ли произносили долгие тосты над своими пиалками. «Лехаим!» – и поехали.

Сидя по-турецки на бараньей подушке, Коля Счастливец выборочно вслушивался в разговор, вольно кочующий вокруг достархана. Речь шла о литературных делах, и дела эти выглядели неутешительно. Колины ноги с непривычки затекли и онемели, и он с опаскою думал о том, как получится ему подняться, когда «Немиров-премиум» дотечет до ног и там смешается с проклятой немотой. Была б рядом местная Гуля, он бы у нее спросил; а так не с кем и посоветоваться.

– Ну, ты как вообще? – оборотился он к Мусе Ахмедову, соседу. – Ноги – как?

– Да никак, – сказал бывший кавказец. – Плохо.

– Так ведь у вас тоже так сидят, – проявил знание этнической географии Коля-Николай.

– Никто у нас так не сидит! – с возмущением сказал Муса. – Мы, что – птицы? Как думаешь?

– Почему птицы, – сказал Коля. – Полмира так сидит. Ну, треть. А другая треть вообще пьяная валяется.

Такая апокалипсическая картина ничуть не потревожила воображение Мусы Ахметова.

– Плевать я на них хотел, – чистосердечно признался Муса. – А если нам выйти надо? Например, побрызгать? Или вон деду? Он и так еле сидит.

Старый писатель как раз собирался предложить тост за новый расцвет культуры. Хороший тост, душевный и доходчивый. Стаканчик кренился в подрагивающей руке, «премиум» в нем опасно волновался. Гам неорганизованного разговора не утихал. Старый писатель хотел было потренировать ножом о графин, но, к некоторому своему смущению, не обнаружил на достархане ни того, ни другого. Тогда он рывком выпил водку и, преодолевая боль в налившейся чугуном пояснице, потянулся за рыбкой. «Скорую» тут не дозвешься, – тоскливо подумал старый писатель. – Нечего и думать...» Ему вспомнился его с любовью заставленный павловской мебелью кабинет в доме царской еще постройки, на Фонтанке, вытертое на подлокотниках вольтеровское кресло, книги до потолка, широчайший стол, о который можно облокотиться и поставить старинную чашку, полную чая с воспоминаниями пополам. Не надо было соглашаться на уговоры, ехать сюда за орденом, который, неизвестно еще, дадут или нет. А то у него орденов не хватает! И

какое ему, в сущности, дело до нового расцвета культуры? Нет никакого расцвета, а лишь упадок, безобразный упадок, кладбищенский... Старый писатель поежился, как будто в юрту посреди Бараньей долины ворвался порыв ледовитого ветра. И заныл затылок – нижнее давление наверняка перевалило уже за сто.

– Давление? – услышал он голос вблизи себя и, дивясь совпадению, наставил ухо. – А что?

– Ну, как... – продолжал спросивший. – Тут всё же высота. Три тысячи, говорят, над уровнем моря. Не Арбат.

Действительно, высота, удрученно подумал старый писатель. Не надо было ехать. И эта тряска на лошади.

А эти двое, средних уже лет, ближе к пятидесяти, чем к сорока, продолжали, со стаканами в руках:

– Да, три – это точно. Тебя жмет, что ли? Могу таблетку дать, у меня с собой.

– Да мне по барабану. У меня давление, как у пионерки Нюры перед половым актом.

Старый писатель снова поежился. Вот так теперь объясняются русские литераторы! Расцвет! Бунин перевернулся бы в гробу, услышь он такое. Пионерка Нюра! Когда они издеваются над Павликом Морозовым, эти мерзавцы, – это можно понять. Но бетонная физкультурница, никому не во вред украшавшая в Союзе детские площадки и клумбы в городских садах, – она-то тут при чем?! Да и никакая она была не пионерка, а комсомолка... Держа в руке заботливо наполненный кем-то стаканчик, старый писатель полуприкрыл глаза и увидел эту Нюру на ее сером кубическом пьедестальчике, на берегу Форельей реки, посреди Бараньей долины – мяч в руке, физкультурный живот и облегающие трусы на псевдоклассических ягодицах. Увидел – и недовольно покачал головой: Нюра оказалась в райской долине совершенно не к месту, как на корове кавалерийское седло. Более того – она, откровенно говоря, портила весь вид, и старый писатель не мог себе в этом не признаться. Отведя наваждение, он поднес стаканчик ко рту и твердо выпил, не закусив. Алкоголь уже шумел в нем, как свежий ветер в дубраве.

– Это кто такие? – спросил старый писатель у соседа слева – чиновника из московского министерства культуры. – Вот эти, не хочу показывать пальцем. – И неприметно повел подбородком на говоривших.

– Шурыгин и Лямб, – не задержался с ответом знающий чиновник. – Лауреаты. По продажам приближаются уже к планке. Особенно Лямб: «Стать раком» расхвывают, как горячие пирожки.

Старый писатель кивнул. Ну, конечно. К планке. Так, наверно, и должно быть. Народ заслуживает тех писателей, каких имеет. Довели народ до полного одичания – что же ему теперь читать? «Анну Каренину» или «Стать раком»? Вот еще «Сонник» побил все рекорды.

– А вы читали этого «Рака»? – с хмурым любопытством спросил старый писатель.

– Кто ж его не читал! – сказал чиновник. – А вам понравилось? – У него, видно, не возникало сомнений в том, что старый писатель знаком с творчеством Лямба не понаслышке. – Местные тут не совсем понимают современную литературу, и это, знаете, проблема: идет глобализация, должны понимать. Завтра у нас дискуссия по женской литературе; даже не знаю, как пойдет.

– А что? – спросил старый писатель. – У них тут женский вопрос по-другому стоит?

– Да стоит-то он стоит, – сказал чиновник, – но всё же немного по-своему. Они ж как дети. Их наши феминистки на куски порвут, и будет неудобно.

Старый писатель вздохнул и отвернулся от чиновника. Как дети. Лучше быть детьми в раю, чем феминистками в чистилище. Может, и правда: срок нашей жизни – чистилище, к нам приглядываются, решают, куда дальше послать: в рай или в ад. Вот так. И Москва или тот же Петербург чем не чистилище?

Петербург, Тянь-Шань и оффшорные Каймановы острова, несомненно, отличаются друг от друга; тут спору нет. И соединяет их – а вместе с ними миллионы других городов и деревенок – в теплую живую пылинку беспристрастное Время. И есть такие несговорчивые люди, живущие там и сям, которые называют Время – Б-гом и никогда не путают тиканье часов с гулом Времени. Приходит ночь, и уходит день, и снова ночь приходит. И когда изменится такая пересменка, Б-г весть.

Сумерки, плотные сумерки пришли на своих синих ногах из-за хребта в Баранью долину, а льды в головах ущелья еще вспыхивали рубиновым и зеленым. Юрты смутно белели на склоне. Коля Счастливец, те двое – Лева Лямб и Семен Шурыгин и еще прозаик Дубов Андрей выбрались на волю, размять ноги.

– Курить, вообще-то, внутри можно, – сказал Коля-Николай, щелчком выбивая сигарету из пачки. – Это вам всё же не Америка.

– Проветривание природное, – согласился Лева Лямб. – Рай. – И огляделся, как турист во дворце.

Живая огромная тишина висела над долиной и сливалась с космосом.

– Факт, – сказал Шурыгин. – В раю разрешается курить. А в Америке курить нельзя. Значит, Америка – не рай.

– А грант кто тебе дал в марте? – насмешливо спросил Дубов Андрей. – Америка или не Америка? Так что не выступай.

– Всё – дым, – уклончиво сказал Шурыгин. – И грант дым.

– У Деда, кстати, астма, – сказал Дубов про Старого писателя. – Его, не дай Б-г, если прихватит от этого дыма...

– ...то прихватит по-крупному, – продолжил Коля Счастливец. – Здесь всё по-крупному. Масштаб-то – райский.

– На миру и смерть красна, – беспечально подвел итог Шурыгин. – Вы на него только поглядите, на Деда, – краше в гроб кладут. А ведь гордость нашей литературы.

– Гроб он и есть гроб, – с досадой сказал Дубов. – При чем здесь «гордость»? Думай хоть, что говоришь.

– Он писатель – ноль! – уперся Шурыгин. – Ноль!

– Если все нулевые писатели враз околеют, – вставил к месту Коля Счастливец, – то, считай, мор пришел.

– Ладно, хватит! – сказал Лева Лямб и руку поднял, отводя предположение Счастливецва. – Помрет – значит, такая его судьба. Но нам он всё тут испортит, вот это уж точно!

Мужчины замолчали, живо представляя себе последствия внезапной смерти Старого писателя здесь, в дивном краю, с бухты-барахты. Машина сюда не поднимется – как везти вниз? А необходимые формальности? Не говоря уже о том, что круглый стол, можно не сомневаться, накроется медным тазом.

– Завтра с утра «Женская литература», – напомнил Дубов. – Пойдем, что ли?

– А куда еще идти? – насмешливо спросил Лева Лямб. – В пивной бар, что ли?

– Ну, куда... – сказал Дубов Андрей. – Вон хоть туда. Форель удить. Кадам удочки привез, штук десять.

– А на что ее ловят? – спросил Шурыгин. – На червя или на мормышку?

Писатели затруднились с ответом и гадать, на что ловят, не стали.

– Вроде все уже приехали, – сказал Лямб. – Все, что ли?

– Израильянина еще нет, – дал справку Коля Счастливецв. – К утру подлетит через Стамбул. – Из-за Гульнарны, так некстати уехавшей на аэродром, Коля-Николай воспринимал далекого еврея как своего подопечного, навязанного ему досадными обстоятельствами.

– Ну, подышали – и хватит, – сказал Шурыгин, втаптывая окуроч в землю. – Пошли водку пить.

Í éíí :áí éá íéááóóó

III Í é : ááí éé - í ííéíáíéáý éé óááóóóóí áý áóóí í éóí áéá á 1920 é 1921 áá, :éáí ú éí óí óí é óéáçú ááéé í á ííá á óí áñó áí í ááááéíñó áí é (ááááéçí áíçí éé á 1916 á á í áéóóáéííí í é Óááéóááéé, í ííéá í áóáí é í éóí áí é áí éí ú óáí óó ááéáéáí éý í áóáí áñó ééíñý á Í áóéá; ííí íáí í é í óéí óéí - í á ááíñóá áí éí ú í óááóéóú óáééí á á ááíñóáí é éíñóíñóáá). Í é : ááí éé çáýáééé á íáí íí éç íáí éó ááééóóó íá «Í áóá óáéú - éíñóí : áí éá í óí éçáíáí éý áí éí ý í é : áá». - Í óéí. óáá

ВОСЕМЬ ПРОЦЕНТОВ ОТ НИЧЕГО

Yòãò Èããò

Бени-маклер ждал их у входа почти полчаса и, когда они пришли, постарался не показывать, насколько он рассержен.

– Это всё по ее вине, – рассмеялся пожилой мужчина и протянул руку, как бы переходя к делу.

– Не верьте Бучи, – выпалила крашеная блондинка, выглядевшая моложе своего спутника по меньшей мере лет на пятнадцать. – Мы подъехали даже раньше, но долго не могли найти место для парковки.

Бени-маклер лукаво ей улыбнулся (можно подумать, ему не наплевать, почему Бучи и блондинка опоздали). Он показал им частично обставленную квартиру, с окном на кухне, из которого почти можно было увидеть море. Уже в ходе этого ознакомительного осмотра мужчина достал чековую книжку и сказал, что квартира его устраивает и что он готов заплатить за год вперед, только хочет, чтобы сумму чуть округлили в меньшую сторону: приятно чувствовать, что тебе идут навстречу.

Бени-маклер объяснил ему, что хозяин квартиры находится за границей, а он не уполномочен снижать стоимость аренды. Мужчина заулыбался: дескать, речь идет о грошах.

– По мне, – сказал он, – вычтите это из своих комиссионных. Сколько процентов вы получаете со сделки?

– Восемь, – ответил Бени-маклер, поколебавшись. Он решил не лгать, чтобы не рисковать.

– Ну так у вас будет пять, – мужчина продолжал заполнять чек, а когда увидел, что маклер протянул за чеком руку, добавил: – Подумайте об этом. Дела на рынке сейчас хуже некуда, и пять процентов от чего-то – гораздо лучше, чем восемь от ничего.

Бучи, или Тувия Минстер, как он значился на выписанном им чеке, также сказал, что завтра утром блондинка подъедет к Бени, чтобы забрать второй комплект ключей. Нет проблемы, ответил тот, только не позже одиннадцати, потому что у него встреча.

На следующий день до одиннадцати крашеная не приехала, и Бени, который должен был срочно уйти, но не хотел подводить клиента, достал из ящика чек. На нем были указаны и рабочие телефоны, но Бени предпочел избавить себя от еще одного утомительного разговора с Тувией и позвонил сразу на домашний.

Когда она сняла трубку, Бени вдруг вспомнил, что даже не знает ее имени, поэтому выбрал обращение «госпожа Минстер». По телефону она показалась не такой глупой, но всё равно не помнила, кто он такой, не помнила она и о том, что они договорились о встрече. Сохраняя терпение, Бени-маклер

медленно, как ребенку, напомнил ей, как вчера они встретились с ней и ее мужем и решили вопрос о квартире. По тому, что женщина недоуменно молчала, а потом попросила его описать, как она выглядит, Бени вдруг понял, что облажался.

– Ой, кажется, я ошибся, – попытался он вывернуться. – Как, вы сказали, зовут вашего мужа? А, ну теперь понятно... Пара, которую я ищу, это Шауль и Тирца. Опять 144-я подвела меня. Извините, до свидания, – Бени быстро повесил трубку, чтобы женщина не успела ответить.

Крашенная приехала пять минут спустя – полусонная и еще явно не умывавшаяся. «Извините, – зевнула она. – Почти час ловила такси».

На следующее утро, когда Бени-маклер пришел открывать свой офис, на улице его уже ждала какая-то женщина. Ей было лет сорок, и в том, как она была одета, в ее духах – во всем было что-то неместное, поэтому, когда он обратился к ней, то машинально заговорил по-английски. А она как раз знала иврит и сказала, что ей нужна квартира из двух-трех комнат и она предпочитает купить, но готова и снять, если въехать можно будет сразу.

Бени ответил, что у него есть несколько хороших квартир на продажу и что из-за того, что рынок сейчас на спаде, цена на них приемлемая. Он спросил, как она попала именно к нему, и женщина ответила, что искала по справочнику «Желтые страницы»: «Ведь вы “Бени-маклер”?»

Он ответил, что уже давно здесь нет никакого Бени, но, когда он купил это посредническое бюро, то решил оставить название, чтобы сохранить репутацию.

– Меня зовут Микаэль, – улыбнулся он, – по правде говоря, на работе я иногда забываю об этом.

– Меня зовут Лея, – представилась женщина и тоже улыбнулась. – Лея Минстер. Мы вчера говорили по телефону...

Первая квартира была, по ее мнению, слишком темной, – они были как раз на полпути ко второй.

– Она красивая? – спросила вдруг Лея Минстер ни с того ни с сего.

Микаэль попытался изобразить, что не понял, о чем речь, и заговорил о том, куда выходят окна и тому подобное, словно Лея спросила о квартире.

– После вашего звонка, – она не обратила внимания на его слова, – я попыталась поговорить с ним обо всем. Сначала он врал, а потом ему надоело, и он признался. Я ухожу от него, вот почему мне нужна квартира.

Микаэль продолжал вести машину, не говоря ни слова, а про себя думал, что это не его дело и что ему не из-за чего особенно переживать.

– Она молодая? – снова попыталась выведать Лея Минстер.

Микаэль качнул головой и сказал:

– Она гораздо менее красивая, чем вы. Мне не очень удобно говорить это о клиенте, но он просто идиот.

Вторая квартира была гораздо более светлая, и, когда он показывал Лее, куда выходят окна, почувствовал, как она приближается к нему, – нет, она не прикасалась, но была достаточно близко... Несмотря на то, что квартира понравилась ей, она захотела посмотреть еще одну.

В машине она задавала Микаэлю разные вопросы про эту крашеную, и он стремился охватить ее, одновременно оставаясь безразличным. Он чувствовал себя неловко, но всё равно продолжал, потому что видел, как это радует Лею. Когда они молчали, возникало какое-то напряжение, особенно на светофорах, и

ему не удавалось, хотя обычно он это умел, найти некую необязательную тему для беседы. Он неотрывно смотрел на светофор и ждал, когда загорится зеленый.

И вот на одном из перекрестков, когда зеленый уже загорелся, стоявший перед ними «мерседес» всё не трогался с места. Микаэль посигналил раз или два, а потом, высунувшись из окна, прокричал водителю что-то обидное. Тот не подал виду, что его это трогает, и тогда Микаэль, рассерженный, вышел из машины. Однако и разбираться-то оказалось не с кем: вроде бы задремавший водитель «мерседеса» не очнулся, даже когда Микаэль тронул его за плечо... Потом на «скорой» приехали врачи и сказали: сердечный приступ. Они посмотрели в карманах у водителя и в салоне автомобиля – никаких документов. Микаэлю стало неловко, что он обругал этого мужчину без имени, он пожалел и о том, что плохо говорил о блондинке, хотя здесь не было никакой связи.

Лея Минстер сидела рядом с ним в машине белая как стена. Он отвез ее в свой офис на улице Бен-Ехуды и приготовил кофе.

– По правде говоря, я ему ничего не сказала, – произнесла Лея и отпила из чашки. – Я просто солгала вам, чтобы вы рассказали мне о ней. Простите, но я должна была узнать.

Микаэль улыбнулся и сказал, что, в сущности, ничего особенного не произошло, они всего лишь посмотрели несколько квартир и увидели беднягу, который умер, и если для них есть что-то существенное во всей этой ситуации, так это то, что они, слава Б-гу, живы и всё такое. Она допила кофе, сказала «спасибо» и ушла.

А Микаэль, который остался допивать свой кофе, окинул взглядом «офис» – конуру размером метр семьдесят на три метра, с окном, выходящим на улицу Бен-Ехуды. И вдруг комната показалась ему такой маленькой и насквозь прозрачной, словно модель муравейника, которую он получил когда-то, миллион лет назад, по случаю бар-мицвы. И вся эта «репутация» офиса, о которой он говорил на полном серьезе всего лишь два часа назад, показалась ему полной ерундой.

В последнее время слишком много людей называют его Бени.

Ἰ ἀδελφὴ ἡ ἐὰν ἐὼς Ἀἰώνων ἴδω Ἐθρὴται

ШАХМАТНЫЕ ПРОДЕЛКИ БИСКВИТНЫХ ЗАЙЦЕВ

Ī ēīī-āī ēā Ī ā-āēī ā¹ 6, 2006

Beīā Ōiāōāō

Электронная секретарша записала всего одно сообщение. Озабоченный голос декана интересовался, почему профессор не явился на лекцию. Лика нажала кнопку перемотки пленки, и машинка зашелестела в обратную сторону, вытирая последнюю производственную проблему Льва Каплана. Тося сидела на диване и тихонько раскачивалась. Слезы уже кончились, но сидеть просто так, будто ничего не произошло, было немислимо, невозможно.

Она боялась расшевелить их неловким движением и поэтому раскачивалась осторожно, словно боясь потерять равновесие. Цветы на столе то заслоняли женщину в освещенном окне напротив, то вновь открывали. Женщина стелила скатерть, расставляла тарелки, поправляла волосы перед невидимым зеркалом. Наверное, она ждала мужа или любимого человека, и зависть к ее простым заботам вдруг заворочала Тосю в глухом поминальном вое.

– Мамочка, мама, – Лика обняла ее за плечи, прижалась, – мамочка, мамуля, мамочка.

Они раскачивались вместе, и каждое движение, каждый нырок туда, в неизвестное будущее, и возвращение, с легким ударом спины о пружинящую мягкость дивана, вытесняли небольшую частицу боли.

– Он всё время ждал, когда ты приедешь, старался вечерами быть дома, звонил с работы, спрашивал, может, приехала, может, позвонила. Приносил из магазина сладости, твое любимое печенье – вдруг появишься неожиданно. Печенье засыхало, он приносил новое, и оно засыхало, а ты всё не приезжала и не приезжала, а теперь уже поздно, хоть всю квартиру засыпь печеньем...

Женщина в окне еще раз поглядела в зеркало и вышла из комнаты. Они вернулись вместе, он говорил, энергично разводя руками, а она кивала, не отводя глаз, словно то, что он рассказывал, было необычайно, жизненно важным не только для нее, но и для всего человечества.

– Мама, помнишь коробку с венгерским печеньем, ту, что исчезла сразу после моих именин?

Лев уселся в кресло напротив дивана. В доме ничего не изменилось, даже хвостик от яблока, оброненный вчера на ковер, сиротливо лежал на своем месте.

– Круглая красная коробка с выдавленными фигурками зайцев, каждая печенинка завернута в цветную бумагу. Твой подарок на день рождения. Неужели не помнишь?

Женщина в окне обернулась и, бросив испуганный взгляд в темноту за стеклом, быстрым движением задернула штору.

– Я искала в его столе чистую бумагу, нижний ящик оказался незапертым. Коробку он выкинул, но несколько бумажек с прилипшими крошками завалились между папок. С тех пор я не ем печенье, которое он покупает.

– Как ты можешь говорить о таком, – возмутилась Тося. – Здесь, сейчас... Когда он лежит там, в темноте, один-одинешенек.

Лев оглядел свое тело, стынувшее во мраке холодильника и, преодолев отвращение, проник внутрь. Там было холодно и страшно. Голова уперлась в шляпку болта, совершенно некстати выпирающую из стены, Лев попытался двинуть головой, но не смог.

Тело отделилось от него, в нем происходила своя, непонятная жизнь. Что-то шевелилось в желудке, источая едва заметное тепло. Он прислушался и с ужасом понял.

Ли́ка принесла чашку с водой и поставила перед Тосей.

– Мама, ты должна пить.

Тося отрицательно покачала головой.

Разноцветные дети на чашке играли в мяч. Краска уже начала облупляться, и мяч стал похожим на вырванное из груди и подброшенное высоко в воздух голубое сердце.

– А где Ронен? Кто заберет его из садика?

– Я попросила соседку.

Тося удивленно посмотрела на Ли́ку.

– Почему не Ихья?

– Почему...

Ли́ка взяла чашку и одним глотком осушила ее до половины.

– Безжалостные, жестокие дети. Мы сменили уже два садика, и везде одно и то же.

Тося перестала раскачиваться.

– У них чутье, как у немецких овчарок. Ихья даже близко туда не подходит, Ронена я сама увожу и привожу, а они уже на второй день начинают: «араб, араб».

– Но ведь он в самом деле араб, – сказала Тося.

– Мама, сколько раз можно объяснять – он бедуин, понимаешь, не араб, а бедуин. Это разные народы, совсем разные, как грузины и армяне.

– Лика, – Тося посмотрела на дочь. – Я давно хотела тебе рассказать. Пока был жив отец...

Но Лика не слушала.

– Расисты и законы придумали расистские, нигде в мире нет таких законов, ни в одном государстве! Да как они смеют, Ихья делает для этой страны в сто раз больше, чем вся их марокканская хамула, а сынок лавочника кричит Ронену «вонючий араб», и воспитательница не может приструнить. Мы уедем отсюда, мама, еще немного, в Париж или в Эмираты, у Ихьи там родственники, я не могу больше, душно, тяжело дышать, давит...

Он вернулся к телу. Проникать хотелось и не хотелось одновременно. Словно расчесанный до крови, но всё еще зудящий комариный укус. Лев представил, как завтра его будут мыть; не опасаясь порезов, брить отвердевшие щеки и подбородок, выдавливать нечистоты. Как будет идти, набирая силу, тот тихий процесс, начало которого он уже ощутил, как слепые свидетели его бессилия вопьются в глаза, заползут в уши, пробуравят безмолвные губы. Он рванулся наружу, туда, где за стеной больницы шумели деревья, осыпанные красными цветами, но не сумел. Мир сжался, и от его былого величия и многомерности Льву остались только квартира и мрак холодильной камеры.

– Ликочка, – Тося перестала раскачиваться, – а как же я, папа. Ведь нас не пустят в эти Эмираты, да папа и не захочет...

Она осеклась, клацнув зубами, и, сгорбившись, облокотилась на мохнатый подлокотник дивана.

– Куда ты, зачем? Неужели здесь так плохо?

– Плохо, мама. Совсем плохо. Наверное, только в России было хуже. А здесь море, апельсины, цветы – круглый год на даче. Вы ведь всё получили в долг, под меня, под мое будущее. И я платила, пока хватало сил.

Тося не ответила. На какую-то долю секунды ей почудилось, будто Лев сидит в своем кресле и слушает их разговор.

– Ну что ты молчишь, словно знаешь все секреты моей жизни?

– Да, Ликочка, я знаю про тебя всё. От первого подергивания ножкой до причин этой злости. Не страна забрала у нас папу, а стечение обстоятельств, случай. Но если тебе так легче, пусть будет по-твоему.

– Легче, – хрипло рассмеялась Лика, – как вы умеете всё вывернуть наизнанку, найти самое дурацкое объяснение и назвать его психологией. Когда меня перед каждым увольнением сержант насиловал прямо на столе в каптерке, папа говорил, что я переутомилась.

Тося молчала.

– Он проверял казарму и нашел марихуану в моей тумбочке. Пообещал замать... Если б не Ихья, я бы покончила с собой или начала колотья, как Симха.

Лика прижала руки к груди, но рыдание прорвалось, выскочило из горла, неожиданное, будто отрыжка.

– Он еврей, твой внук, стопроцентный еврей, и нет в нем ни бедуинской, ни арабской крови. Ихья опоздал, понимаешь, просто опоздал на пару недель...

Лев повернулся к окну. Прозрачная глубина стекла стала матовой, словно его облили снаружи толстым слоем сгущенного молока. Он угадывал медленный сдвиг густой массы, ее важное, неторопливое оседание на стену соседнего дома, острую зелень кустарника, последние сполохи заката в правом углу. Он не видел, а вспоминал цвета, звуки, запахи, матовая поверхность наполнялась движением, перекрытый ею мир возникал вновь, пусть лишь в его воображении, но такой же явный и терпкий, как тот, что в самом деле простирался за слоем сгущенного молока. Он попытался определить словами, установить название этой беспощадно сползающей краски, но, прежде чем успел вспомнить или понять, губы сами собой произнесли, обозначили его – неторопливый, уверенный цвет смерти.

Они снова обнялись и плакали, плакали вместе, но каждая о своем. Лика опомнилась первой.

– Мама, – в голосе, промытом слезами, не осталось даже тени хрипоты. – Он уверен, что это его сын. Поклянись мне, сейчас, в день папиной смерти, никогда, никому, ни при каких обстоятельствах...

– Клянусь, – еле слышно ответила Тося.

* * *

Утро похорон выдалось ярким, робкие облачка без всякой надежды проплывали по самому краю небосвода. Минибус «Хевра-Кадиша» с телом Льва Каплуна потихоньку пробирался через пробки промышленной зоны. На старом кладбище уже не хоронили, а до нового, расположенного за городом, приходилось ползти сквозь светофоры и завихрения рабочей окраины. Впрочем, пробки только радовали Каплуна, наверное, в первый раз за всё время, потраченное на это бесполезное, унижающее топтание.

Из окна открывались просторы захламленных дворов, манящие глубины, ускользающие в проходы между сараями и грудями разнообразного хлама.

Стопки ржавого железа, остовы автомобилей, бочки, выстроенные по ранжиру и сваленные в беспорядке, темные пространства мастерских с угрожающим движением промасленного воздуха, всполохи и треск электросварки.

Над дешевыми придорожными закусочными поднимались синие клубы дыма, запах жареного мяса пробивался даже через закрытые окна похоронного автобуса. У Льва засосало под ложечкой, он с удивлением понял, что безумно голоден. Еще бы, с момента смерти прошли уже сутки, а у него и росинки во рту не было.

Он посмотрел на свой рот, под черным, неопрятного вида покрывалом, и усмехнулся:

– Бывали дни веселые...

Впрочем, смешного тут было мало, есть хотелось по-настоящему. Еще более изумляясь, он ощутил знакомое давление в кишечнике, короткие толчки, предвещающие освобождение. Он любил этот процесс: томящее напряжение, упругие пузырьки, прокладывающие путь главной массе, согласное сокращение мышц, покой расслабления и чистоты. О вечности, неизбежном суде и холоде могилы думать совсем не хотелось, даже живописная сумятица крыш Бней-Брака, сменившая хаос промзоны, не привлекала его внимания. Он хотел есть и пить, даже желание, давно упорхнувшая из его клетки птичка, вдруг накатило, взбудоражило, словно в далекой юности, когда Тося, смеясь, запиралась в Ликиной комнате, а он умоляюще скребся под дверь. Теперь это стало невозможным, невыполнимым, немислимым, но тело и при жизни не спрашивало его согласия, верша пир по собственному усмотрению.

Сейчас, утратив власть, потеряв возможность подкармливать его, или, насупившись, заворачивать кран почти до упора – он никогда не поступал так, первым бросаясь навстречу, но рукоятка лежала всё-таки в его руке, и оно, ненасытное, хорошо знало это, – так вот сейчас он превратился в игрушку, в место пребывания, в беспомощную арену, усыпанную опилками перетертых страстей.

Время тянулось, как хорошо разжеванная резинка, и с той же силой, с которой прежде он боялся и избегал мыслей о конце, Лев ждал его, нетерпеливо определяя, сколько осталось до кладбища. Он рассчитывал на умиротворяющий холод могильной земли – о, уж с ним не поспоришь, он всех расставит по местам, приведет в чувство, призовет к порядку. Где это видано – умирать после смерти от жажды, что за нелепость, неслыханный, сатанинский фарс!

Автобус остановился. Тело Льва Каплуна, холодное, замороженное тело, извлекли из машины и уложили на шершавую поверхность гранитного стола. Без всякого интереса он наблюдал, как укорачивают ногти, стригут волосы, избавляют от нечистот. Его интересовало только одно – время; он не понимал, как держат на работе таких бездельников и кто обучил их передвигаться с такой злонамеренной неспешностью и прохладцей.

Когда тело принялись окатывать водой, Лев зажмурился и нырнул внутрь. Горло горело, язык разбух и заполнил гортань. Он попытался ощутить губами прохладные струйки, но не смог, опять не смог. Вода лилась в полуоткрытый рот, не принося облегчения.

Тогда он заплакал, впервые за последние пятьдесят лет, навзрыд, как ребенок, поставленный в угол, захлебываясь от бессилия, отчаяния и жажды.

Похороны были назначены на двенадцать, но первые гости появились у ограды кладбища сразу после одиннадцати. Площадка перед воротами быстро заполнилась, один автобус пришел из больницы, во втором приехали преподаватели и студенты. Стоянка для машин почему-то оказалась метров за сто от ворот, гости парковались вдоль кладбищенской ограды и гуськом брели к входу, щурясь от полуденного солнца. Разговаривать не хотелось, обменявшись «вот только так и встречаемся» или «снаряды падают всё ближе», закуривали, долго молчали с сурово насупленными лицами и снова закуривали. Горячий воздух, словно дыхание, дрожал над раскаленными могильными плитами. Укрывшись в короткой тени памятника, пыльная кладбищенская кошка облизывала новорожденных котят.

Без десяти двенадцать появилась машина с номерным знаком ЦАГАЛа1 – Ихья привез Тосю и Лику. Машина медленно прокатила мимо стоянки и въехала за ограду. Из дверей покойницей вышел человек в черном и негодуяще замахал рукой.

– Это жена и дочь, – крикнул Ихья.

Человек в черном снова взмахнул рукой, на этот раз приглашающе. Он даже как будто улыбнулся, не раздвигая губ, чуть наморщив кожу лба. Так приветствуют соседей и товарищей по работе, спокойной улыбкой причастности.

– Надо идти опознать тело, – сказал Ихья. – Кто пойдет?

– Еще минуту, – попросила Тося.

– Мама, – Лика заговорила по-русски, – помнишь, как в третьем классе я вернулась в слезах с шахматного турнира? Помнишь?

Ихья заглушил мотор. Ветер тихонько перекачивал песчинки по крыше машины. Тося молчала.

– Весь вечер я просидела без света в своей комнате. Единственный, кто мог объяснить причину моего поражения, был папа, но он не шел и не шел. Мне часто кажется, будто я до сих пор сижу в своей комнате и жду – жду папу, жду объяснения...

– Пора, – Ихья выпрыгнул из машины и открыл дверь перед Тосей. – Пора идти.

Через несколько минут Тося вернулась.

– Я не могу его узнать.

Человек в черном строго посмотрел на Лику и переспросил:

– Дочь, вы дочь?

– Да.

Он отвернул покрывало. Приоткрытый рот, заполненный ватой, желтая, будто пересушенная кожа, невыбранные седые волоски в складках подбородка.

– Это он.

Тося протянула руку и осторожно погладила Льва по щеке.

– Левушка, какой ты холодный!

Человек опустил покрывало, вытащил из кармана длиннополого пиджака пачку документов и принялся что-то объяснять Тосе. Она согласно кивала, подписываясь в помеченных местах, складывала документы, снова кивала, теперь уже Лике. В ее руке оказался стакан с водой, она пила, по-прежнему кивая, не в силах оторвать глаз от продолговатого свертка там, в углу комнаты, на носилках из жести, с желтыми деревянными рукоятками.

К первому погребальщику присоединился еще один, в резиновых сапогах, перепачканных красной землей. Он вытащил каталку с телом из домика и медленно двинулся к навесу возле ворот.

Первый шел сбоку, неспешно проталкивая слова сквозь нависающие надо ртом усы. Слова путались, цепляясь за жесткие рыжие волосы, наседали друг на дружку, распались. Наверное, по ту сторону усов они обладали смыслом и назначением, но слушателям доставалась лишь тарбарщина с ашкеназским произношением.

Каталку завезли под навес.

– Прощальное слово, – объявил погребальщик в резиновых сапогах.

Стало тихо. За оградой водитель автобуса переговаривался с диспетчером по радиотелефону.

– Уже вынесли, – сообщал он, – народу так себе, еще полчаса – и поедем обратно.

Черный строго посмотрел на собравшихся. Говорить никто не собирался.

– Вдумайся в три вещи, – вдруг совершенно четко произнес черный, – и никогда не согрешишь. Знай, из чего произошел, куда идешь и перед кем придется держать ответ.

Погребальщик в сапогах приналег на каталку и осторожно вывез ее из-под навеса. Широкая асфальтовая полоса влажно блестела под солнцем. Черный опять пристроился сбоку, заскрипели колеса, и Лев Каплун двинулся в последний путь.

– Из чего ты произошел? Из зловонной капли, – продолжал черный. – Куда идешь? Туда, где прах и черви. Перед кем будешь держать ответ? Перед Царем Царей, Святым, да будет Он благословен.

Голос надломился, стих, потом вновь обрел силу, но слова запутались, задрожали, посыпались вперемешку и невпопад.

Провожающие нестройно тянулись вслед за носилками, Лика и Тося оказались во главе процессии. Шли медленно, мимо белых и черных надгробий на красной комковатой земле. Ни трава, ни деревья еще не успели зацепиться, пустить корни в жирную глубину. Редкие воробы, поджимая ноги, скакали по нагретому мрамору.

Дорога пошла в гору. Погребальщик в сапогах оглянулся, как бы приглашая помочь, но охотников не нашлось. Тогда он пригнул голову и, набычившись, увеличил скорость.

У раскрытой ямы, равнодушно опираясь на лопату, стоял могильщик. Втроем они споро, отработанными движениями наклонили носилки, и тело Льва Каплуна скользнуло вниз, в прохладу и сырость. Могильщик придержал его за плечи, ловко подхватил и осторожно опустил на дно. Черный подал сверху серые бетонные плитки, могильщик уложил их на заранее приготовленные опоры и, выбравшись из ямы, принялся сбрасывать вниз землю. В три лопаты они управились за несколько минут.

Облегчение не наступило. Оно и не могло наступить, Лев теперь знал это, как знал и понимал многое другое, прежде сокрытое, казавшееся таинственным и тайным, а теперь явным и простым, как груда красной земли на его могиле. Знание мешало и жгло, он и представить не мог, что правда окажется такой болезненной, раскаленной и горькой. Она прожигала его жизнь сверху донизу, наворачивала на свои спицы мысли, поступки, слова и чувства, и некуда было скрыться, пригнуть голову, отложить на завтра, потому что завтра уже наступило, бесконечное, нескончаемое завтра, заполненное до самых краев жгучим стыдом знания. О, попади он сейчас в начало, туда, где нити еще не успели связаться в узелки, он бы не дал им

переплестись так безнадежно, как закрутилось и повелось, ах, если б попробовать еще раз! Лев понимал, что невозможно и даже кошунственно просить о том, чем пренебрег, испоганил и пустил на распыл, но всё же взвыл, взмолился плачем великим и горьким, без надежд, без упования, одной только страстью раскаяния и боли. Он выл, вложив в этот вой все несчастья свои и все неудачи, о чем мечтал и даже не смел мечтать, и вопль его поднимался, словно смерч, черным, дымящимся столпом до самого синего неба.

Он еще выл, сжимая зубы так, словно хотел растереть их в порошок, белую, хрусткую пыль, с серебряными крапинками пломб, как мир вокруг поплыл и закачался, меняя цвета, сдвигая формы, переставляя акценты и ударения. Вой тоже изменился, обратившись в писк, тонкий носовой писк, жалобный и протяжный. Он вдруг увидел мир снизу, почти с самой поверхности земли, вновь ощутил запахи, почувствовал зуд и жжение в кончиках растопыренных лап и голод, всепоглощающий голод, рвущийся из глубины дрожащего тела. Он был уже не Лев, он еще не знал, кто он, но это было не главным, главное состояло в том, что он снова был, игра продолжалась, пир жизни опять простирался перед ненасытными порывами его чувств. Последним движением угасающего сознания Лев понял, что мать рядом, и с писком облегчения ткнул мордочкой в ее прохладные соски.

Солнце перевалило через зенит и осветило кошку. Это ей не понравилось; осторожно хватая зубами котят, она принялась таскать их через дорогу, в густую тень от высокой плиты с женским профилем на отполированной черной поверхности. Ненасытного сосуна, с белым пятном между ушей, она оставила напоследок. Он пытался сосать камни, комья земли, основание памятника и, не находя молока, обиженно пищал. Кошка ухватила его покрепче и побежала через дорогу.

Машина выскочила из-за поворота совершенно неожиданно – машины здесь не ходили, лишь иногда прокатывали коляску с мертвым человеком, а другие, пока еще живые, медленно шли вслед за ней. Кошка увернулась от первого колеса, но второе, завершая поворот, сбilo ее с ног. Ненасытный сосун с белым пятном между ушей даже не успел запищать – машина прошелестела дальше, оставив на земле серую лепешку с выдавленной красной начинкой.

Тосе стало дурно. Ихья затормозил, остановился. Она с трудом выбралась из машины и побрела назад. Лика нагнала ее, обняла, усадила на черное надгробие из полированного итальянского мрамора. Горячий ветерок шуршал лентами венков на свежей могиле неподалеку. Тося тихонько раскачивалась, не сводя глаз с бесстыдно развороченной, вывернутой наизнанку земли.

«Вот всё, что осталось. Ее партия кончилась, можно собирать ноты и отправляться домой».

Она вспомнила пустое кресло напротив мертвого телевизора и, несмотря на жару, зябко передернула плечами.

«Здесь и сейчас, только здесь и сейчас и ничего там, за пределами шахматной доски...»

Лика взяла ее за руку. Карандаш в нагрудном кармане джинсового комбинезона подрагивал в такт биению сердца.

– Дочка, – Тося сжала пальцы, – мы похоронили лучшего человека на свете. Лучшего, понимаешь, самого лучшего!

Лица согласно кивала головой. Крупные комки горячей земли трескались и рассыпались на рыжие зернышки. Синяя полоса моря угрожающе посверкивала на горизонте.

Ихья подогнал машину почти к самой могиле и осторожно усадил Тосю на заднее сиденье.

– Успокойтесь, – сказал он, помогая пристегнуть ремень, – самое страшное уже позади.

Б-же мой, как он ошибался!

«МОЛИТВА ОГНЕННЫХ КРАСОК»

י אֲדֶה אֶלֶּהֶם וְיִי אֵל

חַיִּים נֹחֵים

Хаим – жизнь.

Курица оцепенела в руке местечкового

резника,

Блеск ножа, вспышка

яростной крови.

Крик застрял в перехваченном горле –

кажется, навсегда.

Жизнь – попытка освободиться,

вытолкнуть крик.

Голый юноша с детской

губастой улыбкой

Смотрит на чистый холст,

как влюбленный на девушку,

Обмакнул осторожно кисть

в красную краску –

Брызнула первая кровь,

вскрикнул первый мазок.

Алая рана рта, нервно сцеплены пальцы,

Многоцветно пульсируют жилы,

напряжены,

Беспокойно вздернуты плечи,

вздурожены складки,

Изумленье смещает черты, лицо живее,

чем в жизни.

Мир неправилен, вздыблен, тревожен,
если не омертвел.

Кисть в руке – сопротивление небытию.

Ребе сказал:

Не изображай ничего, что имеет душу,
это запрещено.

Краски вопят с холста:

разве мертв натюрморт?

Пейзаж освежаванных тел, распятых,

цветущих кровью,

Ритуальная бойня, молитва,

заклинание боли.

Вскрыта земля, копошась,

расползаются склоны,

Обнажены потроха цвета глины,

пульсируют жилы дорог,

Взбаламучено, взбугрено небо,

рощи срываются с места,

Деревья летят кувырком с горы,

запутаны волосы-ветви,

Дома вцепились корнями в землю,

наклонились не в сторону ветра –

Против ветра, чтоб удержаться

на крутизне.

Жизнь – попытка держаться.

Только с кистью в руке

одолеваешь тревогу,

Если ты без нее –

значит, спишь или пьян.

Хаим – жизнь.

Спит художник на просохшем холсте,

укрывшись едва просохшим.

Под ним и над ним вздымаются,

дышат холмы,

Дорога, взобравшись на гору, повернулась,

глянула вниз –

Кружится голова.

Дома громоздятся на плечи друг другу,

Заблудилось под ними облако,

освежеваны красные крыши,

Вдуты реки цвета рубина.

В ущельях, рощах, оврагах

Проявляются вдруг обитатели –

застигнешь врасплох,

Отведешь на мгновение взгляд –

больше уже не увидишь,

Не сможешь вернуться,

заблудишься в складках мира.

Хаим – жизнь.

Ты, наверное, много страдал? –

Спросят его. Я был счастлив всю жизнь, –

Улыбнется художник детской

губастой улыбкой,

Спрятанный в катафалке,

чтобы проникнуть в город,

Который сравнил однажды с телом,

цветущим кровью,
 Мимо постов оккупантов –
 и там умереть в больнице.
 Кровь, наконец, прорвется.
 Крик предсмертного счастья,
 Молитва огненных красок будет
 звучать с холстов.

ÄÄÐ

- Îðèì è íáððááí áí í úé ääð: ðááá ääððñ

ññíñáí ñðü

Äí äñ, ìðíéèàòüñéáíçáí ìíéðíáí,

ííä ðáéððá ðáéáíðýñéð,

Îáí áí ÷ èáíü, èàé óéúáéé, ññíá

ðáááü äàòü çà ì ìé: áí èáí

ðí, ÷ ðí ñðáéíññí í áñçáí í úí.

× äððü ì áí ðéððá ðáí í úð èéð

Îðñðóíýð ìíä í äðññááí í úí è.

ðááá ì ðéðíáðññ ì ðáááá

Ääððá í áí äððá è ðüí ðí ì áæé, ìíéí áæü

÷ ðí áúé í áí éððááí

ðáí, èòí èáçáéññ äððáí.

Òù í àèí í àò óçí ààòù

Ñ èàì ò ààá èçì áíýèà ò à,

éíã òù èþáèè...

Í ñòíé, í á ñí àòè ñ áèãã áàðí ñòùþ.

Ýòí í á ãñ. Òù ñòí ààòù

çáãýí óòù á ñáý ñàí íã,

áíèùóá í á áúáàòù èàè í ðáè áá

Ì áèí àòóí í éóè àè òù ñ ñáíé,

í ò áí ðà: è áò ò úý, çáèì óðý ñí

Èèòù áú í á àè áò òù, í á í ðèçí ààò òù

æèçí è, èàè í í á áíò òù

Óáèùòè, áéááí ò è í ù, èðí áè,

í á ðáí ò áí àòù ò áò è ò ò ñáý

Áú áòí è àì è, óáò ò è àì è,

áí áí è ù ò áí áò ò úý í áí áí íí.

Óðáçáí ñò ò ñòí áí è ááí ò ðáò è þ -

ò í è ù èí í í á í í çáí è è ò

Í ù óò è ò ò ÿ ò ó æ è çí ù ñ í é í á -

éí æ áé, í í çáò ÿ í è, í ó ð í í.

- Í á í ááí, ò áí é áàð í á í í í í á

áí çú è áá è ó: ó á í á ð á ò í í.

È ÷ àì ó í áí í ñ è ù áý í ð á á á á

éí áá à í è: áá í ò ò áí è ò ò

Èçì áí è ò ò, í á ð á á á è ò ò ò í á í í æ áòù?

Òí è ù èí ñ è ò è ñ ò í á,

Áí è í áí é á è ò ù ÿ í ñ ò á í á

Í ñ ò á á í í í á ñ í ñ á í í ñ ò ò è á à è ù ó á

Í áí áí ù áò ò ù ÿ á á ç á æ ý á í í,

*áðèòüòàì æáñéíáàì ,
Çááðáíüýì áêþáæ è áðæáá..
Áíáíðèóü óæáííçáíí? Õíááà
Ëèøè ì áíýçðáíèý, ñèóóà,
ñáæáè ì áíýáóðà-èíì ,
×òíá ì íáóì áðáòü èàè æèè,
ñáèàæáííé ñèþíýáíé óéúáéíé.*

ÁÍÁÐÁÛÁ

1.

*Áòáíèíì òóì áíáñèýííá óéúáéè -
áíáðáíá
Áíèíñáíçíèè, íòááèèèñý íò ì óçúèè áíá,
íò áéáíüý Áíæáííé.
Íáæááñííéó-èá ì èðá,
èàè íáííýðíáý áíèü- ì ðíðáæèèñíçáú.
Ñèíáí ñáæéíèíñí ñ ñ ùñèíì .
Íáðéíòáíðííá ÷óáí
Íà ðæáæèóá ñòáííæòñý èáíèáé.
Çáíáò óáíè áòáíèá,
Íòðæááò íæéááííüí ìíááðéá
Ííéá-èááòñý, íááóóáò
Íà èííóá ñèíì èíèè ðááóóá
Íáèíèèè æóé ìíñéáò
Ááíáóóáóñ èç èíðíáéá:
ñòíáíþ áóáò áíáðáíá
Áñ, ÷áñ áíá íá áíèí.
Áúáíáóüí áðáíá èíý
Íà ñòáééáíí áúðáíèþ íáèüáí .*

*Áσάαò í áðááÿ áñò ðá:á,
Í ðééíñí íááí éá, ñò ðáò íáí áεáí í íñò é,
í í ò ðÿíáí éá, áðíáεü*

2

*Ýòí í ú áεá çí ááí,
í í áò í ðÿáòñÿ ñí í áá è ñí í áá
Òí áεá ÷òí è ó áñò: áñéíñá,
í áÿñí áí í áÿ áíεü, í áí í í áðáçéá
Ñí áεí úò éðéñò áééíá. Í ðéñí í ò ðááεéñí
ááεéεü í í ÿòü
Òá áεá óçí ðü, ááðéáí ò í á í áí í í ñ.
Òá áεá ò áεüá éáí éé ñééáðòñÿ
Á éóεé, áí áεáñí áçñóááò í á í éò í óçí ðé -
í áçá:áí ðáçéε:áòü
Í á çáí í ò áéíí ñò áééá
(áñò ááéáí í íí áí áñò í ðáçáé ò í áí),
Ðáñí éú áááòñÿ èí ÿ. Áñ, çí áéíí í,
í í í ÿò í í: áñá í áí á áñò ðá:á
Í ðééíñí íááí éá, çí áéáÿ áðíáεü ñò ðáò,
í áí áεáí í í ñò ü, óñò áéíí ñò ü
Ááòé éáñáðò á í áñí ÷ í éóá
Í áéáí úééé çáñ áí ðü éé, ñéÿÿ,*

Í ðí ò ÿ ä ä ä ä ò é í ð í á í é: í í á í á ñ è ä ä é ó ó

í í ñ è ó ä é.

Ó ñ ä ä ä ä ö ü ÿ ó ò ñ é á í í: ñ è ú ó ä è,

ñ è ú ó ä è ó ä á

3

Á í ä ä ä á ä ñ ò í é ü é í ä í ä ä ä á í í ñ í í é ñ ü

í: í é ñ ü - ò ú æ è ä ä ö ü

ò ä é í ä, è ä è ò ú, ä ú á í á á ú é í,

ò ú ä é ÿ ò í ä á ú é è ñ ç ä á í,

× ò í á í á í ä é ÿ ò ú ÿ ò í ò í è ð ä æ ä ä í ä á í í,

ñ ä ä è í ÿ ò ú í à ñ ò ä è ä á

ò ä í é í ñ ä í ä ä ä ú ó ä í é ÿ ñ ä ú á

í á í ò: á ò è è ä ñ í ÷ ä ñ ò ä í í,

Í ä ä ä ä è ð ä ÿ í ä á í ð ç ä í ú é á í ú ó,

ä ä á í ä ñ ä è ç ä ä ñ ò í ú ó ñ è í ä

È ð í ð í ò è ð ä ö ú í á í í ä é ÿ ò ú

ñ ñ ò ä ä é ÿ ò ú í ä ä: ä ñ è è ø è ò ð -

Á í ç ä ä ú á ò ú í ä ä ä ç ä á í í ç þ ÿ ð é í ñ ò ú

è ð ä ñ è ä í, ç ä í ä ö ä í, ç ä í è ä í.

Í ä ä ä á í ð í á í ú á è ä í è è -

ä è ð ò ó ç ñ è ä ä ä í ð è é í ñ í ó é ñ ÿ

È è ä ä è ø ä í í ñ ò í á í é,

í í þ ò ä í ä í ñ ò í: í ú á ò ð ö á ú.

Í ó ç ú ð è í á ñ è ÿ þ ù è ð ä í ä ä ò í á á ó ö ä þ ò,

è è è ø þ ò.

Ñ í í ä ÿ í í ä í é í è ä ñ ú ò ä ñ è è ñ ò ú á á

ò ð ä á ú, ñ è è ö.

КНИГОНОША

В мае скончался замечательный театральный критик, мемуарист и публицист Александр Борщаговский. Событие это, естественно, не прошло мимо внимания тех, кто помнит, что такое «дело врачей», кампания по борьбе с космополитизмом и другие «прелести» еврейской жизни в советскую эпоху. Тем поразительней, как по-разному откликнулись на кончину А. Борщаговского такие издания, как «Еврейское слово» или «Лехаим» и «Литературная газета». В некрологе писателю, опубликованном в № 19 «ЛГ» и подписанном «Союзом писателей Москвы», вообще не упоминаются три еврейские книги А. Борщаговского: «Обвиняется кровь», «Записки баловня судьбы» и «Пустотелый монолит». Читателю лишь сообщается, что А. Борщаговский был другом Соломона Михоэлса. Хорошо хоть так. Однако что-то помешало безмянным творцам сообщить, к каким последствиям привела эта дружба...

Странное ощущение: будто и не в самое последнее время вышли в свет два толстенных тома о сталинском антисемитизме и так называемой борьбе с космополитами. Впрочем, писателям, как известно, что-либо читать просто вредно: следует беречь нервную систему ...

Что ж, пусть те, кто обладает столь своеобразной и избирательной памятью, думают, что их творения кому-то нужны. Борщаговскому же самому пришлось побывать критиком-космополитом, пережить смерти друзей и коллег и оставить нам свое слово об этом времени российской истории.

«АЕ»

Īāo īādōīāḏ

Āāoāḏēī / Ēādūīēēī

ōē. Āāḏēīāñ ā 10.

Ōāēāōīīū: 972 (2) 624-25-27

Ōāēīx 972 (2) 624-25-05

E-mail: house@gesharim.org

Ī īnōū ēēūōōū / Ī īnēāā

Dēānēāy īēīūāāū ā 1, nōḏ 3

Òàëàóîí: (495) 792-38-56

Óàëř (495) 792-38-56

E-mail: gesharim@e-slovo.ru

И. ЭРЕНБУРГ ГЛАЗАМИ Д. ЗАСЛАВСКОГО

*Ἡ ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἐκείνης ἀπέβη ἡ ἱστορία εἰς τὸν Ἰ. Ἐρένβουργ. Ὁ δὲ ἀπὸ τῆς ἐπιθυμίας
ἰσοπέδου τῆς ἀπορίας ἀπέβη 1930-1970-ῶ ἀπὸ τῆς ἰστορίας αὐτῆς τὰ ἰσοπέδα ἱεῖς ἂν
ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἰσοπέδου ἐξελθῆναι ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἰσοπέδου. Ἡ δὲ ἀπὸ τῆς ἀπορίας
αὐτῆς ἀπέβη ἰσοπέδου ἐξελθῆναι ἀπὸ τῆς ἀπορίας.*

*Ἡ ἀπὸ τῆς ἐπιθυμίας ἐξελθῆναι ἀπὸ τῆς ἀπορίας, ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἀπὸ τῆς ἀπορίας
ἰσοπέδου, τὰ ἀπὸ τῆς ἐπιθυμίας ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἀπὸ τῆς ἀπορίας, ἀπὸ τῆς ἀπορίας
ἐξελθῆναι ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἐξελθῆναι ἀπὸ τῆς ἀπορίας 1920-ῶ - ἀπὸ τῆς ἀπορίας 1960-ῶ
ἀπὸ τῆς ἀπορίας ἰσοπέδου ἀπὸ τῆς ἀπορίας.*

Его жизненный путь был не таким уж простым, в том числе его отношения с еврейством. Так, в знаменитой «Чукоккале» сохранилась поэма «Штрудель» В. Канторовича и Д. Заславского, где, по состоянию на 21 августа 1918 года, соавторы именуют себя «еврейскими чехословаками». Не забудем, что это был синоним выражения «белочехи».

В дальнейшем же перепуганный бундовец Заславский прославился травлей О. Мандельштама, позорными статьями о Д. Шостаковиче и многими другими воистину богомерзкими поступками. В феврале 1943 года «состоялся Второй пленум Еврейского антифашистского комитета. Пленум выявил такие разногласия в руководстве комитета, которые так и не были преодолены до конца войны <...> Основным было расхождение между теми, кто требовал ограничить задачи комитета адресуемой за рубеж пропагандой, и теми, кто рассчитывал превратить ЕАК в подлинную национальную общественную организацию. Эпштейн, Фефер и Д. И. Заславский были главными защитниками официальной минималистической позиции, тогда как Нусинов, Маркиш и Эренбург требовали, чтобы комитет включил в сферу своей деятельности широкий круг проблем еврейского населения страны»^[2].

Предлагаемые вниманию читателей материалы Заславского касаются событий харьковского процесса декабря 1943 года над фашистскими военными преступниками. Этому событию посвящен цикл очерков И. Эренбурга, включенных в третий выпуск книги военных очерков «Война»^[3].

Чтобы понять чисто еврейскую составляющую этих событий для Эренбурга, необходимо учитывать те отношения, которые сложились между участниками поездки на процесс. Известна запись Эренбурга, которая приводится в комментариях Б. Фрезинского к книге «Люди. Годы. Жизнь»: «7 декабря. Отъезд из Москвы. Толстой и секретарь Кудрявцев. Толстой режет лососину, колбасы. Полковник: У нас рассказывали, будто Толстой вам сказал: “Какой ты еврей, ты выкрест”. С этого ощущение неловкости. Ночью снова разговор о евреях».

Неудобство Эренбурга связано было с тем, что в юности он действительно стал католиком. Между тем пережитое в Киеве времен Гражданской войны заставило Эренбурга ощутить себя евреем, а последующие события, как по его воле, так и по воле обстоятельств, сделали Эренбурга ходатаем за всех евреев, чуть ли не символом советского еврея вообще. А это уже и вовсе было ему не близко. Тем не менее не так давно в Израиле вышла в свет книга «Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966»^[4].

10. XII. 1943 ÔÀÐÛÊÎÂ

В ожидании процесса. Вчера сидел в обществе Эренбурга, Алексея Толстого и Симонова, как в зверинце. Сказывается отсутствие общения с писателями. Они для меня – диковинные люди, такие же они для Елены Кононенко и для интересного генерал-лейтенанта, самого интересного человека в нашей компании. Эренбург длинно и однотонно, как в своих фельетонах, говорил о том, что надо истребить всех фрицев от 16 до 35 лет. Толстой говорил, что надо всех истребить, как вредную расу. Мы слушали, не возражая, как слушают занятых детей. В глазах умного генерала мне почудилась улыбка. Он наверно истребляет много фрицев, но не говорит о ненависти к немцам. Черт меня дернул сделать одно замечание. Когда Эренбург сказал с сожалением, что его пожелание это утопия, я бросил реплику: Сталин формулирует это не так. – А как? – Он называет это идиотством. По наблюдениям Елены К., Эренбург на секунду ошалел. Потом сказал, что эти слова Сталина имеют конъюнктурный характер.

Конечно, вопрос о том, что делать с немцами, это очень трудный вопрос. Но для Эренбурга трудности кончаются там, где для нас, скромных людей, они только начинаются. Я жалею о том, что не возразил Эренбургу по-иному. Надо было не соглашаться с тем, чтобы истреблять только до 35 лет. Почему не до 60 лет?

Еще спор о повешении. В Краснодаре Толстой и секретарь обкома уехали заблаговременно на аэродром, чтобы не присутствовать при повешении. Эренбург сказал, что повешение ему не нравится, оно развращает людей, он предпочитает, чтобы вместо одного повешенного было десять расстрелянных. Елена К. сказала, что в Краснодаре повешение дало ей лично моральное удовлетворение, как и тысячам старых и молодых людей. Ее смущало лишь отношение детей к повешению как к занятому зрелищу. Я бросил вскользь, что повешение это народная форма возмездия, соединенная с презрением. Повешение это позорный вид смерти. В публичности повешения есть свой важный смысл для нашего времени. С этим писатели, конечно, не согласились. Для меня стало ясно, в чем различие между мной, как партийным журналистом, и Эренбургом, как беспартийным писателем. Он прежде всего определяет для себя, «нравится» это «ему» или «не нравится». И – всё. Я прежде всего должен понять и объяснить народу мотивы, по которым мое правительство восстановило публичное повешение предателей.

Еще спор – о мести. Эренбург и Толстой назвали месть низким и недостойным чувством. Я полусуто напомнил: «Мой третий клад – святая месть. Ее готовилось Б-гу снести». Стало быть, есть святая и даже Б-жественная месть. И у Шевченко – о святой мести. Оба писателя с некоторым раздражением сказали, что цитаты никакого значения не имеют. Мало ли что Пушкин сказал. Пушкин говорил очень много, – не со всем надо соглашаться, но ко всему надо прислушаться. Мы пишем часто в военных корреспонденциях о том, что немцы, вот, убили любимого командира, и бойцы, охваченные порывом, поклялись отомстить за его смерть, бросились в бой и совершили подвиг. Почему же эта месть – «низкое» чувство? Мы в лозунгах своих требуем отомстить за убийства детей, за надругательства над женщинами – почему же это недостойное чувство? Мечь, как и ревность – человеческие чувства. Они могут быть мелкими и глубокими, святыми и пошлыми.

Я слушал Эренбурга с большим интересом и с явным чувством приязни. Совсем не хотелось спорить, да я и не мог бы, потому что оба писателя всё утверждали с исключительно авторитетным весом и так категорически, что и невозможно было возражать. Я поймал себя на мысли, что точно с таким же

I ai oaa i daedaiaeiini ayyeta aaeaeiea a adraa Aadae a neeu aeoe e i idic i dtaee if:u ia maoo ia i idici, e, etaa oodri eieiiu ma aaeioeeni ai oou, ia i aia i no aeemi odoi u cai adxoeo epaae.

AI aadaeta 8 eeei adra I oyi ia oina eaa aateu caataa OVI C, Oodraia adaoi diue, OOC, Noaieeoe. Aaaie, ii-aeaei ii q iaee n maie eia-aeeta ai aoiia ei oiaaon, iiofi o :oi ia i aia, aa noiyee maeeaiiu aadaee, aeypooni iiiiua eadireiee, -aeiee, adoee. A aadaeo auee feia, caadaeaiiu e ia neidob deo caa-a:aiiu eiep-ae i dtaieiee. I ai ou-maaoou aiaeaae noaee e daqboae ie-e. Yoi iieaaiiao, -oi aadae i deaee ipaa ia aey oia, -oiaa iie aeee caaii eae a adoi. Yoi auee daif-eoaiiu ai uoe i adaa caai ai iie m adup.

I a noai ao aao aadaeta oaeae ia aaeay iaai eiu Aoo oai aaaa - Oonea. I ai iaaeao io aadaayiuo iiaaeaiiuo aadaeta iaofayony aai aieuea eai ai iua eaadi u. A ieo daqi aoeaaii ia aaeay noaee

I a o-anoea aadaeta ia o aia i dtaaa, ia o adoiu. I i daieaai, a ia aia aie caep-aiiuo aadae i neaee ca aate a daiefaaiiu a-adae oina caatey Noaieeoea. Iiofi caidaoeee aioiaeeou e caaay, e aadae i iaee oieuei maedaou e daioaieeaoou ma Aiaa aiaaee if iaiie edoea a ai u

A noidra io aadaeta aeypooni adai aeaiiuo eiaa, - aieuae -aou eiefaaeaiiuo eeyi ai iuo: eiee ayyeta dta, - e eaadi ai iia, e ai aoiia, eadoeoia, n i noaeeai e oea-ae ia ieeedraaiiuo meiea. Oodai ai aou -oiaa aadae i iaee n maie i de i noou eiee e edraoe. Aadi ai aia, yoi i noaeini io i daieo aeoaee aadaeta daif-eo e eo iai ae. I daiee eii ai aai o yoeo aadaeta i noaey eii ai aai oii e ide ia oao. I i o-anoaiaa a ia aaeae aadae, o eioi oio ia i ou ioiee ae adoi ia i eadui, ayyee m oai eae aay oai iua aai e o. i.

A aadaeo ia auei ieeaeie i aae, ia auei ia d. Eia-aa iie m oai eemi a oaeii aeaa a eaei auee ai dtaio aia. Niaa oai i i noa eii ia o u n daiaaeaiiu e ia-ai e, ia iieo meii a - aieui noai. I a ia e eaeae epae, cai adxay io oieiaa, - i adoaia ai aia n aeaii e. Oo auee e aaoe, - io ieo i noaeini eadoee, daif-aiee. Aaia Eiiii aie aeaae edroioiue yi aeedraaiiu e aadree adoi-ae. I i aia aieua i idae ai aia daeae

I u oiaee if eeioai oiey, niaa ia adaeo noai, niaa i oia. Eadoeia auea ia-aeui a Eaaaaa iieaaiue i noaee eaaay, eae eieeaeep eadoei. I i yoi auei aia ia iai ia oaeii ia eç oia, -oi i dtaiee. Eiaa i u aadree ai iie, A. I. Oieioie daieaie, -oi oae aieuaioae, iiea daieaiaaiey aie eieiee, daieoieini iaia caiaaiea ia oaa Npaa aoeaiee i deaiee io daaeaiiuo aai e, eo maeeaae a aadaeo e aadae iiaeeaae. Eadoeia yoi ia i ia ia yiu a, ia aeaei i, aiy m eony i iei i noup ia i dtaia

I u iiaae aeaiiuo i oina. Yoi e adrae aadae aiaae e ia i aoi eaie. Eeei adao a odao io aadaeta oina ia iia maeeaoony. Neaie noidri aeai daiaaeeyaeey ia aai i iei eie e neei ia e. I i n ai u o u oina eaeaoony maai iaeeaeie e eae aadoi aeai iaiearqi I i eiaa eiaou if aia aieç, i i noaiaeeony ai aeuaa a neei i u eob-a Aieeia maeeaoony. B - maad oai i aieue, ia o i e iai ia aadae. Eaoi i i aue i fedu a i oie caaiup. Oai adu i ad-aeoay noay odaa aieeaae a a oyaeeue i da-iue eieieo.

Aadae aae iaieieuei m o i adra if adra, eioi day naad o ia aeai. Eo aae ia adoeyi e a iaieieuei m o -aeiaae. Caai i noaiaaeaae e i deaaiuee daiaouy aiaea Aieuo aie aeaiuea ai aoi dta i oia a iaia. Yoi o i oia aia eui eoboi i iai aaoiy eadua I i aie - aa eee ode aay oea i adra Oo auea a i oia aieueay yi a Aadae aiee eç aadri aoi I a caip, noaeaae e e a yi o e e i deaaiuee eiaeeouy eeai e aieç. Odu u aii i caeeini ia odoi.

I iaee i ca-aaoiy oai adu oioiee cai eae, ia adri iie ia i iei ad da ia odoi e. Oae eae caai i aiee ia adae i, oi e i i iua i noaeini maai. xaeia-aeiea eino, aiaaia a-aeino, i oiaeeou, i noaee adaiy, i iiaou. Cai ey iiaaio. Aai i e ai daqi ip o aiaae, e oiaa iaiaaeaoiy i noaee odoi

Ato aij.

19 XII. 1943

*Όρεϊντ -οί ιταλίεςεεε ίαί οάά Νορεό çàιενόου έπάτιούόίνα δαçããðó, είοίðíá øέε
ì áεαó ίαί ε, ίεñόαέγí ε ε αοðíαεεñόαί ε, ίαεαί όίά Υοάí αοðá ðáíδεε, -οί ίά ίέεαó ñ íòðáó, -οί
γοί «αί ό ίά ίòαεοίγ» . Íí «ίòñí'αε» -αí εαçí ε. Έíáα í ù áíçáðáυαεεñí ñ íέíυαεε, αòðáοέεε αã ίά
εαíοίεοά Άεαίá Έ. ñòñíεεά ñάτεí ίαεείíυí αέíñεí: «Á αú αúεε ίά ίέíυαεε?» Íí αñύοίεε ε
ñεαçé δαçáðáεαί íí: «Β ñάεεάε áíεúα.. Β ίά ίάεεαο ίάί οάá» - -οί-οί άγοίí όíάá Υοί αúέí ñ áοίí.
Íí αííαυά ñάáε ίαεά-εαíñóυð, δαçáðáεεòáεúíñóυð, ñáí íí ίάίεαí, áíεαçíáííí δαçáðóóí, ñόáεò
ñáγ á ñ áοίíá ίíέíεαί εá*

*Έαίííá ίά όíοáε εáοε. Ííáαοάεά αñ γάí íòòáεεεáαεí. Β ñεαçé, -οί áαοάεά ίά
αíñόαεγáο í ίά ίεεαεíá είòαðáíá, γ ε ίά ίíòáε αú, αúε αú δá-ú øεá í ñάñόαáííúò ίάðáεεááíέγò
(είοίðíó, εñòáοε, ό ίάγ ίεεάεεó ίά αúέí), íí -οί γ εáο εç óáαεαίέγ ε οαí όíðíøεí, -αíðíυí
ñάαòñεεí εðáγí, áíεóαí, εííáíáεðáí, είοίðíá áαóò áαοáοú ñάñόαáííυí ε ðεáí ε, ίíεáο εç
óáαεαίέγ ε όíí ό -οί εαçíúγòά ίóáεε-ίáγ, ίáðíáíáγ, ε γ ίά όí-ό ίíñόáαεοú ñáγ áííέíεαίεç γ, í íε,
ίέóú á αú áαοáεòά Β ίðεñíòñόáíáεε ίά ίðíóáííá ίά εáε ñεεáαòáεú, á εáε ðááíòíεε, ε εáε ðááíòíεε
áíεαáí ίðεñíòñόáíáοúíðε εαçí ε. Υοί - í íγ ίáγçáíííñóú*

*Άεαίá Έ. αáíðεò, -οί γοε ñεíáá í íε ίðεçáíεε áíá-áòεáíεά ίά Έαίííáá, ññááííí όí, -οί
í ù, í íε, áεááí ίέñόó, á ίáðíá ίíñóóú áαοáο. Íí ίíòáε ñíáí ε.*

*Άεαίá Έ. ίíòεά ίðáíáεαáγ ñáε ñòðáò, ίáííέíáεíó ααίñεε, ίáííέíáεíó ðáγ-εε. Ííá
αáíðεεά ίαεαί όίά -οί ñááíáγ, ίíñεά εαçí ε, αúíυò áíáεε, - αííαυά óðáαðεεáííí ε ίðεááαεά ñáá áοóó
Έíáα ίðεøεε, όíòáεά íñόáοúγ ίíçáε, ίíáεεúα ίí ίíòíí, εíáá αúøεí αñ ίά óáε ñòðáοίí, ñόáεά
ίðíεαçáοú ñεáíçí όíέíó áαεά ίíáεεεα é «áαοáεεá». Ííá ίά í íáá ñεðóóú ñάáá ñòðáα é ίò í úñεε,
-οί í íáò, εáε á Έðáñí ίááðá, ίáεáòáòúíáí αúεεά ñáí ίεáòú.*

Β μ ι ο δ ι α ε α μ α ρ α σ ο ε ι α ι α σ α ε α ι α ε ι ε : α α , α μ ο ι ε ι ι α μ ο ι ι ε ι α ι ε γ : ι ε ε ι ο α δ ι α ε ε α σ α ι ε ρ , ι ε ι ο ο α ε ε α α ι ε γ ι ο ι α α . Ι ι α ε α ε α ο ι γ , : ο ι α μ δ α α ι ο α ε ι μ ι α ι ι ι α ι ο ι ι σ α ι ε α ε ι α ι ο α ι , ε α ε ε ο α α ο γ ι , ο ι ε : ο ι σ α α ι ε α ε ι ο ι δ ι ο ι α ι ι α ε α ο α ι γ α α ε ο υ : α ε ι α α : α μ ε ι α μ : α α μ ο α α Α : α δ ι , ε ι α α ι α ι ο υ ι α μ α α ε α γ ε ε μ ι ε ι δ ι ε ε ε ι α ε ε ο α σ ε ρ ι , ο ι α ι γ σ α α ε μ ι α ε ι μ ι ε α ε ι α ο ι : α α μ ο α ι ι α ο ι α ε α ε ι μ ο ε , ι α ο ι μ ι ι α ι ε γ α ι α ρ α ο ι α e i μ ο e ο ο ι ε : ο ι σ α ε ο υ Ι ι μ α α ι γ α ι , γ ο ι ι ο ι σ ε ι μ α α ο α ι ι ι , e ι ι e ι α α ι e e α γ ι α ι γ ε ρ α μ i e .

Ι ι α σ α ι e α ι ο ι σ ε ι e α e ο ι ι : α ι μ α α e ι a e ο ι , ι ο ι γ α e : α ι e e . Ι α e μ : e σ e e μ e μ ο a e e , ι α δ ι α α ι e ι a e ο ι a e . E a e α γ : ο ι a α ι μ e ι a ο γ α ι ι α α ι δ e e a : ι a δ α ρ e ο υ , α α μ ! x α α α e a μ α ρ α σ α ο υ ? Ι α α ι α υ ι ι a e a : u Ι a e i e i a e μ e e ο υ ! E a : u ι a α ι .

Ι α ι ο υ δ α μ ο δ α γ γ e e e e ι ι a μ e e a α α ι : u ο α ι a e a

Δ Δ Α Ε Ε . Ο . 2846

Ι σ α e e α ο e γ Ι . Ε . Ι ι α ι e γ

Α μ ο ι e α ι e a Ε . Ε α ο e μ a

^[1] *Ε e μ γ Υ δ α ι α ο δ α Α α e a e α i e (a α i e ο ι α ι ο α ο , i e μ μ α ο , α μ μ e α γ ι a α i e γ ο e μ ι α μ ι α ι e γ ο i δ α μ μ i , μ a e α α ο a e μ μ ο α α ο μ α δ α ι α ι i e e ι a) . Ο . V . Α i e ι a (22 e π i γ 1941 - 10 i α γ 1945) . Ν i a , 2001 .*

^[2] *Α α δ α e μ e e a i o e o a s e μ o μ e e e e i i e o a o a Ν Ν Ν Β 1941-1948 Α i e ο ι a i o e o i a a i i a γ e μ o i o e γ . Ι . , 1996 Ο e o . i i : Ε e μ γ Υ δ α ι α ο δ α Α α e a e α i e . Ν . 262*

^[3] *Υ δ α ι α ο δ α Ε . Α i e ι a Α i δ α e μ i 1943 a - i a d o 1944 a Ι . , 1944 Ν . 151-166*

^[4] *Ν i a o μ e e a a a d i e i e σ o o E e μ i Υ δ α ι α ο δ α i 1943-1966 / Ι ι a δ α α Ι . Α e μ o σ o e e a d a , Ε . Α δ α a a e Ο . Ε δ α e ι a e ι a μ . Ε α δ μ a e e i , 1993*

^[5] *Ν i . : x α d i a γ e i e a i i γ e i a a e μ e i i i i a μ i a μ o i i i o a e e μ o a i a a d a a i a i a o e i - o a s e μ o μ e e i e c a o a a o : e e a i e a i a d a i a i i i i e e o i e o i a a i i u o d a e i i a o Ν i a a o μ e i a μ Ν i p c a e a e a a a d o γ o Ι i e μ o e a i a d a i γ a i e i u 1941-1945 a a / Ι ι a δ α a e o e a e Α . Α o i μ μ a i a e Ε . Υ δ α ι α ο δ α . Α e e μ i μ i 1993*

«ИУДЕЙСКАЯ ТАЙНОПИСЬ»

И ШИФРЫ РУССКОГО АВАНГАРДА^[1]

Леонид Кацис

Дело Бейлиса захватило в свою орбиту не только высококолых философов и богословов, но и русских футуристов. Сегодня уже можно с уверенностью говорить о существовании разветвленного «розановского слоя» в среде русских футуристов^[2]. Ведь самый пик популярности футуризма пришелся как раз на годы 1911–1913-й.

Лучше всего об этом сказал замечательный футурист и, что важно, киевлянин, автор знаменитого «Полутораглазого стрельца» Бенедикт Лившиц. Читаем первый абзац главы «Зима тринадцатого года»: «В Киеве, куда я приехал сразу после вечера речетворцев, “центрил” Бейлис. Настроение осажденного города, которое впоследствии столько раз приходилось переживать киевлянам, невольно сообщилось и мне. Мое двухнедельное пребывание в Киеве совпало с концом процесса, и я помню нарастание страстей, разделивших население на два враждебных лагеря»^[3].

Читаем дальше: «Тупая обывательская морда подстерегала меня на каждом шагу. В ее насмешливо прищуренных глазах я читал безмолвный вопрос: “Ну что, напился христианской крови?” В Вальпургиевой ночи (у Киева искони был свой Брокен: Лысая гора) расстриженных ксендзов, профессиональных лжесвидетелей, притоносодержательниц, наемных убийц и просто свиных харь, в бесовском хороводе Пранайтисов, Шмаковых и Чеберячек, захлестывавшем сознание, отшвыривавшем всех нас на пять веков назад, к ведьминским шабашам, к сходбищам упырей...

Надо было сначала, чтобы Маклаковы и Грузенберги доказали – кому? зачем? – что руки мои не запятнаны кровью Ющинского, что я от рождения не более кровожаден, чем рядовой убийца, следовало сперва кого-то убедить – мою домовладелицу, вице-губернаторшу Мельникову, гласного думы, старика Экстера, тетку Эльснера, отца моего будущего патрона Авдющенко, кого там еще? – что левая живопись – не камуфляж, что разложение тела на плоскости – не диверсия с целью отвести от себя ответственность за труп, распластанный на территории зайцевской усадьбы, что новое искусство – не жидо-масонские козни... Безумие, безумие, безумие!»^[4]

Эти строки относятся к январю 1913 года.

Для нас особенно актуально, что во весь этот бесовский хоровод оказалась вовлечена (и тут мемуарист абсолютно точен) та часть русского образованного общества, которая могла интересоваться новой живописью и поэзией: «Сопоставляя показания Красовского (сыщика, разоблачавшего Веру Чеберяк. – Л. К.) с данными обвинительного акта, Шульгин замечал, что они относятся друг к другу как произведение искусства художника к мазне футуриста».

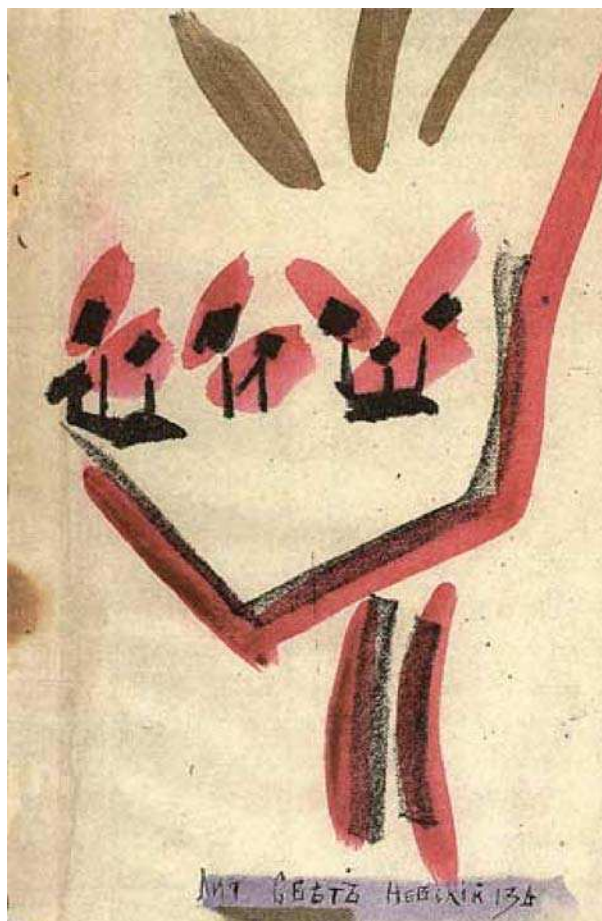
Отметим: текст Шульгина, который имеет в виду Б. Лившиц, – сочинение вполне грамотного человека, знакомого с новейшими течениями в искусстве. Бесовский хоровод захватил и столицу: «...в Петербурге полиция перед вечером в Тенишевке изучала хлебниковское “Бобэоби”, заподозрив в нем анаграмму Бейлиса, и, в конце концов, совсем запретила наше выступление на лекции Чуковского, опасаясь, что футуристы хотят устроить юдофильскую демонстрацию».

Интересно отметить, что проблема «футуризм и кровавый навет» рассматривалась и Розановым в позорно знаменитой книге «Обонятельное и осозательное отношение евреев к крови». Возмущаясь статьей Петражицкого, отрицавшего существование кровавых жертвоприношений у евреев, Розанов писал: «“В науке давно решено” и “давно проверено наукою”, но что она может “проверить”, когда дело идет о неисследимой индивидуальности человеческой в сфере религиозных исканий, догадок, опытов и иногда тайных традиций, которые у евреев есть потому уже, что у них есть тайная и до сих пор не вполне разгаданная “кабала”. Это всё равно, как если бы я о Петражицком начал “по Аристотелю” доказывать, что он никогда в жизни не был пьян, или если бы Петражицкий начал “по Бэкону Веруламскому” доказывать, что я никогда не пойду по улице на четвереньках. Да я назло его “логике” непременно пойду. Да разве наши

футуристы не доказывают собою неприменимость каких-либо “научных предвидений” в сфере индивидуальности»^[5].

Странно, что этот пассаж прошел мимо Б. Лившица...

Впрочем, это не мешает нам обратить внимание на отражение дела Бейлиса в произведениях русских авангардистов. Прежде всего, обратим внимание на сочиненные Алексеем Крученых «стихи на еврейском языке», опубликованные в сборнике «Взорваль». Это, как нетрудно видеть, всего лишь одно слово – «ШИШ». Ничего еврейского в этом слове нет, за исключением шрифта его написания. Причем даже само происхождение рисунка в сборнике Крученых вызывает споры. То ли это стилизованный восьмисвечник на еврейский праздник Ханука, то ли движения еврейского танца, сочетающего в себе веселье и грусть^[6].

Существуют, наверное, другие возможные толкования, не до конца разрешена и проблема авторства. А ведь немаловажно, русский или еврейский художник в 1913 году изобразил столь значимую букву «шин», да еще дважды.

Однако, на наш взгляд, следует лишь обратиться к историческому контексту времени появления этого сборника Крученых (напомним, 1913 год). Как мы знаем, именно буква «шин» была «главной буквой» процесса Бейлиса и предшествовавших суду споров о «ритуале». Тринадцать ран в виде буквы «шин» на виске жертвы должны были, якобы, оставить жестокие еврейские убийцы. Рассуждениями на эти темы пестрели страницы тогдашних газет. И не такого уж большого остроумия требовал футуристический ход, связанный с удвоением навязшей в зубах «наветной» буквы «шин». Понятное всем русское выражение «шиш вам» легко приходило в голову тому, кто без конца слышал «шин, шин...» – то есть «13 уколов шилом в висок жертвы в виде буквы шин...».

Впрочем, слово «шиш» вовсе не еврейское: еврейские слова пишутся без гласных букв и читаются с огласовками. Но ведь это и есть та самая «иудейская тайнопись», которая «скрывается», по мнению Розанова, евреями, читающими Сейфер Тору без огласовок!.. Если мы правы, то никаких собственно еврейских слов в сборнике «Взорваль» не было и не могло быть. Кстати, любые квазииностранные слова на квазииностранных языках записывались Крученых в виде простой имитации

фонетической зауми. Так что абсолютная семантическая, графическая и фонетическая прозрачность крученыховского «ШИШ», брошенного в лицо любителям «ритуала», как раз и была ясным и ярким футуристическим жестом.

Если же искать хоть какое-то подобие еврейских звуков и слов, то они могут быть найдены в заумных стихах «на японском и испанском» языках, предшествующих «ШИШ»у в сборнике «Взорваль».

Приведем здесь все три текста с предисловием автора:

«27 апреля (это важная для нас дата наиболее активных споров по вопросу о “ритуале”. – Л. К.) в 3 часа пополудни я мгновенно овладел в совершенстве всеми языками. Таков поэт современности. Помещаю свои стихи на японском, испанском и еврейском языках:

èéý i èíà íè

îéíó êñè

ÿi ãõ àèèé

çèè

ĀĪ ĪŃĪĬ Ā ĒĀĒĀ

ì ðĀĀòóèŭĀĀ

ĀÈĪ Ó ĀĀ ĒŃĀĔ

ĀĀðòòĪ ĀĀŌ

ÀÈС

ӨÈӨ»

Нетрудно видеть, что «японскими» здесь могут быть названы лишь звуки из первой колонки первого стиха. Во втором стихе ничего испанского не видно, за исключением, быть может, «БАТУЛЬБА». Зато многие слова из этого столбца похожи на еврейские слоги. В свою очередь, ничего «еврейского», за исключением двух «шин» и специфического шрифта написания этого РУССКОГО слова, в «еврейском стихотворении» нет.

Казалось бы, на этом можно и остановиться, ведь доказать то обстоятельство, что эти авангардистские упражнения имеют отношение к ритуальной дискуссии в связи с делом Бейлиса, невозможно. Между тем у нас всё-таки есть, как нам кажется, такая возможность. Связана же она с еще одним сочинением Крученых того же рода, что и тройчатка «ШИШ»а.

Мы имеем в виду знаменитое стихотворение из сборника «Помада», вышедшего в свет в начале того же 1913 года.

Приведем часть этого текста:

3 ñò èõì ò àì ðáí iy

í àì èñàì úy íà

ñ áì ò ááí í ì ÿ çú è ð

í ò à ð. í ò è è: áá ò ñy:

ñé í à ñ áí è ÷ í ð ò

í ì ðá ð ð é áí à ñ ç í à: áí è ÿ

*

¹ 1. Áú ð áé è ù ú è

ó áí è ù ó ð

ñé ó ì

á ù ñ á ó

ð é ÿ ç.

Лакированное трико

Юзги А. Крученых, запримѣчанія Терентьева.

**В 6 часов утра калориметр показывает бочку
клапы совѣсти желят больнѣе шил**

Страшен только первый гудок крови.
Мы ее потом смакуем
какъ вязкое вино—
и рука
гуляк по скАлам давить не дрогнет!..
В разсѣянности, как молодой картофель,
Мнем и бросаем в разлуку
на ихнее дно.

Просят не обижаться

Недавно вспыхнула очередная дискуссия о значении отдельных слогов и слов в этих заумных стихах. Так, Г. Левинтон считал, что слог «шыл», невозможный в русском языке, восходит к русской «простой леторее», то есть славянскому шифру, основанному на перестановке двух рядов согласных при сохранении гласных. Помимо ссылок на ряд изданий, исследователь сослался на поиск в Интернете, который дал результат: в некоей цитате обнаружился этот слог^[7]. Однако нам представляется, что расшифровка сочинения Крученых находится не в области фонетического анализа и догадок о поэтических подтекстах этой зауми. Сама заумь здесь, пожалуй, вторична. Первична же ситуация наветного безумия: ее-то Крученых и решил выразить в стихах, о которых он говорил, что в них больше русского, чем во всех стихотворениях Пушкина.

Выскажем теперь предположение, которое может показаться совершенно невероятным. На наш взгляд, первая строка стихотворения Крученых напрямую связана с делом Бейлиса и слоги эти означают:

ĂŮĐŮ ĂŌĚĚ ÛŮĚĬ

То есть имеется в виду, со всеми фонетическими сдвигами, именно то, в чем пытались обвинить Бейлиса, да и евреев вообще. Первый слог, связанный со словом «дыры», комментария не требует. Украинизированное «бул» и вполне мотивируется местом дела Бейлиса. А фонетически записанное слово «шыло» стало невозможным «шыл» путем примитивного сдвига, который «декларирован» уже в слове «убешщур» того же сочинения.

Впрочем, «бейлисиада» дает еще один вариант расшифровки «бул» – уже безо всякой отсылки к украинизированным слогам. Ведь это слово столь же бейлисовское, как и два

крайних слога. Дело в том, что царская дипломатия активно препятствовала доставке на процесс по делу Бейлиса папских булл, из которых было ясно, что Рим не поддерживает кровавые обвинения в адрес евреев. Поэтому первую строку можно записать и как:

ДЫРЫ БУЛЫ ШИЛЫ,

*āā ī īāāōāī īā+ēēī īō īēīāā «ēēī» – «ēēū», «ēēā», «ēēū» ē ò. ā – «ōōōōēēōē-āēē»
ōōāī īōīōī ēōōōī ā «Uūē».*

Всё сказанное так и осталось бы игрой ума, если бы в 1919 году Алексей Крученых и другой замечательный авангардист Игорь Терентьев не оказались в относительно мирном Тифлисе и не основали группу «Компания 41°», издавшую сборник «Лакированное трико». Уже на первой странице этого сборника читаем:

*Ā 6 : āāā ōōōā ēēēīōēī āōō
īīēāōūāāō āī+ēō
ēēāī ū īāīōē ēēēō āīēūīā ēēē
Nōōāōāī ōīēēī īāāāē āāīē ēōīāē.
Ī ū āāīōī ī āēōāī
ēāē āīēēīā ēēīī –
ēōēā
āēēē īī ēēēāī āāēōūīā āōīāō!..
Ā ōāōēīīīōē, ēāē ī īēīāīē
ēāōōōāēū
Ī īāī ē āōīāīāī āōāēōēō
Ī ā ēōīāāīī.*

Нетрудно заметить, что слово «шил» (множественное число родительного падежа) или, «вспоминаая» сочинение 1913 года, «(ш)щыл», в сочетании с кровью, мы увидели.

Тот факт, что «щыл» превратилось в удобочитаемое «шил», мотивирован появлением фонетического сдвига «клопы» – «клапы». Не забудем, клопы – насекомые кровососущие! Что же касается загадочного и не очень уместного в этом контексте «картофеля», то не исключено, что это еще один след текста 1913 года: вспомним «БатУЛЬБА» в «испанском» стихотворении, то есть «бульба» – «картофель» по-белорусски.

На следующей странице сборника появляется еще одно слово из интересующей нас строки 1913 года – на сей раз в заумной строке:

*Ō ī āīī īāāōāīīīīēīīō
āōīāēōō ēēēū
– īāāēū āōēāīī ūō ēēāō –*

éíáà ý áúéðèèèààþ:

óúð áúð ÷æÛ

çàëóòàþ äàèæáí úà ðò óéúáá

è ÷ ààèàþ ùié

ðàç äääáòáòú

ííá ííç Æ éóáí ì àò ðáö...

На сей раз «дыр» включен в откровенно эротический контекст, и может показаться, что цитируемая нами книга Крученых потеряла всякую связь с рассматриваемой темой. Однако это не так: клопы-то ведь водятся как раз в матрасах! А развитию эротического сюжета «мешает» как раз то, что нас интересует: Крученых раскрывает смысл подтекста «дыр бул щыл» в своей книге 1919 года:

Ñéíáá ì íè - á íòáí éó - ì ííæ -

òáì í áðéúçáí í ýòú äðçæ è éóí áó! -

говорит поэт, которому не удастся уехать в Москву. А вот и объяснение:

Áà, íí í ðéóí æ è òíý è ðí í éí ýòú é ðáé í á

ù áéí ò è è áú ý í í ðò: áí ý á ðí. Æ Í á é í áá

í áá È ðá á é í !

Á ó á á ð á á ð ò á á á ý !

Тут уже не остается никаких сомнений: Крученых явно подразумевает жертвоприношение Авраама (используя футуристический смысловой сдвиг), то самое, с замены которого на заместительную животную жертву начались все авраамические религии. Следовательно, и в Тифлисе в 1919 году Алексей Крученых не забывал об одном из главных предвоенных событий в истории России.

Разумеется, «Лакированное трико» не целиком посвящено проблемам бейлисиады. Однако когда Крученых возвращается к обыгрыванию любимого звука «ш», то еврейская тема возникает сама собой в знакомой нам фонетической и контекстной обработке:

Éíí ò ðáí ò ú

Í ò Í È Û é Ø Û

ì í è ù ð í é È è à

í ðí é à ò ð ò áá

÷ á ð á í è è á ó Û í è

è ç é í ì á ð è

È ç Ì Í - È Í - Ø Í - Ì Á Í Û - ù ..

Ø È Û È!

Ã Ä Å Æ

Eni i'Adria!...

Здесь, после обыгранного с помощью сдвига слова «БУЛ» с заменой «у» на зияющее «уЫ» в фонетическом окружении звука «л», мы встречаем слово на букву «ш» – конец очевидного «ШАшлык» в сочетании с еврейским «гвалт» или «гевалт», то есть «шум-гам». Именно этим словом называл В. Розанов гневные протесты евреев против ритуальных обвинений, призывая евреев быть тише. То есть Крученных «предлагает» футуристически связать «гевалт» с ненаписанным «ша» от слова «шашлык». А слово «ша» на идише означает как раз «тишина»...

На этом фоне далеко не случайной выглядит обостренная реакция о. Павла Флоренского на творчество футуристов, проявившаяся уже после Октябрьской революции – то есть примерно тогда же, когда русские футуристы в Тифлисе осмыслили и развивали свои идеи 10-х годов, а В. В. Розанов писал «Апокалипсис нашего времени».

Кстати, Розанов открыто не реагировал на дальнейшее творчество футуристов. Не то о. Павел. В 1918 (?) году он написал целую статью о языке футуристов, включив в нее квазиеврейско-итальянское стихотворение на заульном языке, которое Флоренский приписал Лейбу-Иегуде из Модены, еврейскому мудрецу XVII века^[8].

Флоренский безусловно знал, что европейская традиция знакома с таким обвинением евреев в сатанизме, как разговор с дьяволом на заульном языке. Кроме того, русский богослов, воспользовавшись примерами языка футуристов из знаменитых статей К. Чуковского, создал свое специфическое учение об этих поэтах. (Кстати, зря заподозрили в произнесении «тайного имени» Бейлиса в «Бобэоби»^[9] близкого к «черной сотне» Хлебникова.) Флоренский специально выбрал, а иногда и подогнал под нужную схему стихи из одних согласных букв – стихи, читающиеся справа налево, стихи из цифр и т. п. Кроме всего прочего, о. Павел выбрал у Чуковского тексты, в которых упоминались слова «икон», «дух» и т. п. А уж тот факт, что он связал это с еврейским вопросом, характеризует не столько футуристов и их словотворчество, сколько соавтора «Обонятельного и осязательного отношения евреев к крови».

Теперь нам остается вернуться к самому началу – к вопросу о том, в каком именно тексте в 1913 году полиция (а не сами футуристы в позднейших мемуарах) смогла «углядеть» анаграмму Бейлиса. Ответить на этот вопрос помогают два текста В. Хлебникова и А. Крученных 1913 года.

В неопубликованном тогда тексте Хлебникова, озаглавленном публикаторами «Полемические заметки 1913 года», читаем:

I.

Ãu, aĩeĩu aĩyẽ e i'ĩdĩeã e aĩy i aĩyĩnõ e aĩeããĩe!

Ãu, xœĩãĩeãã ßãeĩĩãĩeãã! Çĩãeãã ó íãñ aĩõu çãçãu, aĩõu e õeã eĩdĩ ÷ãã, e íãeãe eããã íã ñõããeĩu aĩeãã ñããã e i'deñõõĩ.

Ñeĩããũe iẽãã xœĩãĩeãã ñ õĩĩdĩ ðeõĩãã aĩeĩ÷eã íã eĩũõããeõõ aĩõõ eããõõ, ÷õĩãũ çãeãããõũĩ aĩõũ eĩdĩ ÷ãã e ñeõĩãeũĩeõãĩ eããã.

Í i ðãçãã íã ãeãeõã õeããã òõõã, íeããõũããã ããeĩãõ?

II.

Í ðeñõãã xœĩãĩeãã ãããã i'õãeĩãeãã íãĩ íõãĩõĩõõũ ñĩĩõõũ ã óããõeã ðeõĩãã e eãeĩe-õĩ eããõe. Í i aĩõũã eĩe Í ðeãããeũĩeãã, i'õãõeããũĩ õũõeĩãã íõeãçãeẽũĩ Õçãã ñeãã, eĩõãũ i íãeããããeããõũ iã xãõõĩ eũõeĩeãã, ñõããããũããeĩõõũããã çãõãã^[10].

Без особого труда здесь можно увидеть отголоски названия книги К. Чуковского «Уот Уитман. Поэт грядущей демократии» (разрядка наша. – Л. К.), популярной в то время. Однако нас

больше интересует образ Чуковского – «пирата с топором». Дело в том, что давно известна пародия А. Крученых на все эти события, в которой образ Чуковского претерпевает важные для нас трансформации:

ПОЛЕЗНОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ.

„Лидер, лучистость, Михаил Ларионов,
решал ввести моду раскрашивать лица и
носить кольца на пальцы“. (Из газеты)

— Что ни говори,—мода благодетельная... Начальство не утруждать...
Ежели, скажете, фиста полосатая или еще какое каруселье тихим и спокой-
ным, похотелось, вынуть, вылезть на воздух и воды куда следует...

*«Ἐἰσαὶδὲ εὐ-εἰδὸτᾶ Ἴ εὐαεῖ Ἐαδὲίτῆᾶ, δᾶσεῖ ἀαῖπὸεῖ ἰ τᾶο δατῆδᾶσεῖαίεϋ ἔεῶᾶ ἐ ἰῖοαίεϋ
εἰεῖπᾶ ἰῖτᾶδᾶ». Ἐς ᾶαῖο.*

*«...Λαεῖε, πᾶααῖ, ὀερεϋ ἰῖεῖπᾶδᾶϋ ἔεῖ ἀλᾶ εαεῖτᾶ ἰαδῶαίεᾶ ὀεσεῖϋ ἐ πᾶεῖεῖπᾶδᾶϋ,
ἰῖαῖοαῖ, τῆ-ᾶ-εὸ, ᾶϋε τᾶ ἰῖαῖορ ἐ ἀαῖε εῖοαᾶ πᾶαῖο...» Ἐς ᾶαῖοῦ «Ἐαῖ ἰαᾶ ὀδῖ».*

12 πᾶῖ ὀϋᾶδῖ 1913 πᾶᾶ 1 211.

*× ὀεῖτᾶεῖε-ἰδῆπᾶᾶ / ῶᾶῖεῖϋ ρεῖδῆεῖ / Ἐ εῖτᾶεῖ ἰδῶεῖε, / Ἴ πᾶο, ἰαεῖπᾶ / Ἐς ᾶεῖεῖεῖα
ᾶαῖο ὀαῖ / ὀεὸἰ ἰᾶ ἰεῖῖᾶ! / ῶεῖῖ-εῖ ᾶαῖ / ὀαεῖεῖ ὀῖ-εὸ / Ἐαῖε ᾶᾶ ... ἐ-ᾶεῖεῖ / Ἴ ἰδᾶῖε
ᾶαῖε-ᾶεῖε / Ἀ εᾶᾶῖῖ ἰᾶῖῖῖ-ᾶὸ (δαρῖᾶεᾶ ἰαεᾶ - Ἐ. Ἐ.).*

«Ὁ εἶς ὁ σὸ ὀδεῖν ἐ-ἀρεῶ ἀπὸ οἱ εἰ εἶ».

«Ἄρεν ἰ ἱρεῖ».

15 ὀάδῶεῦ 1914 ἄῶῶ

В бессодержательном комментарии к этому тексту и тексту Хлебникова^[3] нет ничего конкретного, связанного с реальным содержанием пародии Крученых. Например, с теми обстоятельствами, что отец К. И. Чуковского был евреем, а сам К. Чуковский начинал свою публицистическую и критическую деятельность в одесской русско-еврейской печати вместе с В. Жаботинским. Или что Чуковский был инициатором знаменитой дискуссии о евреях и русской литературе. Тексты на эту тему В. Жаботинский переиздал в книге «Фельетоны» в 1913 году. Поэтому именование строгого критика футуристов «приставом», проводящим некую «чистку», относится не к будущей советской «чистке поэтов», а к выселению приставами евреев, не имеющих права жительства, из столичных городов. Поэтому знаковая для 1913 года «швайка», которую Чуковский «достаёт» из бандитского или провокаторского сапога «пристава», вполне соответствует обстановке года «бейлисиады», с ее шилами, швайками, числом 13, провокаторами, убийцами, приставами и лжесвидетелями, с которыми сравнивается в пародии автора «Дыр бул щыл» «пристав Чуковский». Пристав носатый, прыткий и при этом неистовый. Можно сказать, что хитрый Алексей Крученых, уже заставивший, по воспоминаниям Б. Лившица, поскользнуться К. Чуковского «на навозной куче» своих стихов, вновь оказался победителем в сражении с одним из популярнейших критиков своего времени.

Таким образом, если и существовал какой-то «пристав», что-то углядевший в «Бобэоби», то это лишь Чуковский в воспоминаниях Б. Лившица, воззвании Хлебникова и пародии А. Крученых.

Затруднительное положение.

Среди босоножек возникло новое течение: иллюстрация стихотворений танцами.
(Из газет).

«Среди босоножек возникло новое течение: иллюстрация стихотворений танцами».

(из газет)

Эти далеко не полные сведения о влиянии дела Бейлиса и религиозной дискуссии на процессе и вокруг него на сочинения русских футуристов лишний раз подчеркивают необходимость изучения воздействия бейлисиады на русскую культуру в целом.

[1] Глава из книги Л. Кациса «Кровавый навет и русская мысль» (Историко-теологическое исследование дела Бейлиса), выходящей в издательстве «Мосты культуры» в 2006 г.

[2] Мы подробно и много писали об этом в книгах «Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи» и «Русская эсхатология и русская литература».

[3] Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 437.

[4] Там же. С. 351–352. Прим. с. 626–627.

[5] Розанов В. Ученая пава // Розанов В. Сахарна. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Собр. соч. / Под ред. А. Николоюкина. М., 1998. С. 320.

[6] Кацис Л. Еврейское барокко в русском авангарде // Барокко в авангарде – авангард в барокко. Тезисы и материалы конференции. М., 1993. С. 44–46.

[7] Левинтон Г. Заметки о зауми. 1. Дыр, бул, щыл. // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005. С. 161–175.

[8] Флоренский П. Антиномии языка // Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. (Приложение к журналу «Вопросы философии» Т. 2.). С. 152–193.

[9] «Бобэоби пелись губы / Вээоми пелись взоры / Лиэээй пелся облик / Гзи-гзи-гээо пелась цепь / Так на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения плыло Лицо». Здесь Лившиц не без остроумия углядел «Бейлиса» 1913 г. в стихах Хлебникова 1908 г.: «Б-е(й)лис». Впрочем, для футуристов-будущников, которые всё время хотели предсказывать будущее, это не единственный пример идейно-временного сдвига.

[10] Хлебников В. Poleмические заметки 1913 года. // Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 1. М., 2005. С. 219.

ПОВОРОТЫ ТЕМЫ

Роман Тименчик

К началу XX века в толпах рекрутов русского стихового слова появилось множество евреев (к понятному раздражению блюстителей национальной чистоты своей словесности).

Среди них были и люди, составившие гордость российской поэзии, и творцы не первых сил, и аматеры, заслуженно осужденные на безвестность, но все они были отмечены той двойственностью первоначального словесного толчка, о котором на исходе первой трети века говорила Елизавета Полонская:

Î ú àñá í íéó:ééé

Î ò áíéà á í àñéáññò áñ

Àðééñéíá ñéíáñ,

Éóáéñéíá ááòñò áñ,

Éáðòéí ú è ñò àòóé,

Éíéã è í áñ è

È çéí òí

Î óáðñò è ò úññ:áé ò í áé.

Как и все прочие стихописцы этого времени, они стояли перед задачей «выдумать себя», словами Иннокентия Анненского. Необщее выражение поэтического лица на рубеже веков достигалось прежде всего иноземной генеалогией. Звезды символизма напоминали о своих шотландских или скандинавских корнях, в следующем поколении появились татарка и испанка, многие по пятому пункту значились гуннами или скифами, что опровергнуть было трудно.

Лирический монолог строился как инаугурационная речь после многовекового молчания или отсутствия. Евреям легче всего было получить пропуск на этот генеалогический маскарад. Даром доставшийся им мотив иноприродности легко разворачивался в тему путем муссирования контраста юга и севера. В качестве примера можно взять стихотворную «присягу на верность» Эммануила Яковлевича Германа (известного нескольким поколениям советских читателей как сатирик Эмиль Кроткий). Его «Ледяная пирамида» 1918 года меняла память о том, что «рабами были мы», на признание в любви к новому, снежному Египту:

Î á ññ ðñéé, í á çáí ñí í éé,

ááá áñ ðññ

ðñéñéí í áí ÿò ú í í ÿ –

áéóáíéà

Î ááááé í áñ áí í ññ ú é Î çé ðññ

Ñí óáñéíé áé áññ í ðáñéá áí éá.

Î ðááñ í í í é – ññ áññ áññ ñò éóé ÿ,

Óðááí çàì áðçàþùèõ äóì.

È ì áíÿ, èàé è ì ííæð, Ðííñÿ,

Çàéðáæèé íí, òáíé ááéúé

íàì óì.

Çàì íðíæáí íò÷èçííé àòíðíþ,

Í íàòíðíþ áúéúá ñáà:

Í èðàì èáó ááéèéçþ ñòðíþ

Èç íæíì éíá ííéÿðí íá éúà

Íí ðáíòááò, ì íé òðáá ááé÷ááíé -

Òàþò éúú, óíéíéúçàþò íáíéè.

Í í íá íááí èçí áí÷èáíé ñéááí, -

Òíéúéí á òì áéúíííéáðáé òííéè!

Òíéúéí á çúáéíá ííéá, á éíòíðí

ß ñòááòáì è éíæóííííá éííó

Òíéúéí á, ñéááíé ááóíé, íí íðííòíðáì

Ðáíòááÿòü ÷òí ñíáíþ íááí

Òíéúéí á ááéúá ñáà: è ááðáçé

Áà íúéÿùéá ðéÿòé òáíé,

Ááá íò òúíÿ÷ òàòáðíéèò ííáíçé

È íííúíá áéáí ú éíéáè!

Νῆ δαὰ: Ὑῖ ἐεῦ Ἐδῖ ὀέεé ἡ αἰίτῆ.

Ὀὰδῖέτᾶ

1920 ᾶᾶ

Таким образом возник уголок русской поэзии, где проживала тема еврейско-русской двойственности. Далее тема развивалась в лирический сюжет выбора, предопределенности выбора или трагической невозможности выбора. Здесь хотелось бы вспомнить напечатанное в 1923 году стихотворение Веры Кровицкой (об этой поэтессе, судьба которой после 1927 года как будто никому пока не известна, несколько лет назад рассказал Алексей Дмитренко в петербургской газете «Дварим»). По-видимому, энергичным зачином запомнилось это стихотворение Анне Ахматовой (которая переписала его в несохранившемся стихотворении 1927 года «Нет у меня ни родины, ни чести, ни имени...»):

Ἰὰ ὀὶ αἰῦ ἰé δῖαéíú, ἰé Ἀ-ᾶ

Ἰῖ ὀὸ ἰ αἰῦ ἰάᾶ ᾶεῦ ὀὶ δᾶéí ὀὸῦ

× ὀἰ δῖαéᾶᾶῖῦ ἰé ἰαé é ὀαῖᾶé

Ἐ ἰὰ Ἀῖᾶ ἰé ἰά ἰὸ ὀῖαéᾶ ἰ ὀὸῦ

Ἰὰ ἰ ἰὰ ἰ ὀῦéἰéαἰ é éαᾶé ᾶῖ δῖᾶé.

Ἰῖ ἰῖ ἰ ἰ ῖ, éαé ἰῖéᾶᾶ ἰ ᾶῦé ἰᾶéἰ,

Ἐ éαé ἰ ᾶᾶ é ἡεéᾶᾶé ᾶῖᾶἰᾶ ἰ ἰᾶé,

È eàè àìσεà ÿ á ñáíé Áðñíæèì .

Í í èíεùááεíφ ì í á áúεà Ðíññεý,

À í íεíñí òíεíáí úé Í àò òí ãðáá,

È ãáí òò àèíí ãðááí èèè ñòεà

È á Ñáí ò áðεíñá í ãε: ãé ì í é ñáá

Энергия мучительного отказа от прародины, энергия жеста, заложенная в этом стихотворении, вторит тому немногому, что мы знаем о характере Веры Яковлевны. Вступившая в свои шестнадцать лет в студию поэтов творчества Николая Гумилева в Институте Живого слова, она публично читала скорбные стихи, написанные под впечатлением от расстрела своего учителя.

Псалмическая горечь пленения соседствует у нее с любовным гимном петроградскому старику, несущему в себе груз еврейского наследия:

Çááðñí çñáí í úá, ðááí úá ãáéíσé,

Èí òε: í ááñá ñéεááèè ááσéúεà

È ááæá ðí ò ì ó: è ò áéúí í εçí í σáí,

È àé í íεú ñáðáí úéíñ íφ ðò óεà

Í á áεý εþáí áí íé, í áí áñí ò í íé ì óèè,

È óþ úáé ðááí ñò í úá: óááñ,

Óáéφ í ò ì í ðí æáí í úá ðéè,

Ñéáç úé áñý ò ðí ãþ æáçà

Í á áεý í áñ ñéááéáñí Í áñ ý Í áñ áé,

Í í ááè áí ó í ðáí óáðí ñò ú Ñíéí ñí.

È áí ò í á ÿ ò í ò í íé, í íε ðú ò úé í éáñí íφ,

Óáá ò áí è í áááá ò áé áéáé ñéè ñí.

È áéæ ó ý: í í éáñí ò é óá áúñ é í é,

Í ðí í á ð ó áé ú áí è, éí σé áí è, εþáú è,

Í ðí í í ñè ò í í æáé ò áþ ú áé í ñ é í é -

Áí éú ó í á ñáðáá á ðáí é Ñóé áí è ò ú

Этот мотив еврейских дедушек до известной поры был приемлем для советской цензуры. В 1926 году ростовский поэт Григорий Кац, погибший потом на войне, писал:

Áíéè áñ ò ú ó æáç í í ñò ú áí áý í æý áéá,

Áíéè á ñáðááá á ðá: ú í ò çáí ò,

Yoi äää çáàò òíì èòüüý ñëääéíé
Äðíæíþ ííçááúòúò ì ííé ñááíò.
Yoi äää ó:-èé ì áíý ì íèèòüüý -
Áíóéó èó:-óá áóááò, äóì àè äää, -
Íá ííéääò èñëàòü äíðíááíçí èóá,
Áñëé íóòüçíáéíì óæ ñòíéüéí éáò.

Áñ, ÷òí èþáèóü äàòíéíþ

èþáíáþ,

Í áéääéí çááúòü ííý çááúé,
Ííçááúé, è òíéüéí äðíáó äðíáþ,

Äðíáþ äðíáó áüíì íéá

ääòñééé ííé.

À òáíáðü ðáíí éá:-èääòüüý íááí

çá ì íèèòáí, äääíáñééé ííéíé,

Ííýçíáþ, ÷òí íðéóíáèò ðááíñòü

× áðíç äääòè äíðá:-è èþáíéíé.

«Путь на Восток», о котором тосковала Вера Кровицкая, в первые пореволюционные годы мерещился и другим евреям, ровесникам века. Эмилий Миндлин, молодой поэт, которым увлеклась было Марина Цветаева (и это увлечение привело в ее поэзию образ царя Давида – Миндлин сочинял тогда «Трагедию о Давиде, царе иудейском»), в 1920 году в Феодосии писал:

À. Áääéñ

ÈÑŌĪÁ

Á çàì úéáííí ìéàúá ìðíðéà,

ñíáííéðúòíþ áéíáé,

é áéóáúì áðíááì Áîñòíéà

ìðíáéðàòúñý óçéíé òðíííé...

Çàòýí óáòé ðàì íé ñáí ááééé,

ííáñò ááéýý ááò ðó èéòí...

Èèòúáú ì áéúúú ì íé ñæèì áèè

çíéíòíá òáíá éíéúúí.

Í óñòúíá ì ááííí ùéòá çàéàòá

áèæó òéáí éá ðáéíéèò ñáá.

Í á çàì éá æá ì óñòú áðàò íá áðàòá

ííáí éì ááò áðàæáíéè ì á-!

Áõ, óéòé áú, óéòé áú áì áñòá

íí ñæéèñòúì éðò:àì éáòé! -

Í á é òááá èè - ì íáé íááñòá -

ìðéáááòò è ýòé ì óòé?

Òíéúéí æáííéíé è ì íæíí éáíéíé

ñòì áñòááèèò íáñ áíçðíáèòúí!

- Á ñáááíý ííýòúé Ááì áñéó

È é Áááááó íæéíí ñíæèèòú

Í á Áîñòíé èç òáíáé Ááðííú,

ì áæáó éáçáèé ñéó:ííé áíéíú,

ìðíáááì ì ú çàì íúá òðííú,

áðíáíá ñææáííúò ñíííú.

Á çàì úéáííí ìéàúá ìðíðéà

íá íþáà èè ñéááú ááèè -

é áéóáúì áðíááì Áîñòíéà

á ã éóúá éóúé çáì èè!

Драму выбора иногда мечтали «лечить» утопической альтернативой снятия самой проблемы, как это видно из написанного в том же году (и по сию пору не печатавшегося) стихотворения Аделины Адалис (Ефрон), национальное происхождение которой ее усилиями остается неясным:

Óñòàì áñòà Ì éíááéúá á í ðéááðóíþ ááðñí -

Ñééñíþñ í òáì í ááòáá èèóí!

Ì í á ñááéèááò ñáðñòá í ááñþ ñòáðñé

Áíðý:áá è óçéíá éíéúñí.

×úá èì ý òíéíáí áé, ÷úý ñí áðòúí í íéáçí áé,

Ê éáéèì ñáýòúì í áñòáì, á éáéíé í áðñá

Èçááéèòúý í ò ñ:áñòúý, í ò áíéáçí áé

Ì ò í èéñòè, í ò áíáá Ì ò ùááðñò.

Èáó èè í áéááéá ñáðññí è í éá:á, -

Èç áñò áááðáé, èç éáéáíñ éóñòá

Ì ðáñéááóáò í íéíðíáý óúá:á

Ááñòáí í áý ñááðéááò éðáññòá!

Êíáá, éíáá, á ñéóííí ñí ááò áéáñ éí á

Á ðóí ýí óáð èèðí é:áé, ñéáí çáí áí áéáñ è áñí

Ì ò èóúáý, í ò òðéñòéáí éí á

Ì ñáí áí áéááí í úé Èáðñáéèì ?!

В связи с проблемой скрытого или нераскрытого национального происхождения, упомянутой выше, позволю себе привести случай из собственной литературоведческой практики. Когда-то, описывая особенности еврейской темы в русской поэзии начала XX века, я предположил, что в это время усиливается интериоризация темы, происходит движение от описательности, экзотизма и морализаторства к поискам внутреннего драматизма в личной генеалогии. И стремительное распространение, известная «модность» соответствующего мотива демонстрируются тем, что его заимствуют поэты, чья родословная не дает для этого никаких биографических оснований. То есть еврейских предков русский поэт мог придумать себе так же, как шотландских, испанских, скифских. Я приводил в пример стихотворение «Принц Иуда» известного впоследствии советского филолога, кельтолога, шекспироведа Александра Александровича Смирнова:

Á í íéð áééáð òá:áò éðñáñ áé áé áéñéèð

Ì òíéíéíá

Á í íéð áééáð òá:áò éðñáñ áé áé áéñéèð Óáðáé.

È çáó:áò áñéíñá í áí òñòóí í úð í áí áéíá

Áí è í í:-è á éðñáé í áñ í éí éí é è í í áé.

рассказала мне, что, когда она в юности была аспиранткой А. Смирнова, то в Ленинграде «все знали», что Смирнов был незаконнорожденным сыном банкира Зака. А еще через некоторое время были опубликованы документы о том, что Смирнов по материнской линии был в родстве с семейством Венгеровых.

Но это уже – начало следующей заметки о судьбе еврейской темы в эпоху «серебряного века».

«СИОНИСТСКИЙ ЗАГОВОР»

Александр Воронель

Израильский историк Бенцион Нетаньягу еще в 1940–1950-х годах написал книгу очерков об идеологах сионизма: Льве Пинскере, Теодоре Герцле, Максе Нордау, Израиле Зангвилье и Владимире Жаботинском. Ныне перевод этой книги на русский язык выходит из печати в издательстве «МЕТ» в Минске. Манера, в которой написана книга Б. Нетаньягу, его оценки людей и событий разительно отличаются от всего того, что в течение многих десятилетий распространялось на русском языке под названием сионистской литературы.

Т. Герцль, как и его соратник М. Нордау, имел очень скептическое мнение по поводу социализма и полагал, что социализм не согласуется с человеческой натурой, особенно с еврейской, «индивидуалистичной со времен Моисея до сего дня». Он также предвидел, что евреи очень скоро станут для социализма «мавром, сделавшим свое дело», от которого потом избавятся.

Однако руководство мировым сионистским движением уже в первые годы своего существования попало в руки выходцев из России. Это было естественно для демократической организации, поскольку именно в России проживала основная масса евреев, жаждавшая освобождения. Но предреволюционная российско-еврейская среда была в очень сильной степени захвачена марксистским влиянием и произвела на свет целую серию разнообразных гибридов сионизма с социализмом и толстовством, которая в течение почти столетия господствовала во всех еврейских начинаниях. Склонность к социализму автоматически влекла за собой марксистское пренебрежение к культурным различиям и навязчивую преданность парадоксальным лозунгам «арабо-еврейской дружбы».

Нельзя сказать, что кто-нибудь из ранних сионистов пренебрежительно относился к арабам, но они понимали невероятную сложность проблемы сосуществования цивилизаций. Европоцентрическая марксистская теория, поставившая во главу угла экономические отношения, вообще не видела никаких различий между людьми, кроме классовых. Конечно, только европейские евреи, не имевшие никакого понятия об исламе, могли принимать всерьез такое варварское упрощение действительности, как марксизм. Евреи – выходцы из арабских стран, не понаслышке знавшие мусульманскую культуру, никогда не обманывались на этот счет и в массе своей не следовали за социалистами-миротворцами. Выходцы из России последнего призыва, по-видимому, внушали больше надежд израильскому истеблишменту, уже хотя бы потому, что перевод этих очерков на русский язык задержался на целых полвека.

Часто именно ложные идеи поддерживают людей, а иной раз и обеспечивают им победу. Если бы большевики не были одержимы своей утопической мечтой, они проиграли бы Гражданскую войну и никакой советской власти в России бы не было. Если бы руководство Израиля в 1947 году не было в основном просоветским, СССР не позволил бы ООН проголосовать за признание еврейского государства, и, возможно, его бы не было. Если бы политика этого государства в течение долгих лет не опиралась на вдохновляющие мечты о близком мире с арабскими соседями, население Израиля не смогло бы вырасти в

десять раз за последние 50 лет. Таким образом, жесткая политическая реальность строится порой на неверных и расплывчатых иллюзиях.

Крушение социалистических режимов в Восточной Европе, нескончаемый вандализм интифады и смерть Арафата сместили общественное мнение и приоритеты издателей таким образом, что идеи основателей сионизма перестали казаться им шокирующими.

«Идеи не являются отражением реальности. Идеи принадлежат миру воображаемого и в этом своем качестве обладают странной способностью изменять реальность. Когда такое вмешательство идей в жизнь приобретает особо крупные размеры, это называют революцией. Революция есть переход Воображаемого в Реальное. Механизмом такого перехода является символизация обоих... В области символического они поначалу и встречаются: в текстах, написанных кабинетными интеллектуалами; в сознании их читателей, будущих лидеров революции; в публичной сфере, в которой обращаются массы. В конце концов дело доходит до реального, той самой истории, в ходе которой изменяется жизнь всех – авторов и читателей, лидеров и масс» (Александр Эткинд. Хлыст. М.: НЛЮ, 1998).

Так видит действительность российской революции талантливый современный автор, дитя интеллектуальной атмосферы, сложившейся за несколько веков эпохи книгопечатания.

Возможно, эта эпоха пришла к концу. Трудно себе представить современную революцию где бы то ни было, произошедшую из-за «текстов, написанных кабинетными интеллектуалами». Если, конечно, не считать Коран текстом, написанным кабинетным интеллектуалом.

Но был в истории безусловный прецедент, когда революция действительно произошла под влиянием интеллектуалов и действительно первоначально в «области символического». Этот прецедент – сионистская революция. Точнее будет сказать, что эта революция, как и многие другие события истории евреев, являет поразительный пример доминирующего влияния сознания на бытие.

Все пятеро выбранных автором основателей сионизма были выдающимися писателями, преуспевшими еще до начала своей сионистской деятельности, владевшими несколькими языками и принадлежавшими к европейской культурной элите. В общепринятом словоупотреблении все пятеро были «ассимилированные евреи».

Что такое «ассимилированный еврей»? Никто из нас не представляет себе ассимилированного еврея трактористом или шахтером. В простонародной среде евреи неизбежно выделяются, их ассимилированными не назовешь. Зато легко представить ассимилированного еврея среди физиков, художников или журналистов – то есть в качестве члена какой-нибудь замкнутой, часто элитарной, группы. В элите и ассимилироваться легче, потому что в элите от всякого можно ожидать какого-то своеобразия. В творческой элите (и, между прочим, в преступном мире) экзотика, странности и всевозможные чудачества зачастую приветствуются, чтобы не сказать культивируются. Даже самая принадлежность к еврейству в элите порой рассматривается как сорт чудачества.

В конце XIX века ассимилированные евреи в Европе и в России составляли редкое меньшинство. Спустя сто лет в результате гитлеровского Холокоста и сталинского «всеобуча» ассимилированные евреи превратились в абсолютное большинство еврейского народа, и ассимилировались они уже не в элите окружающих народов, а в тех средних социальных слоях, в которых чудачества и оригинальность не только не поощряются, но и не прощаются. Так что сионистский заговор кучки интеллектуалов прошлого века пришелся им как раз впору.

Двое из славной пятерки (Л. Пинскер и В. Жаботинский) были уроженцами России и писали на русском языке. Двое других (Т. Герцль и М. Нордау) происходили из Австро-Венгрии и писали по-немецки. И. Зангвилл родился в Лондоне и был известным английским писателем.

Среди народов Древнего мира евреи выделялись отчетливо выраженным национальным самосознанием. Но, утратив еще в древности свою территорию и национальный суверенитет, они, чтобы выжить как народ, должны были национальным основам своей жизни придать статус религиозной святости. «Так язык иврит, этническая замкнутость, национальные традиции и законы, а также утраченная Родина стали осиянными священным нимбом религиозными ценностями» (здесь и далее цитаты без указания источника взяты из книги Б. Нетаньягу «Пять отцов сионизма»). В середине XVIII века перед иудаизмом впервые встала угроза, исходящая не от иной веры, а от противника всех религий: свободной мысли. Наука

объявила войну всем привычным догмам и мистическим теориям и зачастую вместе с водой выплескивала и ребенка. Как подытожил Исая Берлин: «Освободительные движения, вынужденные прорываться сквозь заслоны общепринятых догм и традиций, всегда заходят слишком далеко и перестают замечать добродетели, на которые они замахнулись».

Просвещение, расшатывавшее религиозные основы жизни всех европейских народов, оставляло их, однако, в родственном окружении на их привычной территории. А евреи, лишаясь поддержки своей религиозной идеи и оказавшись без защиты конфессиональной общины («кагала»), ощутили себя на краю гибели. Для сохранения своего национального лица, для самоидентификации, необходимой всякому нормальному человеку, евреям нужен был эмоционально окрашенный мотив, выраженный на европейском философском языке, способном противостоять победному натиску рационализма.

Современный израильский писатель А. Б. Иешуа настаивает, что совмещение в идентификации еврея двух различных концепций, национальной и религиозной, превращает еврейство в загадочный (с европейской точки зрения) феномен, раздражающий окружающие народы своей непроницаемостью. Суть дела, однако, не в том, что это совмещение раздражало европейских антисемитов. Подлинная проблема состояла в том, что такое совмещение стало неприемлемо для самих европеизированных евреев. На фоне мощного всплеска национализма в Европе у евреев возникла психологическая потребность поставить для себя философски неразрешимый вопрос, что вообще считать нацией и считать ли им нацией себя.

Лев Семенович (Иеуда-Лейб) Пинскер (один из первых евреев в России, получивших систематическое русское образование) ответил на этот вызов своей книгой «Автоэмансипация», которая произвела эффект разорвавшейся бомбы в еврейской психологии. Здесь уместно упомянуть, что в его пророческой книге заложены мысли, ставшие основой для разработки этой темы западными учеными на столетия вперед. Как выразил это современный английский социолог: «Идея нации неотделима от политического сознания <...> Нация рождается в воображении, и ее образ, однажды возникнув (укоренившись в сознании), приспосабливается к внешним условиям, моделирует себя и преобразует» (Б. Андерсон. Воображаемые общности. Происхождение и распространение национализма. Лондон, 1983). То есть идея нации предшествует материальным предпосылкам ее существования, которые так упорно подсовывала нам марксистская идеология.

Субъективный подход Пинскера шел поперек всей европейской тенденции того времени, во всем искавшей (и временами находившей) объективные (материальные) причины и рациональные объяснения. Грандиозные успехи классической физики и дарвиновской биологии как бы обещали подобный же триумф и псевдообъективному экономическому детерминизму Карла Маркса. Пинскер переместил центр тяжести еврейского вопроса с внешнего окружения на внутреннее состояние народа. Он утверждал, что еврейская трагедия – следствие не только отношения к евреям окружающих народов, но, в еще большей степени, отношения евреев к самим себе. Эта трагедия – плод чересчур тесной приверженности евреев другим национальным образованиям, что противоречит самостоятельности их национального существования. Решение этой проблемы связано со степенью решимости самих евреев взять свою судьбу в собственные руки.

Вся европейская концепция эмансипации основывалась на зависимости от великодушия других народов. От них евреи ожидали своих прав, и они должны были эти права даровать. Пинскер поставил проблему с головы на ноги: не эмансипация, а автоэмансипация, то есть еврейский народ должен получить спасение не от другого народа, а из собственных рук, в результате собственной борьбы. Нация и История должны были стать столпами народной жизни в модернизированном мире. Сохранение национальной чистоты и исторической преемственности были для Пинскера важнейшими факторами сохранения еврейского народа среди других. Возможно, в этом вопросе Пинскер испытал влияние славянофилов, с которыми близко познакомился во время учебы в Московском университете. Славянофилы всегда подчеркивали важность этих составляющих для формирования и существования нации.

Книга Пинскера появилась в 1882 году и мгновенно завоевала популярность среди евреев во всем мире. Одной из самых горячих сторонниц идеи «автоэмансипации» стала американская поэтесса Эмма Лазарус – автор стихотворения-надписи на бронзовой доске статуи Свободы в Нью-Йорке.

Семя было брошено вовремя: последовавший вскоре всплеск агрессивного антисемитизма в Европе не застал евреев врасплох. Евреи осознали себя нацией среди государственных наций еще за 10–15 лет до того, как их высокопоставленные европейские представители – Герцль, Нордау и Зангвил – решились предъявить западной цивилизации требование своей доли в мировом сообществе от имени всего народа.

К замечанию А. Б. Иешуа о смешении религиозной и национальной идентификации можно добавить еще один признак, выделявший евреев на протяжении многих столетий: везде, во всех странах евреи воспринимались не только как народ, нация, но и как социальная группа. Заметим, в разных странах это были разные социальные группы, но практически всегда стоящие сравнительно высоко относительно большинства населения. Это «приподнятое» социальное положение евреев со временем превратилось в часть традиции, которая сообщает евреям определенные психологические черты и также вызывает раздражение окружающих народов.

В старой России евреи были, в основном, мещанами, а в СССР они стали служащими и технической интеллигенцией. В современной Америке евреи – врачи и адвокаты (впрочем, дети портных и парикмахеров). В арабских странах евреи – лавочники и клерки. Это особое положение установилось еще во времена Римской империи, когда соплеменники выкупали из рабства любого еврея и не давали ему опуститься на социальное дно. В какой-то степени подобное положение существует до сих пор. Взаимная поддержка (в которой столь часто винят евреев в России) неизбежно следует из поставленной иудаизмом религиозной задачи («народ священников») обеспечить каждому еврею возможность следовать Завету. Такая особенность придает еврейскому народу большую восприимчивость к социальным изменениям в обществе и повышенное внимание к интеллектуальным политическим конструкциям.

Время политических конструкций наступило уже после смерти Л. Пинскера и связано было с именами интеллектуалов Теодора Герцля, Макса Нордау и Израиля Зангвила. Даже тем, кто всей душой принял учение Пинскера о самоосвобождении, нелегко было воспринять призыв Герцля к разработке и формированию отдельной еврейской политики. Нордау и Зангвил были его первыми истовыми единомышленниками.

Ἀπὸ δὲ τῆς Νεώτερης ἱστορίας ἐστὶν ἐὸς ἀὐτῶν ἡ ἀξίωσις ἐὰν

ὁ Ἀσδοῦν ἡ ἀεὶ ὅσα ὁ δαῖνι ἡ ἡ πὸ τῆς ἡ.

Именно от Герцля мир впервые узнал, что такое сионизм, и осознал его неизбежность (хотя в отдельных кругах теперь намечается ревизия этого взгляда). Значение Герцля не в учении о создании еврейского государства как о единственном решении еврейского вопроса, а в учении о том, как добиться превращения этой идеи в реальность.

Идея Герцля, вначале представлявшаяся абсурдной иллюзией, оказалась единственно практичной.

Пользуясь своей громкой известностью журналиста, Герцль развернул широкую дипломатическую деятельность в расчете на поддержку правительственных кругов всех европейских стран. Он годами создавал «виртуальную реальность» – «государство в пути», понимая, что как только такое «государство» обозначится, оно автоматически вступит во взаимодействие со связанной системой существующих «государственных реальностей». Чтобы подобное государство утвердилось в действительности, чтобы для него освободилось место в международной системе национальных организмов, Герцлю нужно было добиться общего согласия наиболее важных участников системы, – нужно было, чтобы идея еврейского государства прочно поселилась в головах политиков. Тогда неизбежным становилось и превращение этой идеи в фактор международной игры, желательный для одних и пугающий для других. Такой фактор в результате явился единственным средством нанести на виртуальную географическую карту еврейское государство еще до его возникновения.

Основания думать, что европейские политики примут идею Герцля, действительно были. Еще Наполеон, не колеблясь, пообещал еврейское государство коменданту турецкой крепости Акко, когда узнал о его еврейском происхождении. Один из вождей русских декабристов, полковник Пестель, разрабатывал проект формирования армии из русских евреев для завоевания Палестины (при осуществлении планируемого им захвата Россией Константинополя). Австрия, Италия, Англия и Франция, Германия и Россия лелеяли планы раздела Оттоманской империи и прикидывали возможные резоны для своих колониальных претензий. «С беспрецедентной последовательностью, беспрецедентным упорством и небывалой верой в успех, со свойственной только ему находчивостью, с убедительными аргументами, которые только он мог изобрести, с обаянием, присущим только его личности, он предпринимал шаг за шагом, чтобы получить у крупных держав согласие со своей идеей “еврейского государства”. Если бы не было этого согласия, если бы не внедрил Герцль в круги мировых политиков убеждение, что “еврейское государство – это общемировая необходимость”, не было бы никаких оснований для надежды на осуществление национальных чаяний евреев».

Внедрив в сознание нескольких выдающихся политиков мысль, что сионизм – единственно возможное решение «еврейского вопроса» и вопроса Страны Израиля одновременно, Герцль дал им возможность придать их имперским амбициям моральный вес и авторитет, высоко оцененный наиболее дальновидными из них. После того как он, вместе с Нордау и Зангвилем, сумел убедить ведущих европейских лидеров в своевременности и практичности своей идеи, оказались возможными и действия Ллойд-Джорджа в поддержку сионизма, и декларация Бальфура.

Чтобы построить национальный дом для нации, которая еще не до конца осознала себя самое, оставалось минимальное (сорок библейских лет) время, – и дерзость сионистского проекта, как и «царственное мужество» (его собственное выражение) Герцля, поражают воображение.

Он знал еще кое-что, никому, кроме людей с пророческим даром, не приходившее в голову. Герцль знал: вопреки всем прогрессивным лозунгам наступающего XX века, новое средневековье надвигается на евреев во всех европейских странах. Это кажется невероятным, но он ясно видел, что «камень уже покатился по склону», и знал, что это предвещает: «гибель, полную гибель!» «Будет ли это революционная экспроприация?» (как произошло позднее в России), «будет ли это реакционная конфискация?» (как произошло в Германии). «Нас изгонят? Убьют? Я предполагаю всё это...» (Теодор Герцль. Дневники. Т. I).

А для современных русских евреев сионизм начинается с Жаботинского. Во-первых, из-за литературного обаяния его текстов. Во-вторых, потому что в мировоззрении Жаботинского нет и следа марксистских и толстовских стереотипов, на которые за последние полвека у российских евреев выработалась стойкая аллергия. Наконец, в-третьих: он имел мужество называть вещи своими именами, – не боясь, что его заподозрят в недостатке гуманизма, – во времена, когда декларативный гуманизм деспотически правил общественным мнением.

В полном неприятии силовых методов скрыта основная слабость гуманистического мировоззрения. До каких пределов можно сохранять гуманность в мире непримиримой вражды? Противники Жаботинского часто обвиняли его в склонности к милитаризму. Волна насилия, поднявшаяся в Европе в связи с первой мировой войной, отрезвила многих, хотя явилась только репетицией настоящей Катастрофы. Жаботинский предвидел: если еврейский народ хочет выжить в мире торжествующего насилия, он сможет достигнуть этого не кротостью, а лишь упорством в сопротивлении. Произшедшая в Европе Катастрофа самым ужасным образом подтвердила это предвидение.

Жаботинский учил, что основное содержание сионизма – отучить евреев рассматривать себя глазами других народов в свете чужих глобальных интересов. Это и значило перевести их из статуса объекта в субъект истории. Естественно, евреям в их догосударственный период существования была присуща компромиссная, оппортунистская позиция, соответствовавшая их возможностям. Эта позиция в значительной мере определяла постоянный легализм и гуманизм еврейского истеблишмента во всех странах. Превращаясь в субъект истории, евреи брали на себя историческую ответственность, которой не знали прежде. И эта ответственность зачастую требовала бескомпромиссных решений и беспрецедентных шагов.

Плакат.

Конец 1920-х годов.

Жаботинский призывал евреев учиться воевать и всерьез готовиться к этому. Его призыв оказался наиболее гуманистическим накануне предстоящего получения государственной независимости и последовавшей серии войн. Вопреки общепринятым интеллигентским предрассудкам, он ясно видел, что в военном воспитании есть свои высокие ценности и нация накануне своего возникновения – и, еще вернее, среди сегодняшних угроз – не должна пренебрегать ими.

Б. Нетаньягу, к сожалению, совершенно избегает говорить о религиозном сионизме. Для автора середины XX века, всей душой принадлежавшего либеральному политическому лагерю, это, наверное, естественно. Но в наше время, в период невиданного подъема фундаменталистских движений, уместно вспомнить, что религиозный сионизм возник раньше светского и в свое время мог бы быть назван фундаменталистским. Этим словом мы обычно называем безоглядную преданность исходным принципам, заложенным в Б-жественном Откровении. В религиозном сионизме эта преданность несомненно присутствует.

В соответствии с парадоксальной природой реальности все религии содержат в себе неразрешимые противоречия. Поэтому все они в своей традиционной практике вынуждены идти на

идеологически недопустимые компромиссы. Опять-таки поэтому фундаменталистские течения выигрывают благодаря схематизации Откровения в соответствии с ограниченным сегодняшним уровнем постижения своих сторонников.

Религиозный сионизм провозгласил жизнь и труд в Земле Израиля более фундаментальным принципом, нежели всё остальное, тем самым подчеркнув свою верность духу иудаизма в условиях, когда это противоречило общепринятой практике и букве учения о Мессии.

Впрочем, в XIX веке религиозный сионизм имел слишком мало сторонников, чтобы всерьез отпугнуть светское общество. Иначе его фундаменталистская основа сделала бы весь сионизм как политическое движение неприемлемым для тех еврейских (и нееврейских) либеральных кругов, в которых он черпал основную поддержку.

Однако именно религиозный сионизм имел дерзость найти внутри еврейского вероучения основания для отхода от средневековой позиции пассивного ожидания чудес. Интеллектуальное мужество этой небольшой группы обеспечило сионизму то зерно религиозного смысла, которое и сейчас сохраняет для него возможность укорениться в негуманном мире XXI века.

Так что ассимилированные «кабинетные интеллектуалы», о которых рассказал нам Б. Нетаньягу, отнюдь не из головы взяли свою заветную идею, а в значительной мере опирались на прочную религиозную традицию, не менее авторитетную, чем Коран. Более того, с некоторыми выдающимися представителями этой традиции они сумели найти общий язык и объединить усилия.

Таким образом, с самого начала сионизм оказался движением, полностью не укладывавшимся в рамки своего времени. Оно сложилось как эмансипационное течение во времена, когда это было актуально, но уже тогда содержало в себе фундаменталистский элемент, сообщавший ему неординарный характер. Именно эта неординарность дает современному движению шанс удержаться в реальности, в которой, возможно, не будет места привычным гуманитарным ценностям.

Гитлер, припадочный визионер, неоднократно подчеркивал, что он ведет мировую войну не с Россией или с Америкой, а с мировым еврейством. Хотя, с точки зрения людей западной цивилизации, это утверждение казалось свидетельством искажения картины мира в его мозгу, но именно оно оказалось вдохновляющей формулой, приемлемой для многих миллионов людей в те дни, когда остальные его идеи уже забыты. И сейчас определенное течение в исламе, всё еще живо переживая многовековой конфликт с христианской культурой, пытается превратить евреев в заложников своей борьбы из-за той фундаментальной роли, которую судьба евреев играет в обеих религиях.

Вся послевоенная история евреев и государства Израиль ясно показывает: борьба за их будущее – это борьба за тот или иной образ всего остального мира, как и предполагали Герцль и Нордау. Потому что судьба сегодняшних евреев и их государства вносит в устоявшиеся представления всех народов такие коррективы, которые требуют готовности пересмотреть самые фундаментальные принципы. Как бы антидемократические и антилиберальные силы во всех странах ни искажали для собственных нужд смысл и цели этого движения, они, однако, правильно видят сионизм как потенциально опасного противника. Еврейский народ приговорен к этой идеологии своей религией и судьбой, как члены царствующего дома приговорены к монархизму.

ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ИДИШКАЙТА И ХОЛОКОСТА:

ОПЫТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИСТОРИИ

Ī ġā ġāūāē dāāāēōēāē E. Āāōī āāōāī ā, Ā. Āāāūōēā, Ē. Ī ēāīōñē, D. Īōōāēū

ōūññ: ā ēāō ēōēūōōū āē ēāī āāā

Ī.: Ōāēñō; Ēāāāēī, 2006 – 558 ñ

Творческий союз «Текста» и «Лехаима» дал интересный результат, несколько неожиданный для обоих издательств, ранее не выказывавших особой склонности к академической продукции. Это перевод вышедшей несколько лет назад коллективной монографии под редакцией ведущих французских специалистов по европейскому еврейству и идишитской культуре, представляющей собой на редкость качественный обзор цивилизации ашкеназов, то есть сначала западно- и центральноевропейских, а затем центрально- и восточноевропейских евреев. Хронологически этот обзор доходит до Холокоста и его последствий, а начинается IX–X веками – периодом становления цивилизации, которое традиция связывает с именем Карла Великого, якобы выписавшего французским евреям духовного наставника из Вавилона, а главное, переселившего из Италии на Рейн очень влиятельное и ученое еврейское семейство, которое в дальнейшем на протяжении веков поставляло ашкеназам светских и духовных лидеров. В книге рассматриваются: а) юридический и политический статус, социальная структура и культура французского и германского еврейства в Средние века и раннее Новое время; б) жизнь и культурное наследие еврейских общин Нового времени как в традиционно ашкеназских регионах (Франция, Германия, Австрия, Литва, Польша), так и в ашкеназской диаспоре (Австралия, Южная Африка, Латинская Америка, США и Канада); в) европейские евреи в Новейшее время, их участие в социалистических движениях, их судьба в Советском Союзе; г) разнообразные варианты осмысления европейскими евреями XIX века собственной истории, религии и идеологии; д) идишитское культурное пространство; е) Холокост и его последствия для ашкеназской цивилизации.

Книга очень добротная, русским переводчикам и редакторам удалось даже справиться с проблемами, неизбежными в изданиях по иудаике, где нет единой устоявшейся традиции транскрипции имен и перевода терминов. Встречаются, конечно, ничем не мотивированные скачки с ивритских на греческие варианты имен и ошибки в транскрибировании еврейских топонимов и терминов (что, вероятно, объясняется тем, что перед нами перевод с французского), но в целом текст выглядит вполне достойно. Совершенно не обработаны библиографические списки, при составлении которых французские редакторы руководствовались прежде всего языковым критерием. В результате мы видим не слишком авторитетные французские работы и французские переводы английских исследований, русские же не то что исследования, но даже переводы классических трудов не указаны вовсе.

Несмотря на мелкие дефекты, книга представляет собой безусловную ценность на фоне относительного дефицита в России научной и учебной литературы по иудаике. Очевидно, что эта монография отлично подходит на роль если не учебника, то «дополнительной литературы» для университетских курсов по еврейской истории. Как и подобает учебнику, книга отнюдь не новаторская, а вполне традиционная и конвенциональная. В самом факте ее появления отразились любопытные академические тренды общемирового масштаба. Так, об истории крупнейшего сегмента европейского

еврейства решили написать европейские исследователи. В сборник включены работы израильских и американских специалистов, но большинство авторов, равно как и составители – французские ученые. Надо сказать, что в иудаике, при видимой взаимоподдержке и кооперации, существуют подспудные разногласия и конкуренция израильского, американского и европейских интеллектуальных центров. И то, что сборник был задуман в Парижском университете и создан во Франции, а израильские ученые внесли в него лишь скромную лепту, конечно же, весьма знаменательно.

Этот коллективный труд – памятник ушедшей (уходящей) цивилизации и пример еврейского антиглобализма. Шесть миллионов жертв Холокоста унесли с собой в могилу ашкеназскую культуру, а затем, в новой геополитической ситуации, стали размываться границы между еврейскими этносами и культурными типами. И вот группа ученых решила написать портрет этого уходящего этноса, представив не привычный горизонтальный (по периодам), а вертикальный срез еврейской истории – ашкеназы от Адама до Потсдама, от Карла Великого до Холокоста – и прослеживая последовательность и взаимосвязь событий на всем этом длинном хронологическом отрезке. За последние полтора века было доказано: специфически еврейская культура и цивилизация существовали, существуют и имеют самостоятельную ценность; теперь же проявился более частный подход и то же решили доказывать применительно к отдельным еврейским диаспорам.

Ашкеназ Ашкеназ

АЩЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМЕ...

Éîñò Óàèì Éàðóàèì è

Çàõîð: ààðàéñàÿ èñòîðèÿ è ààðàéñàÿ ï àì ÿòü

Ì.: Ì îñòó èóèüò óðü; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 169 ñ

Иудаика во многих отношениях отстает от западноевропейских гуманитарных наук: новые веяния, ракурсы, проблематики приходят сюда чуть-чуть позже. Но книга о еврейской истории и еврейской памяти, первое издание которой вышло в 1982 году, попала в струю.

Й. Х. Йерушалми – профессор иудаики Колумбийского университета, изначально специалист по испанскому еврейству, со временем занявшийся целым спектром областей, включая такие экзотические, как интерпретация библейских топосов во фрейдизме (!). В своей книге Захор («Помни») он затрагивает ряд весьма актуальных вопросов, волновавших не столько даже еврейских историков, сколько представителей европейской *nouvelle histoire*. Это коллективная, индивидуальная и историческая память, историческое сознание, его субъект и объект, специфика научной реконструкции прошлого, ее отчужденность от национальной памяти...

Научная злободневность, а также легкость изложения, сближающая труд Йерушалми с публицистикой, без утраты, однако, критического аппарата и научной тщательности, обеспечили этой небольшой книжке исключительный успех. Она стала практически бестселлером, выдержала несколько переизданий на английском и была переведена почти на десяток языков.

Итак, чему же учит своих многочисленных читателей профессор Йерушалми? Проводя различие между коллективной памятью (заимствуя это понятие у франко-еврейского социолога Мориса Хальбвакса) и собственно историографией, Йерушалми обозревает различные формы фиксации и трансляции памяти на протяжении всей истории еврейского народа и при этом утверждает, что – при исключительной развитости еврейской исторической памяти – историописание как таковое было развито чрезвычайно скромно и ценилось низко. И вообще, как ни сложно современному западному читателю в это поверить, но «интерес к истории, а уж тем более – ее фиксация в хрониках отнюдь не являются врожденной приметой любой человеческой цивилизации». Так, еврейская коллективная память в течение веков хранила отнюдь не факты текущей истории, а освященные традицией основы религии, культуры и нации, – новые же события если и замечались, то лишь как реновация давних, архетипических событий.

Современная еврейская историография в такой ситуации оказывается деревом без корней, и подход представителей историографии к своему прошлому являет собой «решительный разрыв с этим прошлым». Эта историография не венчает долгий путь развития еврейской культуры и не восходит – как европейская – к ренессансному гуманизму, а является плодом исключительно ассимиляционистской идеологии XIX века, то есть плодом отказа от традиционной еврейской культуры. Развитие этой историографии неизбежно сопутствует распаду еврейской исторической памяти.

Очевидно, что подобные выводы в высшей степени провокационны, и спровоцировали они вполне понятное возмущение еврейских историков, у которых Йерушалми отнял профессиональное

прошлое, отнял традицию! Критикам удалось нащупать в Захоре несколько существенных слабых мест. Это и отсутствие рабочих дефиниций ключевых понятий – истории, историографии, исторического сознания, – и размытость количественной или качественной границы между правилом и исключениями. Избегание сопоставления с нееврейской традицией, которое показало бы, что и еврейское «безразличие» к истории в Средние века, и трансформация еврейского исторического сознания в Новое время далеко не уникальны, – приводит к раздутости основных выводов, представлению их как сенсации, коей они отнюдь не являются.

Короче говоря, у Захора статус спорной книги. Много копий было сломано на ее счет, и вряд ли кто из современных профессоров еврейской истории будет рекомендовать ее как учебное пособие. Однако сама пена, поднятая вокруг Захора, свидетельствует в его пользу: прочитать эту книгу надо, ибо другой такой нет.

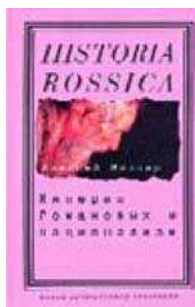
Ааааа Аааа

ПРОВАЛЕННЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Àëàéñé Ī èëëáð

Èì ìàðëŸ Ðñì àì ìáñó è ìàöèìáèèçì : Ÿññ ìì ì àòìáìéìæè èñòìðè: àñéìã
èññéáñìáì èŸ

Ī.: Ī ìáìá èèòáðàòóðì ìá ìáìçáì èá 2006 – 248 ñ

Вы, наверное, замечали, как в последнее время все – от кинорежиссеров до рекламщиков, от компаний сотовой связи до фигуристов, – следуя тщательно разработанному кем-то сценарию, не упускают случая напомнить гражданам России о том, что они – россияне и должны быть патриотами и гордиться своей великой страной. К сожалению, не единичны и другие, гораздо более радикальные и менее нормальные явления того же национально-патриотического ряда. На этом фоне полезно вспомнить об имперских националистических моделях и политиках русификации – ведь во многом на ту эпоху ориентируется постсоветская великодержавная Россия.

Алексей Миллер – профессор Центрально-Европейского университета в Будапеште и сотрудник ряда других европейских университетов; русист с определенным реноме на Западе; историк и политолог, пишущий на весьма животрепещущие темы («Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении», 2000). Он известен в кругах более широких, чем академические: читает публичные лекции в возрожденном из пепла бастионе московской интеллигенции – клубе «Билингва»; издает одну за другой монографии в модных интеллектуальных издательствах ОГИ и НЛЮ. Нас интересует новейшая его книга – «Империя Романовых и национализм», а точнее, одна из шести глав этой книги – «Империя Романовых и евреи».

Для русиста, касающегося еврейского вопроса как небольшого сектора более глобальной темы, Миллер хорошо владеет материалом, почерпнутым не столько из источников, сколько из монографий англоязычных исследователей, прежде всего Джона Клира, Дэвида Фишмана, Юрия Слезкина (хотя научная фундированность нашумевшей книги последнего – «Эра Меркурия» [The Jewish Century] – местами сомнительна). Эти полсотни страниц, где излагается история еврейского вопроса в России с XVI века, – но в основном, конечно, с эпохи разделов Польши, – достаточно насыщены фактами и интересны как обзорный очерк. Однако главное здесь – концептуальные акценты и методологические выводы автора.

Монография посвящена, прежде всего, методологии изучения национализма, и одной из центральных авторских идей является протест против заострения внимания на преследованиях, доминирующего как в еврейской историографии применительно к истории евреев в Российской империи, так и в других национальных историографиях «малых» народов, живших в составе тех или иных империй. Подобные историографии зачастую не стремятся изучить мотивацию имперских властей, воспринимая империю просто как институт подавления, по природе своей якобы нацеленный на дискриминацию этноконфессиональных меньшинств. Миллер смотрит на историю еврейского вопроса (равно как и польского, и других) с точки зрения политической прагматики – смогла ли империя Романовых использовать этот ресурс. По его мнению, нет; еврейский вопрос «провалили», но не в этом суть.

Главный пафос Миллера – в усложнении и дифференциации. Пусть от «синдрома жертвы» нельзя полностью избавиться, но нельзя же всё сводить к притеснениям и насилию и всё объяснять патологическим антисемитизмом властей. Надо помнить, что часть имперской бюрократии была вполне прогрессивна и стремилась к эффективной инкорпорации евреев в российское общество. Кроме того, еврейский вопрос решался не как Б-г на душу положит и не изолированно, а в тесной связи с польским вопросом, в зависимости от степени опасности народных настроений и динамики положения в западных губерниях. С другой стороны, если говорить уже не о гонениях, а о политике ассимиляции (не менее осуждаемой еврейской традиционной историографией, чем гонения), то следует иметь в виду активную роль в этом процессе значительной части еврейского общества.

Предложения нашего автора трудно назвать новаторскими. В последние десятилетия многие исследователи выражают протест против «плаксивой» концепции диаспорной истории и пытаются увидеть в своих героях не только объект, но и субъект, не только пассивных жертв, но и акторов истории. В этом отношении Миллер неоригинален; однако его очерк по истории еврейской политики династии Романовых исключительно ценен благодаря актуальному контексту – панораме национальной и националистической идеологии и практики имперских властей, политик дискриминации и ассимиляции в отношении прочих этноконфессиональных меньшинств.

Александр Аиди

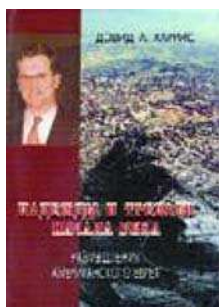
ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2006 ТАМУЗ 5766 – 7 (171)

ХОРОШО, ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!..

Áyàèä Ä. Ôàððèñ

Í àáàèäü è òðááîäë í à: àèä ááèä Ðàçì ù òèáí èý àì áðèèáì ñèîäü ááðäý

Èèáâ Áóó í èìòáðà, 2004 – 304 с

Дэвид Харрис – один из руководителей Американского еврейского комитета (АЕК), влиятельнейшей международной еврейской организации. В этом качестве он много лет в разных странах мира занимается правозащитной деятельностью, поддержкой статуса Израиля и прав евреев, развитием еврейского самосознания и борьбой с антисемитизмом и дискриминацией. «Надежды и тревоги начала века» – сборник эссе («писем») 2000–2003 годов, посвященных межнациональной и межконфессиональной розни, а именно арабо-израильскому конфликту, палестинофилии европейцев, арабскому терроризму.

Авторская позиция настолько очевидна, настолько ожидаема от американского еврейского функционера и настолько тривиальна, что трудно представить себе, как об этом можно писать на протяжении трехсот страниц.

Дэвид Харрис, что вполне естественно, является выразителем горячих проамериканских, произраильских и вообще проеврейских симпатий. Он, конечно же, настроен резко антиарабски – особенно после 11 сентября, – но его позиция остается гуманно-цивилизованной, ему далеко до Фалаччи. Он клеймит исламский терроризм и лицемерие палестинского руководства, а также осуждает некоторых западных политиков, принимающих заявления палестинских лидеров за чистую монету. Эти доверчивые политики проживают в основном в Европе, и Европа – в отличие от идеализируемой Америки – является объектом постоянной, хотя и сдержанной критики автора. Безусловно, Харрис, как человек культурный, отдает должное всяким тысячелетним камням и прочим шедеврам, но воспринимает мир настолько сквозь еврейскую призму, что в каждой европейской столице в первую очередь видит грустные мемориалы средневекового антисемитизма: улицы гетто, площади, где проводили аутодафе, вокзалы, с которых отправляли в лагерь. Европейские страны виноваты уже тем, что в них проживают статистически незначительные еврейские общины, гораздо менее влиятельные и менее защищенные, чем шестимиллионное американское еврейство.

Спикером этого еврейства и является наш автор. Он не устает воспевать Соединенные Штаты и восхищаться счастливой судьбой своих соотечественников и соплеменников: «Мы <американские евреи> так счастливы, что живем на земле, которая приняла нас и приветствовала наше полное участие в жизни страны... С каждым прожитым здесь днем <...> я всё больше и больше осознавал уникальную силу Соединенных Штатов, американской еврейской общины и Американского еврейского комитета». Харрис исповедует истинно американский оптимизм (отнюдь не еврейскую универсальную грусть) и верит, что, несмотря на происки недругов и насмешки скептиков, неугасаемую ненависть палестинцев и индифферентность, если не враждебность европейцев, победят силы добра – в лице Израиля, Америки и американского еврейства, возглавляемого АЕКом. Все очерки в этой книге посвящены той или иной проблеме – терроризму, дипломатической изоляции Израиля, новому случаю дискриминации или

антисемитской выходке, – но заканчиваются они неизменным по pasara€n – pasaremos: «...нет сомнения в том, что Израиль и еврейский народ (и, конечно же, АЕК) продолжают упорно добиваться успеха и добьются его».

На каждой странице звучит этот позитивный настрой, автор не устает расписываться в преданности своей работе и гордости за свою организацию. Вот только в искренность его благородных чувств современному искушенному и циничному читателю поверить, к сожалению, трудно.

Ааааа Аааа

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2006 ТАМУЗ 5766 – 7 (171)

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ

Yòãñð Èãðìò

Ì ãðããã ñ èãðè ò à Èèí ì ð Áíðãèèé

Àçíãñ ù

Ì .: Yèñ ì, 2004 - 224 ñ

Хотя «Азъесмь» и обозначен как «роман», на самом деле это сборник, состоящий из маленьких рассказов и небольшой повести, которая как раз и называется «Азъесмь». Четвертая книжка израильского писателя Этгара Керета (р. 1968) в оригинале называется «Вторая попытка» – по названию последнего из рассказов.

К сожалению, издательство «Эксмо» допустило досаднейшую ошибку, указав, что тексты Керета переведены с английского, на самом деле это перевод с иврита, выполненный Линор Горалик – известной поэтессой и писательницей, одним из лучших современных переводчиков с иврита.

Стиль прозы Керета критики называют постмодернистским абсурдизмом. И действительно, если посмотреть на внешнюю канву его текстов, на сюжеты – абсурдизма здесь более чем достаточно. Любимая девушка, которая по ночам превращается в некоего толстячка с золотым кольцом на мизинце, любящего рестораны и футбол. Говорящая рыба на столе, пребывающая в депрессии. Муж и жена, у которых родился маленький пони вместо ребенка. История жизни и гибели людей на Луне. Это сюжеты примерно половины рассказов, представленных в книге. Остальные – просто житейские истории о самых обычных людях, которых волнуют обыкновенные проблемы – жизнь, смерть, любовь. Написано всё это с мягким, теплым, слегка печальным, как сама жизнь, юмором.

В том-то и дело, что его писательская манера совершенно одинакова – это касается и тех историй, в которых происходит что-то необычное, и рассказов «просто о жизни». Также не отличаются друг от друга и герои этих «обычных» и абсурдистских рассказов: это студенты, солдаты, бизнесмены; как правило, молодые люди, не особо выдающиеся, но всегда вызывающие читательскую симпатию.

Истории о простых людях, которыми изобилует мировая литература, никогда не устаревают, потому что несут в себе некую реальность, всегда новую. В рассказах Этгара Керета это израильские реалии.

Кажется, несмотря на некоторую анекдотичность историй и одновременно их похожесть, несмотря на одинаковость принципа письма и странные сюжеты, всё это для Этгара Керета – способ подчеркнуть чудо обыденности, невероятность ежедневности, которая ежесекундно происходит с самыми обыкновенными представителями этого, необыкновенного по определению, мира.

Àãð Ðãããã

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2006 ТАМУЗ 5766 – 7 (171)

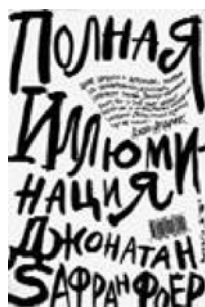
КНИГА О СИЯНИИ СМЕРТИ, ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Äæííàòáí Nãôðáí Óíáð

Í áðááíä ñ áí äë. Áàñëëëÿ Áðéáí íáá

Í íëíàÿ èëëþí èíáòëÿ

Ì.: Ýéñ í, 2005 – 352 ñ

Дебютный роман молодого американского писателя, родившегося в 1977 году, без преувеличения, поражает.

Начнем с того, что это очень зрелая в писательском отношении книга. Сложно построенная композиция, блестяще исполненная целым арсеналом разнообразных стилистических приемов, а сюжет при этом базируется на самой естественной для любого человека предпосылке: лирический герой хочет узнать историю своей семьи и для этого отправляется в путешествие.

Собственно, в книге лирических героев двое. Первый – американец еврейского происхождения, приехавший в Украину, чтобы найти местечко, где жили его предки, и некую Августину с фотографии, что дала ему бабушка: на ней запечатлена семья, спасающая бабушку от нацистов. Второй герой – тот, который первого в этом путешествии сопровождает вместе со своей бабушкой: это житель Украины, от чьего лица написана почти вся книга. Поскольку по-английски он говорит не очень хорошо, то речь его получается достаточно колоритной (тут можно порадоваться замечательному переводу Василия Арканова, прекрасно воссоздавшего эту «высокую безграмотность» на русском языке).

Пока длится путешествие, рассказывается история штетла, чем-то напоминающая повествование Г. Г. Маркеса о Макондо. Здесь во все времена жили самые разные люди, они любили друг друга, страдали, умирали и рождались вновь... Сейчас же на месте штетла – лишь бескрайнее голое поле, больше ничего. Приводит их туда единственная оставшаяся в живых старушка, оказавшаяся, между прочим, любовницей дедушки нашего героя, которая на вопрос: «Где Трахимброд?» (так назывался штетл), в конце концов отвечает: «Я – Трахимброд. Больше никого не осталось».

Можно много чего знать о Холокосте – цифры, факты, – но когда читаешь об этой тайне, открывшейся нашим героям в конце повествования, тебя охватывают одновременно ужас, трепет и – непонимание: невозможно признать, что это возможно! Возможно заставить каждого плевать на свиток Торы под угрозой убийства его семьи, а потом и его самого (кто-то при этом плюет, а кто-то – нет); возможно требовать, чтобы каждый – по очереди – показывал, кто здесь еврей, иначе – выстрел! И бабушка героя... показывает на своего лучшего друга, выбирая жизнь жены с маленьким ребенком. Возможно, наконец, загнать почти всех в синагогу и поджечь ее – вот такая в этой книге «полная иллюминация»...

Книга эта зрелая не только в писательском отношении, но и в человеческом. Она не оставляет мрачного, беспросветного чувства, хотя описанного здесь хватит, чтобы разувериться во всем на свете. С

некоторыми персонажами книги именно это и произошло: один, например, которому удалось бежать, возвращается в свой штетл через два года: здесь уже никого и ничего нет, но он пришел, чтобы найти Мессию, поскольку, по его мнению, произошел конец света. Другой герой до конца жизни не может понять: как Великий Творец допустил всё это? Значит... Его нет?

И тем не менее ощущения полного мрака после прочтения всё-таки не остается. Напротив – наступает катарсис, очищение: столь редкое состояние для сегодняшней литературы. Наступает даже нечто большее: чувство необъяснимого сияния истины, бытия и любви – против мрака, гибели, зла и смерти.

ХРОНИКА

1 июня в Новом еврейском общинном доме (НЕОД), состоялась презентация книги «Тысяча лет культуры ашкеназов» (см. рецензию в нынешнем выпуске «ЕК»). В презентации приняли участие известный ученый-историк Рашид Капланов, исполнительница песен на идише Евгения Славина, филологи Галина Элиасберг и Борис Лахман, историк Артур Клемперт. Вечер вела филолог и журналист Александра Гордон.

Рашид Капланов в своем выступлении рассказал о первом «знакомстве» с французским оригиналом книги: в 1994 году французское издательство обратилось к нему с просьбой о рецензии. А в 2003 году издательство «Текст» предложило Рашиду Капланову перевести эту книгу вместе с историком Еленой Лебедевой.

Рашид Капланов отметил необычайно широкую географию сборника и охват эпох, а также высокий профессионализм авторов – ученых с мировой известностью. Высоко оценив научное значение книги, в особенности глав, посвященных Хаскале, ортодоксальному иудаизму и мистическим течениям в иудаизме, одним из немногих недостатков сборника он назвал некоторую односторонность библиографического списка. В завершение своего выступления Рашид Капланов заявил, что мечтает увидеть на русском языке аналогичное издание, посвященное культуре сефардов.

Ведущая презентации, журналист и филолог Александра Гордон отметила: «Книга составлена таким образом, что серьезные научные исследования соседствуют в ней со статьями публицистическими. Приводится ряд сенсационных и малоизвестных фактов. В частности, рассказывается о том, что перед войной польское правительство Пилсудского обращалось в Лигу Наций и обсуждало вопрос о возможной депортации евреев из страны». Вместе с тем, по мнению Александры Гордон, в книге недостаточно информации о еврейской светской музыке, архитектуре и живописи.

Историк Артур Клемперт заявил: поскольку в XX веке произошел массовый отход евреев от традиции, рассматривать культуру ашкеназов XX века следует отдельно. Филолог Борис Лахман, возглавляющий «Идиш-клуб», в своем выступлении рассказал о тех, кто изучает идиш в современной России – среди них есть как пожилые люди, желающие вспомнить язык своей юности, так и молодежь, которая хочет читать еврейских классиков в оригинале. А историк Галина Элиасберг выразила мнение, что сборник чрезвычайно интересен, поскольку свой взгляд на проблемы, связанные с иудаикой, в нем высказывают крупнейшие ученые разных поколений.

БИБЛИОГРАФИЯ: КНИГИ ИЗРАИЛЯ

Аппельфельд А. Цветы тьмы (Пирхей ха-афела). Кетер, 2006. – 265 с.

Герой повести – 12-летний еврейский мальчик Хуго, скрывающийся в доме украинской проститутки в годы нацистской оккупации. Повесть автобиографична (нелишне вспомнить, что Аппельфельд родился в Черновцах, где в первые дни войны была убита его мать, а отца он потерял на дорогах Украины, – по которым евреев гнали в неведомое им гетто, – с тем, чтобы обрести его потом в Израиле). Со свойственной Аппельфельду прямоотой и выразительностью он рисует невзгоды Марьяны, которая, принимая на себя все мерзости жизни, пытается оградить от них подростка и сохранить в нем веру в добро.

Бар-Зохар М. Как феникс: Шимон Перес – биография (Ке-оф ха-холь). Йедиот ахронот: Сифрей хемед, 2006. – 782 с.

Автор известен русскоязычному читателю своей биографией Давида Бен-Гуриона (Иерусалим: Библиотека-Алия, № 105–106). Новое биографическое повествование об одном из ведущих израильских политиков особенно подчеркивает два аспекта личности Переса: неуклонное, граничащее с фетишизмом служение идее «мира на Ближнем Востоке» и почти столь же последовательное стремление оставаться политическим лидером, даже если для этого необходимо сменить партийную принадлежность.

Гроссман Д. Львиный мед: рассказ о Самсоне (Дваш арайот: сипур Шимшон). Йедиот ахронот: Сифрей хемед, 2005. – 138 с.

Израильский писатель, чья книга для юношества «С кем бы побегать» пользуется популярностью и в оригинале, и в русском переводе Никола Зингера, на сей раз обратился к библейскому рассказу о богатыре Самсоне. Герой, разрывающий льва, уносящий на могучих плечах ворота Газы, выведен Гроссманом как герой страдающий: его гнетет и то обстоятельство, что он – Б-жественный избранник, и неопределенность родовой самоидентификации.

Мошкович-Вайс Э. Ты тоже можешь! (Гам ата яхоль!) Йедиот ахронот: Сифрей хемед, 2006. – 204 с.

Антиутопия, описывающая жестокую хищническую цивилизацию на месте нынешнего Израиля в 2039 году. Автор утверждает, что нарисованная ею картина – это лишь органическое продолжение нынешней ситуации в стране, где процветают эгоизм, прагматизм и жажда наживы, где нет места любованию красотой природы или поэзии. Несмотря на претензию на художественную прозу, книга воспринимается скорее как памфлет, шаблонный и потому не страшный, тем более что «акулы капитализма», которые мерещатся автору в недалеком будущем, до чтения ее романа вряд ли снизойдут.

Херт А. А солнце грело нам спину (Ве-ха-шемеш химмема лану эт ха-гав). Йедиот ахронот: Сифрей хемед, 2006. – 271 с.

Женская проза в Израиле последние два десятилетия пользуется огромной популярностью. На этот раз читателя ждет семейный роман, написанный с позиции девочки, выросшей в распавшейся семье. Отца нет, и неизвестно, где он; с матерью живет чужой человек; после нелегких скитаний девочка выбирает дом тети Гертруды, застенчивой старой девы из немецких евреев, живущей в Хайфе. Неподдельная искренность повествования не может не вызвать сочувствия в читателе и заставит его лишней раз задуматься о ценности семьи.

Шапира А. Танах и израильская идентичность (Ха-Танах ве-ха-зехут ха-исраэлит). Иерусалим: Магнес: изд-во Еврейского университета в Иерусалиме, 2006. – 175 с.

Небольшая, красиво оформленная плакатом израильского художника Зеэва Рабана книга составлена профессором Тель-Авивского университета Анитой Шапира и содержит, помимо эссе автора, тринадцать републикаций на тему «сионистское отношение к Танаху». Среди авторов – Давид Бен-Гурион и Ахад-Хаам, директор легендарной гимназии «Герцлия» Бен-Цион Мосинзон и педагог Залман Эпштейн, писатели Яков Фихман и Эхуд Бен-Эзер, еврейские деятели просвещения. Концепция Аниты Шапира сводится к тому, что Библия еврейского народа стала главным источником для самоидентификации жителей Страны Израиля: они шагали по библейской земле, говорили на почти библейском языке и брали за образец деяния библейских героев. Воспитание сионистов по библейским канонам заменило религиозный аспект Писания и изменило духовную жизнь еврейской диаспоры, причем идеологом и проводником в жизнь подобного воспитания стал всевластный Бен-Гурион. Однако когда после кровопролитной войны Судного дня ореол героики заметно потускнел, когда цена земли Израиля вдруг получила пугающее выражение в количестве павших, Танах потерял свою актуальность. Израильтяне не хотели больше сражаться и погибать, не видели причины жертвовать собой ради абстрактных идеалов народа и государства. И Танах стал книгой для чтения, сокровищницей архетипов и непревзойденным художественным образцом, то есть достоянием небольшого круга интеллигенции.

Эфрат Г. Как у себя дома (Ке-бе-тох шело). Йедиот ахронот: Сифрей хемед, 2006. – 317 с.

Книга, исследующая сюжеты Танаха с точки зрения современного читателя, знакомого с античной и западной философией, историей искусств и методами литературного анализа. Воспитанный на эклектичном мышлении постмодернистов XX века, автор находит неожиданные смысловые ракурсы в еврейском классическом памятнике.

С'у Ёт'аэм аї

МОШЕ

Илана Арци

Окончание. Начало в № 1–6, 2006

אַיֵי אֶנִּי עֲוֹבִי

... – А теперь, Моше, – сказал Ашем, – взойди на гору Аварим и посмотри на землю, которую Я дам евреям. Сам ты в нее уже не войдешь!

– Раз так, Г-споди, назначь над общиной нового руководителя, чтоб не были они, как овцы без пастуха.

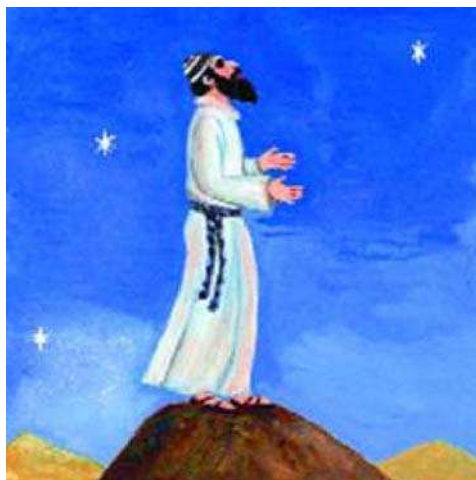
– Йеошуа, сын Нуна, возглавит народ, – ответил Ашем. – Возложи на него руку и дай ему повеление на глазах у всей общины. Он будет стоять перед Элазаром-коэном и задавать вопросы. Через волшебный нагрудник-урим Элазар получит ответы для него.

Не забудь отомстить мидьянтянам за сынов Израиля, которых они погубили! Вой с ними. После победы приобщишься к народу своему, как твой брат Аарон. Народы Амон и Моав не трогай.

– Почему?

– Они – Амон и Моав – потомки Лота. Я не дам тебе их землю во владение, хотя они это и заслужили. Неблагодарные! Ведь Авраам – ваш праотец – спас своего племянника Лота из плена. Они не помнят добра. Это на их совести... Ладно, пусть они того не стоят, но Я оставляю им землю во владение.

Во главе войска поставь Пинхоса. Он начал благое дело, пусть сам его и завершит! Дай ему с собой ковчег Завета и коэнский начелок с Моим именем.

Тут же обратился Моше к народу:

– Снаряжайтесь на войну с Мидьяном, да свершится над ним возмездие Ашема! Пошлите по тысяче человек от колена!

Евреи узнали, что Моше умрет после победы, и никто на эту войну собираться не пожелал:

– Мы – не трусы, но воевать не пойдем! И не проси, и не настаивай! Ты нам нужен живой!

– Ах вы!.. Вспомните тех, кто остался в Египте! Что с ними стало?

Против воли отделили рекрутов. Война же была необычна. При помощи колдовства цари Мидьяна и с ними Билам летали в воздухе. Но Пинхос навел начелок с именем, и они все рухнули на землю.

Возвратились воины из похода. Привели с собой добычу: женщин, детей, скот и прочее.

Моше принялся их ругать:

– Как вы могли оставить в живых этих жен?! Ведь именно они склоняли вас к идолопоклонству! Из-за них был мор в святой общине!

Сами неделю очищайтесь вне стана. Очистите также пленников, всю одежду, предметы из кожи, шерсти и дерева, золото, серебро, медь, железо, олово и свинец проведите через огонь. Всё остальное – через воду.

Обратились к Моше военачальники:

– Нет у нас потерь! Хотим принести в жертву Ашему золото за наши души!

Приблизились к Моше сыны Реувена – Гада и Менаше:

– Тут хорошее место для наших стад. Если обрели мы милость в твоих глазах, пусть дана будет слугам твоим эта земля во владение; не переводи нас через реку Иордан.

– Ваши братья пойдут на войну, – возмутился Моше, – а вы будете здесь, в тылу, отсиживаться?! Да и других зачем отвращаете от перехода на Святую землю, которую дал нам Г-сподь? Вспомните! Сорок лет назад из-за ваших отцов мы уже в нее не вошли!

– Господин наш, мы только загоны для стад и города для детей построим, и тут же на войну вместе со всеми снарядимся. Не вернемся к домам нашим, покуда не вступят сыны Израиля каждый в свой удел, а нам выдели землицу к востоку от Иордана.

– Если исполните, что обещали, то будет этот край вашим. Стройте только сначала города для ваших детей, а уж потом – загоны для скота.

Затем Моше обратился ко всему обществу:

– Слушай, Израиль! Ты переходишь Иордан! Города там укреплены до небес. Но перед тобой пройдет Ашем и испепеляющим огнем истребит всех великанов, населяющих землю. Он исполнит клятву, данную твоим отцам: Аврааму, Ицхаку и Якову.

Израиль! Ашем просит только об одном: идти Его путями, служить Ему искренно и честно. Соблюдайте законы, которые Он заповедует. Тогда будет у вас дождь ранний и поздний. Эта земля полностью зависит от росы и дождя. Не гневите Ашема! Не то запрет Он небеса, и не будет дождя, и земля не родит, и вы уйдете в изгнание из этой благодатной земли, которую Г-сподь дарует вам.

Когда войдете в землю и изгоните племена, то уничтожьте все их капища и кумирные деревья.

Приходите на место, которое избрет Ашем, и приносите жертвы и десятины ваши, а также добротные дары и первородных от скота. Ешьте там перед Г-сподом и радуйтесь с вашими семействами, тому, чем благословил вас Ашем. Пусть с вами радуются и левиты, ибо нет у них доли и удела с вами.

И еще запомните: когда закалывать будете скотину, то крови не ешьте! Вылейте ее на землю,
как воду!

Кровь – душа!

Не ешьте души вместе с мясом! Не ешьте ее, чтоб хорошо было вам и детям вашим после вас!

На гору Синай Моше поднимался три раза.

Первый раз получил скрижали, выполненные Самим Ашемом.

Второй раз вымолил прощение для народа.

В третий раз он сам выпиливал новые скрижали, а заповеди писал Ашем.

А на гору Нево взошел – с тех пор его больше никто и никогда не видел.

Умер Моше, как и родился, седьмого адара.

Оплакивал его народ Израиля тридцать дней.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2006 ТАМУЗ 5766 – 7 (171)

ДУХОВНО (БЕЗ)ОПАСНОЕ ИСКУССТВО

Михаил Не-Коган

29 мая в Московском еврейском общинном центре открылась галерея работ Елены Флёровой «Тора и история».

Творческий путь художницы длится уже около сорока лет. В 1969 году она с отличием окончила Государственный художественный институт им. Сурикова, в 1976 году вступила в Союз художников СССР. В 1972 году Е. Флёрова была награждена серебряной медалью Академии художеств СССР, через год получила серебряную медаль ВДНХ. В 1986 году ее удостоили первой премии «Лучшая книга» в издательстве «Детская литература».

Работа в еврейской галерее Нью-Йорка с 1991 по 2005 год пробудила в Е. Флёровой интерес к традициям и вере еврейского народа, что нашло выражение во множестве работ на эту тему (в МЕОЦе представлена лишь их часть). Помимо наград, полученных художницей и в США, она удостоилась признания тех, о ком и для кого пишет.

Обо всем этом говорилось и на открытии выставки, идея которой принадлежит председателю Федерации еврейских общин России Иосифу Кобзону. Он заметил, что «раньше евреи могли найти иудаику только в антикварных магазинах, а теперь у нас есть художница, полная сил и творческих планов, в активе которой уже более ста полотен на темы иудаизма». Главный раввин России Берл Лазар обратил внимание на духовную сторону этой живописи: «Какая разница между фотографией и картиной? Фотография показывает внешний облик, тогда как картина отображает переживания героев изнутри. Того, что мы видим на картинах Елены Флёровой, нам очень не хватает в сегодняшней жизни. На них изображены наши предки – они жили очень бедно, – зато посмотрите на их лица, сколько теплоты и духовности!»

Теперь часть ее картин, посвященных культуре и истории еврейского народа, будет экспонироваться в общинном центре постоянно.

В России признание творчества Е. Флёровой выразилось в целом ряде полученных ею общественных наград: ордене Петра Великого I степени, международной премии «Великая Россия. Имена», премии имени Михаила Ломоносова, ордене Михаила Ломоносова, ордене «Меценат России». Многие из них учреждены общественной Академией проблем безопасности, обороны и правопорядка (АБОП), которая фактически стала вторым, коллективным героем этой презентации (между прочим, среди наград этой академии есть и орден Андропова).

На открытии выставки все награждали друг друга. Президент АБОП, председатель комитета общественных наград России Виктор Шевченко вручил И. Кобзону орден Михаила Ломоносова. Федерация еврейских общин России и Московский еврейский общинный центр наградили И. Кобзона почетной грамотой. Елене Флёровой В. Шевченко вручил орден Екатерины Великой. ФЕОР и МЕОЦ вынесли Е. Флёровой благодарность за создание экспозиции «Тора и История». Президента АБОП В. Шевченко ФЕОР и МЕОЦ наградили почетной грамотой. В свою очередь, АБОП наградил орденом Михаила Ломоносова главного раввина России Берла Лазара. Наконец, за огромный вклад в возрождение искусства и культуры российского еврейства и за участие в организации выставки «Тора и история», а главное, за создание стихов на темы картин Е. Флёровой почетной грамотой был награжден президент департамента по безопасности в области культуры и духовного образования АБОП Ефим Петров. Эти стихи «были одобрены религиозным советом марьиноорощинской общины для публикации в каталоге выставки “Тора и история”». «Душевная живопись воспринимается в равности с духовной поэзией, – несколько косноязычно говорилось в пресс-релизе. – Альянс художника и поэта – большой импульс, который позволяет глубже заглянуть во внутренний мир человека и почувствовать его изнутри».

Открытие привлекло многочисленную публику: пришли председатель Союза театральных деятелей России Александр Калягин, актеры Борис Хмельницкий, Станислав Садальский, посол Хорватии в России Божо Ковачевич. Среди гостей были послы зарубежных стран, члены парламента, руководители финансовых структур.

Но вот торжественная часть закончилась, и наконец мы могли посмотреть то, о чем говорили уважаемые люди.

И что же мы увидели?

Все как одно благообразные просветленные лица, румяные губки и щеки детей, умиленные лица матерей, расплывчатый фон, смещенную перспективу, слегка искаженные масштабы. Что это напоминает?..

«Величие художественного таланта художника позволяет проникнуться его пониманием душевной красоты изображенного им человека и потом долго, годами сохранять в памяти увиденное произведение. Эти замечательные картины трогают до глубины. В портретной живописи при абсолютной

точности в передаче внешнего облика художник передает внутреннюю духовную жизнь человека. Живая реальность, воплощенная на холсте, являет миру таинство одухотворения художественного образа, которое вступает в безмолвную беседу со зрителем». Так писали критики об Александре Шилове.

«В его работах – классический романтизм времен Ренессанса и морские дали любимого им Тернера, сюрреализм Сальвадора Дали и Магритта. По собственным словам художника, он – талантливый бизнесмен, взявший на вооружение принцип Сальвадора Дали “рисовать то, как ты видишь и чувствуешь, а не как надо по правилам” (отсюда и столь привлекательная эклектика его картин)». Так писали о Никасе Сафронове.

Елена Флёрва вполне вписывается в этот ряд салонных живописцев, полотна которых можно увидеть не только в галереях, но и прогуливаясь по Арбату. Принципиального различия между ними нет. Секрет такого рода искусства – в умелом сочетании тематической востребованности и стилистической эклектики, что, конечно, требует известного профессионализма.

Флёрва пользуется стилистическими приемами разных эпох. Самые любимые ее образцы – европейские художники Возрождения. В «Зажжении свечей» без труда угадывается Вермеер, в «Зиме» – П. Брейгель, в семейных сюжетах – католические иконы. Сильно влияние и русской традиции: так, пейзаж в «Иерусалиме» отсылает нас к «Христу в пустыне» Крамского, а все дети и женщины – ко всем детям и женщинам Венецианова. Этот ряд можно продолжить, но вот что действительно интересно: еврейскую жизнь Флёрва изображает теми средствами европейской (в том числе русской) живописи, которые восходят к церковной иконографии. Приемы эти широко распространены в салонном искусстве (достаточно вспомнить, как Шилов изобразил водочного магната Брынцалова и его жену в виде ангелов), однако применительно к иудейской тематике они несут в себе концептуально взрывную новизну, внутренне полемичную по отношению к традиции иудаизма. Интересно, понимает ли это сама художница? Есть два типа искусства. Одно показывает человека таким, каким он хочет себя увидеть; другое открывает человеку что-то новое, чего он до сих пор не знал и не видел. Одно пользуется уже найденными художественными языками; другое создает свой собственный, которым потом пользуются другие. Работы Е. Флёрвой – хороший знак для еврейства: салон всегда культивирует то, что модно, престижно. Однако обольщаться насчет художественных достоинств этих произведений не следует: перед нами профессиональная, но вполне заурядная, лишенная эстетической новизны живопись, единственное оправдание которой – тематическое. Совсем другое дело так называемые «стихи» Ефима Петрова, включенные в каталог: это не просто бездарная, но редкостно, почти неправдоподобно безграмотная галиматья.

Ó èàæáíáí áñòüá æèçí è ÷áñòáá,

Íí è íò èðíóú í àòáðíð íòòíí,

È áðáòüíí è, èðáüí è á èíñéáííòáá,

Íò Óíðú, í úíñéá è ááðáíá

È èàæáíé, ñòðáí ÿù èéíí' è ó:áí úð,

Í áñò á íááá èðáíáí á èðááè,

Ááá íí úò æèçí áí í úé á òáíðáí úá-

Ñááí' ó:ááíé èçí óòðé.*

Комментарии здесь излишни, и подобные перлы щедро рассыпаны по страницам каталога. Механизм сочинения таких «стихов» прост: смотри на картину и почаще повторяй слова «Тора» и «любовь». Можно только удивляться, как подобная никчемность была «одобрена советом марьинорошинской общины» да еще награждена грамотой. Если бы такие стихи принесли в подарок мне, я бы счел это за издевательство. Всё-таки евреи обладают поразительной способностью глубоко проникать в букву и дух тех языков, среди которых живут. Достаточно вспомнить польского еврея Дитмара Эльяшевича Розенталя – образцового кодификатора современной русской грамматики, по учебникам которого учатся и будут долго учиться десятки миллионов людей. Не говорим уж о великих русских поэтах Мандельштаме, Пастернаке, Бродском. И после этого – Ефим Петров, человек, который, судя по всему, не прочитал в жизни ни одной стихотворной строчки (иначе бы постыдился печатать такую чепуху)? Вот он – путь отечественной поэзии: от академика Ломоносова до «академика» Петрова!

То, что Елена Флёрва поместила подобные опусы в своем каталоге, делает ее соучастницей этого поэтического преступления. Мы же теперь знаем, как представляют себе искусство многочисленные борцы за «безопасность» во всех сферах нашей жизни: в лучшем случае – как салонную поделку, в худшем – как бесстыдную подделку. Но, как ни рекламируй самого себя (в начале каталога помещено около 80 снимков Флёрвой и Петрова с разного рода знаменитостями), духовно безопасное искусство имеет к настоящему искусству отношения не больше, чем безопасный секс к любви. А вот вкус оно портит, подменяя творческое дерзновение бесплодной имитацией процесса, и в этом заключается его подлинная опасность.

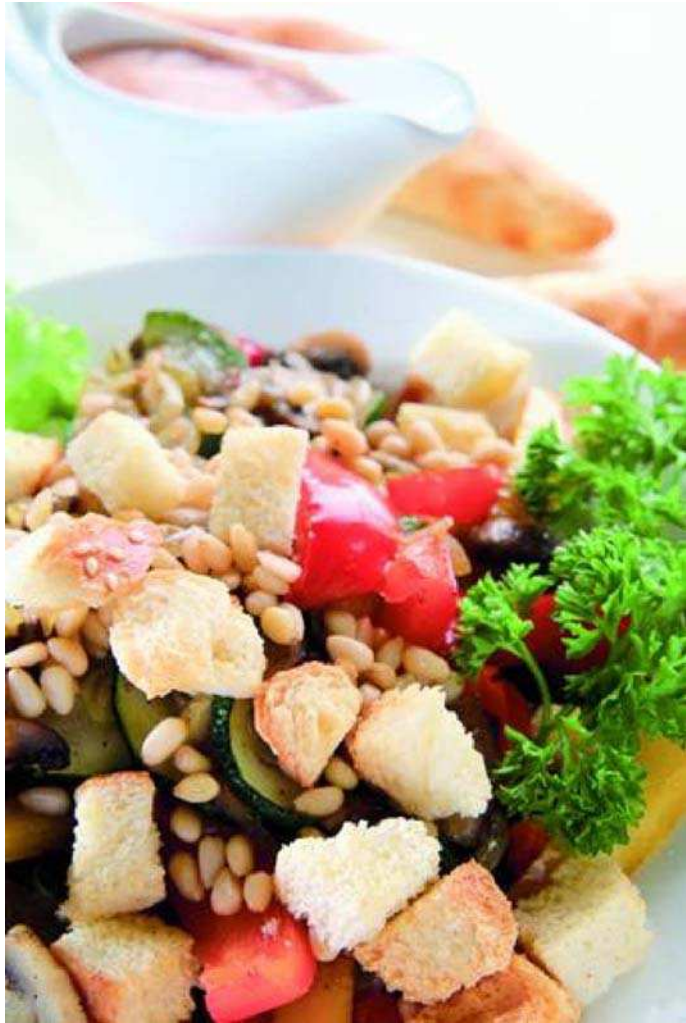

* Ἰδαίη ἐπιεία ἰδεῖ ἀεὶ ἄε μὲν αἰ αἰ.

ГОРЯЧИЙ САЛАТ

י אדם אדם יא

*נאמא יא סא-ייאם יןפראפרא סאנדיאלי «עילא» ידם י אילוא יאם נאמא יעע
י דאעאאם מעם, י ייעע יוע א י ימ יוע דאלי יוע סאנדיאלי אס ערדאעע. י עיע י אאאאם עס יארא יוע
אפרא י ייאע ימ א ערדאע ייעע אאאאדעא ייעע עס יא צא יאאא י ייעע י ינודו יא ויעיע
אאאאדעא יא, י י ייאא י י נאמא יעע א י ייע יוע אע יא אפרא י י ינודו יא*

*עיל י ייא יוע: עאא-עע עעע וועעיע - 1 סם., י י יע יוע «-אדם» - 10 סם., דא י-אוע יוע - 1
סם., עדא י יוע, צא י יוע י אע יוע א יע יוע י אדא - י י 1 סם., אדא י - 100 א י יע יוע - 50 א יוע י - 50
א י יוע י-א י יוע י אדא י י אע י, עא י יא י אדא - 50 א יוע י יא אדא - 50 א י יא י י י - 50 א*

Приготовление на огне занимает 5–6 минут. В кастрюле или сотейнике разогреть до 80 градусов 50 г подсолнечного масла. Положить сначала тонко нарезанный, как для жульена, лук. Затем добавить очищенный от кожуры и нарезанный кружками кабачок, нарезанный полукольцами перец, «черри», а в конце – грибы. Выключив огонь, добавить в салат измельченный укроп, сельдерей, молотый черный перец и соль. Тщательно перемешать. Посуду закрыть крышкой и 5–6 минут выдержать.

За это время в горячем масле овощи доходят до стадии, на кулинарном языке называемой «меоде». Это значит, что они проварены или, как в нашем случае, прожарены не полностью, а до 80-процентной готовности и сохранили свои вкусовые качества, форму и цвет.

Желающие придать салату пикантный вкус могут нашинковать острый красный перец и добавить в кастрюлю с овощами после того, как ее сняли с огня.

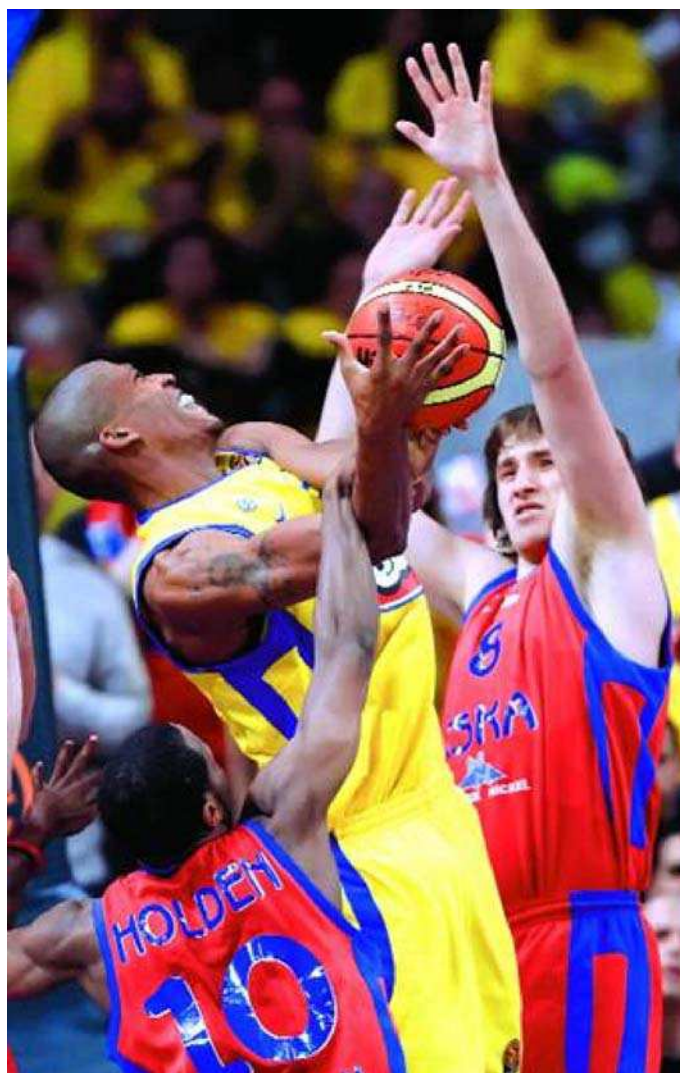
Выложив на тарелку, салат поливают соевым соусом, обсыпают кедровыми орехами и сухариками. На иврите это блюдо называется «салат хам».

В качестве аналога можно назвать салат, состоящий из тушеной капусты, болгарского перца трех цветов, грибов, а также корня сельдерея и корня петрушки, богатых витаминами.

«МАККАБИ» (ТЕЛЬ-АВИВ): ВТОРОЙ В РОЗЫГРЫШЕ ЕВРОЛИГИ

Марк Либовин

Тель-авивский баскетбольный клуб «Маккаби» в шестой раз за последние семь лет вышел в финальный турнир Евролиги – достижение очень большое. Два года подряд до прошедшего в Праге турнира «Маккаби» завоевывал этот почетный трофей континентального баскетбола. Главный тренер команды Пини Гершон перед отъездом в Прагу сказал, что предстоят серьезнейшие матчи с отличными баскетбольными коллективами и что «Маккаби» сделает всё возможное, чтобы и на этот раз привезти Кубок Европы в Израиль.

Ажиотаж в стране перед началом соревнований был огромен. Тысячи людей любыми способами пытались купить билеты в Прагу и на игры «турнира четырех». Израильяне брали ссуды в банках, залезали в долги, лишь бы приобрести заветные и совсем не дешевые билеты. Точно никто не знает, но, по самым скромным подсчетам, речь идет о 9–10 тыс. болельщиков, приехавших из Израиля в Прагу, – цифра невероятная. Еще несколько тысяч человек приехали из других стран поболеть за любимый клуб.

«Маккаби» провел непростой сезон. Команда потеряла трех ведущих игроков (Ясикявичус, Шелаф, Томас), «наигрывала» новых баскетболистов (Соломон, Арнольд, Сасон) и новые тактические схемы. Это отражалось как на качестве игры, так и на результатах, которые были нестабильны. Сказывалась и психологическая нагрузка на баскетболистов, которые уже много лет подряд выдерживают тяжелейшие сезоны: 70–75 игр за 7–8 месяцев.

У израильской команды действительно огромный опыт международных турниров, прекрасная организация всех структур клуба и блистательный тренер Пини Гершон – человек со сложным характером, не знающий «тормозов» в выражениях, но чувствующий баскетбол до мельчайших деталей. От этой команды всегда и при любых условиях требуют только победы.

Присутствие огромного числа болельщиков специалисты оценивали в 10–12 очков форы в каждой игре, хотя гарантий победы израильтян ни у кого, естественно, не было.

В полуфинале Евролиги «Маккаби» встречался с испанским клубом ТАУ (Витторио), с которым в прошлом году играл (и уверенно выиграл) финальную встречу европейского турнира в Москве. Баскский клуб, богатый и отлично укомплектованный коллектив, у израильтян вызывал большие опасения. Тем не менее «Маккаби» был подготовлен к игре психологически и хорошо выглядел на всех этапах матча. Отлично защищаясь, израильтяне не оставили никаких шансов соперникам, ведя в счете все 40 минут встречи. Первая половина игры закончилась со счетом 51:32 (!) в пользу «Маккаби». Героем этих минут был Энтони Паркер, набравший 19 очков и сделавший 4 перехвата. Форвард «Маккаби» Майсео Бастон набрал в этом матче 20 очков. Вторую половину игры команды доигрывали. Матч завершился со счетом 85:70 в пользу команды Пини Гершона. Все игроки израильского клуба выступили замечательно.

После встречи вся израильская делегация вместе с сотней приглашенных болельщиков отправилась в одну из гостиниц Праги, где хабадский раввин Яков Глойберман, ближайший друг и наставник Гершона, организовал встречу субботы.

Во втором полуфинале турнира играли «Барселона» и ЦСКА (Москва). Эта встреча была действительно равной по силам, в отличие от предыдущей. Игроки обеих команд много ошибались, но армейцы ошиблись всё-таки меньше своих соперников и победили – 84:75.

Таким образом, в финальном матче Евролиги сошлись давние соперники – «Маккаби» и ЦСКА. Классический финал, которого ждали болельщики континента на прошлогоднем турнире в Москве, но так и не дождались из-за проигрыша армейцев ТАУ в полуфинале.

Надо сказать, что перед началом соревнований в Праге все обозреватели сходились во мнении: этот финальный турнир наиболее ровный по силам за последние годы. Все команды сравнялись по уровню игры с «Маккаби», который стал старше по возрасту и утомился от многолетних побед. Но на деле получилось не совсем так. В полуфинале «Маккаби» был на голову выше ТАУ. Однако финал по многим признакам обещал быть очень и очень сложным как для израильского клуба, так и для российской команды. Так и случилось.

До этого матча тренер армейцев итальянец Этторе Мессина 12 (!) раз побеждал «Маккаби» с различными командами, которые тренировал. Вопрос о 13-й победе Мессины или о первом его поражении в игре с израильским клубом стоял как никогда остро. На предматчевой пресс-конференции Пини Гершон сказал, что матч будет равным и жестким. До этого Гершон 8 километров прошагал по утренней Праге, чтобы не нарушать субботних заповедей. Мессина сказал, что «фаворитами финала являются израильтяне». Гершон же заметил, что «россияне пытаются нагрузить “Маккаби” психологически», но это не является большой проблемой, так как команда у него многоопытная.

Впрочем, уже в начале игры стало очевидно, что ЦСКА психологически и физически к решающей игре готов лучше. Хотя в полуфинальном матче команда не выглядела слишком убедительно, но смогла настроиться на финальную игру.

Армейцы и их тренер Этторе Мессина сумели остановить скоростную игру израильтян и расстроить их ряды. В суровой и тяжелой борьбе под обоими щитами игроки ЦСКА выиграли подбор мяча и не дали израильтянам сыграть в привычном русле. Первый тайм закончился со счетом 35:30 в пользу россиян, у которых собранно и предельно мобилизованно отыграли все, особо отметим Смодиша и Папалукаса (18 очков, 7 результативных передач). В свою очередь, разводящий «Маккаби» Уилл Солонмон не нашел своей игры и был рассеян. А центровой израильтян Никола Вучич не смог справиться с «большими» игроками армейцев – Смодишем и Саврасенко, что также сильно отразилось на игре «Маккаби».

Во втором тайме нервная игра продолжилась. Израильтяне несколько раз догоняли армейцев, но оторваться так и не смогли. В результате ЦСКА победил со счетом 73:69 и справедливо выиграл Кубок Евролиги этого сезона.

Тренер «Маккаби» Пини Гершон в интервью заявил, что хочет отдохнуть от тяжелейшей работы и просит руководство клуба отпустить его. «Пришло время смены поколений, и хозяевам клуба с этим надо согласиться», – сказал Гершон.

Согласимся и мы с этими словами. «Маккаби» добился очень многого в своей истории, особенно за последние годы. И тренерский состав команды, и игровой явно израсходовали свой энергетический потенциал и нуждаются в обновлении. Но решения дирекции клуба оставим в стороне. Всё это должно произойти несколько позже.

А сейчас скажем спасибо игрокам и тренерам команды за мастерство и мужество, за долголетие и волю.

НОВОСТИ

ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ЛЕВИ ЛЕВАЕВ:

«ÄËВ Ì ÁÍВ ÄÄËÍÀ ÇÄÍÒÀ Ì ÑÌÒÄÄÍÄÍ ÈÈ ÄÄÄÄËÑËË ÄÓÓÍÄÍ Ì ÑÒÈ»

17 áíðáëü í ðáëäáí ò Óäääðäðèè ääðäëñèèò íáíëí ÑÌÄ Èääè Èääää ääè èíðäðäíð íáííè èç òáí òðäèíí ùò èçðäèèííèèò ääçäò «Ääèíò Äððííò», ä èíòíðí ðäííèçäè Ì íáííè äèääí òáíðèðäèíííè ääüðäèíí ñíðè è ííäèèèíü äçäüäáí è ä ñòäðä ííèèðèèè è ðèíííí èèè.

50-летний Леви Леваев родился в Самарканде в религиозной семье, сохранявшей приверженность национальным традициям даже при коммунистическом режиме. Сегодня он – один из богатейших людей Израиля, известный филантроп и один из самых ярких и активных деятелей Хабада.

В бизнес-элите Леваев считается «белой вороной»: он не любит банкетов, не терпит бесцельного общения с политиками, не жертвует денежные средства в пользу политических партий и вообще старается избегать личной рекламы. Редко выдавшееся свободное время бизнесмен проводит в кругу семьи.

– Есть люди, которые сумели разбогатеть и хотят, чтобы все об этом немедленно узнали, – сказал Леви Леваев. – Я в рекламе не нуждаюсь и потому предпочитаю реальные дела пустым фразам и лозунгам. Некоторые состоятельные люди жертвуют деньги на музеи и театры, больницы и университеты, я же решил: для меня важна забота о сохранении еврейской духовности – сфера, которая не особенно привлекает внимание средств массовой информации. Мое кредо – делать важные и нужные вещи без того, чтобы высматривать заголовки газет или слушать сногсшибательные сообщения по радио и телевидению. Когда человек выполняет духовную миссию, связанную с верой, платой ему будет благосклонное отношение Всевышнего. Воспитание молодых поколений в духе еврейской традиции и есть та тема, которая мне кажется самой важной. Евреи бывшего Советского Союза не имели понятия, что такое союз с Б-гом и какие существуют еврейские праздники. Если Еврейское агентство занимается вопросами алии, то я решил заниматься вопросами, связанными с еврейским воспитанием и образованием.

– Как вы считаете, назначение министром финансов Амира Переца желательно для израильской экономики?

– Судя по тем лозунгам, которые Перец сегодня распространяет, его деятельность в качестве министра финансов может привести экономику к плачевным результатам.

Проблему бедности в Израиле нельзя решить посредством раздачи государственных денег в качестве подарков – это порочная политика, которая развращает людей и лишь увеличивает количество бедных в стране. Нужно создавать рабочие места и платить людям нормальную зарплату, которая позволит неимущим вести нормальную человеческую жизнь в духе самоуважения.

– Как вы считаете, на пользу ли Израилю одностороннее размежевание, которое планирует провести Эхуд Ольмерт?

– Одностороннее размежевание ничего не дает. Выход из Газы привел к тому, что ракеты «Кассам» стали падать на Ашкелон. Любые политические шаги необходимо делать на основе взаимных договоренностей, только тогда мы почувствуем уверенность и безопасность, что окажет положительное влияние и на экономику Израиля.

– Какие у вас отношения с Аркадием Гайдамаком?

– Я уже не раз говорил, что у меня с ним нет и не было никаких совместных дел. Тем не менее его деятельность в израильском спорте я оцениваю весьма положительно.

– Сталкивались ли вы с недоброжелательным отношением со стороны политической или бизнес-элиты в связи с вашими незаурядными достижениями?

– Я лично никогда не испытывал такого отношения со стороны общества.

ААГ

עֵאָאָ: אַנְאוֹעֵדָאֵי נְעֵאָב עִי יִוֹאֵדָאִי וְעֵב דְאַאֵעִי יֵאָ

15 мая в Киеве прошла Всеукраинская конференция раввинов, в которой приняли участие все раввины, работающие в еврейских общинах.

Открыл этот представительный форум главный раввин Украины Азриэл Хайкин. В своем выступлении он подчеркнул особую роль, которую играют раввины в возрождении еврейской жизни. Он отметил: нынешняя конференция – важный шаг в становлении еврейской духовности, в «развитии благотворительных и гуманитарных программ, в укреплении нашего единства».

Затем прозвучало выступление директора государственного Департамента по делам религий Украины Игоря Бондарчука. «На протяжении столетий еврейская община была и остается неотъемлемой составляющей нашего народа, – сказал он. – Но только в условиях независимой Украины она получила соответствующие условия для полноценного развития. Позвольте заверить вас, что украинское государство и далее готово содействовать вашему важнейшему делу, искать эффективные механизмы взаимодействия в интересах всего общества».

На конференции выступили посол государства Израиль в Украине Наоми Бен-Ами, глава консульского отдела посольства Израиля Уди Бен-Ами и советник посольства руководитель украинского бюро «Натив» Арье Гетер.

«Я вижу главную опасность для еврейского государства и нашего народа не во внешних угрозах, не в проблемах Ближнего Востока, а в том, что евреи могут утратить связь со своими корнями, – сказала г-жа посол. – Я глубоко благодарна украинским раввинам, которые так много делают для того, чтобы еврейские дети не утратили своей национальной и религиозной идентичности».

Глава Совета Федерации еврейских общин Украины раввин Меир Стамблер в своем выступлении коснулся насущных потребностей еврейских общин страны. Руководитель пресс-службы главного раввината Украины Олег Ростовцев проинформировал собравшихся о начале работы над новыми информационными проектами главного раввината и федерации.

Директор европейского раввинского центра раввин Мойше Горелик рассказал об опыте работы этой структуры в различных странах Европы, а д-р р. Нохум Амсель проанализировал ход реализации программы «STARS» в еврейских общинах Украины.

Выступавшие подчеркивали необходимость более тесной координации и интеграции программ Федерации еврейских общин, более пристального внимания к проблемам городов с небольшим еврейским населением. Также речь шла о новых образовательных проектах, к реализации которых приступила Федерация еврейских общин Украины. Об этом рассказали главный раввин Украины и главный раввин Днепрпетровска Шмуэл Каминецкий. В ближайшее время начинает свою работу проект «Дорога в школу», призванный обеспечить детей из малоимущих семей всем необходимым для учебы. Другой новый масштабный проект – «Духовное возрождение» – направлен на развитие религиозной жизни и обеспечение верующих всеми необходимыми атрибутами.

Многие раввины в своих выступлениях касались участвовавших случаев антисемитизма и пропаганды ксенофобских идей в части современного украинского общества.

Конференция приняла резолюцию по проблеме антисемитизма.

«Мы обращаемся к украинской исполнительной власти с требованием обеспечить безопасность граждан Украины и оградить их от нападений, оскорблений и унижений по национальному или религиозному признаку, как это гарантировано Конституцией, – говорится в документе. – Мы обращаемся к законодательной власти с требованием принять соответствующие законодательные акты, запрещающие пропаганду ксенофобии, антисемитизма, этноконфессиональной нетерпимости. Мы обращаемся к представителям всех национальностей и религиозных групп Украины с призывом объединить усилия и не допустить укороенения метастаз ксенофобии в украинском обществе. Мы обращаемся к представителям

украинской интеллигенции, научной, культурной и творческой элите общества с призывом осознать угрозу межнациональному миру и спокойствию как опасность для всей страны и публично осудить любые проявления ксенофобии. Мы уверены, что антисемитизм и ксенофобию в Украине можно победить. Для этого необходимы согласованные усилия всех ветвей власти, государственных и общественных организаций, всего общества в целом».

A. Yefremov

Áëàáí úé ðàààèí Ðíííè Áàðè Èàçàð

СÀВÀËËÍ ÈÀ

16 мая обращение к российским евреям в связи с праздником Лаг ба-омер.

«История, связанная с Лаг ба-омер, переносит нас во второй век новой эры. Предание рассказывает, что эпидемия косила учеников рабби Акивы. Рабби Акива был одним из самых выдающихся учителей еврейского народа, учеников у него было множество. В Лаг ба-омер эта таинственная избирательная эпидемия прекратилась. В рамках нашего представления о мире болезнь не случайна и не бессмысленна. Это послание человеку, которое надо уметь прочесть. Сокрушительность болезни учеников рабби Акивы говорит о важности послания. Ученики рабби Акивы были украшены многочисленными достоинствами, все они были знатоками Торы и старательно исполняли заповеди. Что же могло быть причиной болезни? Предание говорит, что, любя своего учителя, они так и не научились любить друг друга. На первый взгляд тяжесть наказания совершенно не соответствует тяжести прегрешения. Даже с учетом того, что к людям высокого уровня Всевышний особенно взыскателен».

Раввин Лазар отмечает, что ключ к пониманию случившегося – в календарном месте праздника Лаг ба-омер. «Этот день находится между Пейсахом и Швуэсом. Пейсах – праздник исхода из египетского рабства, праздник свободы. Швуэс – праздник Дарования Торы, праздник Синайского Откровения. Пейсах и Швуэс взаимосвязаны. Всевышний говорит устами Моше фараону: “Отпусти народ Мой, чтобы они служили Мне”. Данная на Синае Тора – инструкция служения. Таким образом, обретение свободы не самоценно, у нее есть определенная цель, и эта цель объявлена: “чтобы они служили Мне”. Служение Всевышнему должно внести в жизнь еврейского народа, а через него и в жизнь всего мира высшие ценности, сделать ее осмысленной.

Между Пейсахом и Швуэсом – сорок девять дней. Что происходит за эти семь недель? Народ кардинально меняется. Из Египта выходят рабы, а к Синаю приходят люди, готовые предстать перед Всевышним и принять Тору <...>

Внутреннее движение человека от Пейсаха до Швуэса, помимо всего прочего, – это движение к идеалу взаимной любви и единства. Между тем ученики рабби Акивы не только не стремились к этому идеалу, но в своей жизни постоянно разрушали его. Надо полагать, Всевышний пытался как-то вразумить их, достучаться до них, но не был услышан. И Он пустил в ход сильное средство. В Лаг ба-омер эпидемия прекратилась: Его послание было наконец принято <...>».

Í ícãðããéáí éá ðííñééñéèí ááðáýì áññýcè ñí ðããáí ééíí Øáýýí

«От всей души поздравляю вас со Швуэсом – праздником Дарования Торы. Это одна из главных дат в нашей истории. Ведь именно с обретением Торы мы стали народом в полном смысле слова, получив от Всевышнего задание на многие поколения вперед. Более того, в Швуэс мы получили Десять заповедей, ставших основой всех мировых религий. В эти дни мы читаем Десять заповедей в синагогах, вспоминая о том, как Б-г впервые дал нам Закон.

На первый взгляд Десять заповедей относятся к различным жизненным ситуациям и имеют между собой мало общего. В самом деле: где связь между верой в Б-га Единого – “да не будет у тебя других богов” – и, например, заповедью “не укради”? Однако все они объединены стержневой идеей: они исходят из понимания того, что жизнь человека протекает не по воле случая, каждое событие, каждое жизненное обстоятельство определено Провидением Б-жьим. Возьмем первую заповедь: “Я, Г-сподь Б-г твой, Который вывел тебя из земли Египетской...” Здесь Б-г напоминает нам, что Его роль в нашей жизни не ограничивается тем, что Он создал мир и человека 5700 лет тому назад. Всевышний продолжает “присматривать” за каждым из нас и за всеми вместе – на каждом историческом повороте, каждый день, каждый миг. В конечном счете Он всегда вмешивается в происходящее – наказывает грешников и награждает праведных <...>

Сейчас, к сожалению, в мире растут распри, в том числе на национальной почве. Это следствие того, что очень многие люди живут не в соответствии с Десятью заповедями. Швуэс напоминает нам, что заповеди эти общечеловеческие: мы должны не только сами свято блюсти их, но и передавать другим, не только помнить, что есть Б-г, но и не забывать ни на миг, что всё в мире от Него, Он видит все наши поступки и наградит за праведные дела <...>»

«Одна из основ иудаизма состоит в том, что мы верим: закончится изгнание и придет Мошиах, – сказал главный раввин Днепропетровска. – Скоро придет время, когда мы будем жить вечно и мирно, и мир станет лучше. Мы должны дать нашим детям еврейское воспитание, чтобы они поняли, что значит быть евреем...»

Авраам Фрид начал свой концерт с рассказа о том, что, получая традиционный доллар от Любавичского Ребе, он получил от него два доллара, а также указание давать цдоку до концерта и после концерта. С тех пор на сцене во время концертов Авраама Фрида всегда стоит коробочка для цдоки. На сей раз в ней оказалось немало денег: ведь для многих из присутствующих важно было выполнить эту заповедь здесь, во время праздничного концерта на Лаг ба-омер.

Пение Авраама Фрида надо слышать, а еще лучше – видеть, а еще лучше – подпевать и пританцовывать. Знаменитый исполнитель песнями на идише, иврите, английском и русском языках дал возможность зрителям почувствовать себя единой еврейской семьей, единым народом, который существует тысячи лет и никогда не растворится среди других.

Три часа пролетели незаметно: ни на минуту не смолкала музыка, потому что, когда певец отдыхал, на сцене выступал знаменитый днепропетровский еврейский хор «Пирхей Украина».

Д. Надєя

Āēāāī ūé āāāāēī Dīmēē Āādē Ēāçāð

Ī DĪ ÒĪ ĒĪ Ē

14 мая встреча с делегацией Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) во главе с председателем политического совета раввином Исроэлом Зингером.

На встрече шла речь о совместной деятельности Федерации еврейских общин России и Всемирного еврейского конгресса.

Перед тем как встретиться с главным раввином России делегация ВЕК в сопровождении исполнительного директора Федерации еврейских общин СНГ раввина Авраама Берковича осмотрела комплекс учебных заведений «Бейт Хабад» и здание МЕОЦ. Раввин Беркович рассказал гостям о деятельности Хабада по возрождению еврейской жизни в России.

5 июня в израильском городе Бней-Брак участие в торжественном приеме в честь прибывшей в Израиль делегации Центра раввинов Европы.

В своем выступлении на форуме раввин Лазарь рассказал о деятельности раввинов в странах, образованных после развала Советского Союза.

Ó ÁÂÐÃÄÅ ÒÀÈËËËËÌÀ ÑËÎÎÐÎ ÆÓÃÃÒ ÑÃÎËËË ÆÎÎ

Полным ходом идет строительство синагоги в столице Эстонии. Первые работы по адресу улица Кару, 16 начались осенью 2005 года, а в сентябре этого года таллинские евреи уже собираются отпраздновать новоселье.

Сегодня Эстония, в которой проживает около 3 тыс. евреев, едва ли не единственная европейская страна, в которой нет своей синагоги. В прошлом здесь было несколько синагог, крупнейшие из которых – в Таллине и Тарту. Однако они были разрушены во время войны. Таллинская синагога была построена на средства местных евреев, и осенью в Эстонии будут отмечать 120 лет со дня ее основания. К этой дате планируется закончить все работы в новой синагоге.

А пока еврейская религиозная община республики вообще не имеет здания, которое отвечало бы минимальным требованиям еврейских традиций: наличие молельного зала, разделенного на мужскую и женскую половины, миквы и так далее. Более того, синагога в современной еврейской общине – не только молельный дом, это центр еврейской жизни, где каждый еврей может воспользоваться услугами социальных служб, посетить занятия по еврейской традиции, приобрести кошерные продукты, отметить праздник в кошерном ресторане. В Таллине пока что вообще нет кошерного магазина и ресторана, а ведь в Эстонию, которая недавно стала членом Евросоюза, приезжают туристы – евреи из разных стран, – конечно же, они испытывают трудности с кошерным питанием.

Несмотря на то что количество евреев, проживающих в Эстонии, невелико, они оставили значительный след в культурной, экономической и политической жизни страны. С эстонскими евреями связаны и страшные трагедии, произошедшие во время второй мировой войны. Однако в Таллине до сих пор нет музея, который хоть сколько-нибудь отражал бы историю евреев этого города. Такой музей будет организован в новой синагоге, которая строится на земле, исторически принадлежащей еврейской общине. Здесь уже действуют социальный центр и школа. Школа государственная, однако в ней преподают еврейскую историю и традиции, работает ансамбль еврейской песни и танца, а под руководством главного раввина Эстонии Шмуэла-Эфраима Кота ребята отмечают еврейские праздники. В новой синагоге также будет небольшой лекционный зал и классы для занятий Торой и еврейской традицией.

Проект синагоги разработан эстонским архитектурным бюро «Колке». Его специалисты, работавшие также над проектом эстонского павильона на Всемирной выставке в Ганновере, прошли стажировку в Израиле, чтобы здание проектируемой ими синагоги соответствовало традициям. Строительство ведется под строгим контролем главного раввина Эстонии.

Площадь здания составит около 1000 кв. м. Мужская половина молельного зала сможет вместить до 100 человек, женская – около 80. На собрании правления общины с согласия раввина Кота было принято решение о том, что в молельном зале будут проходить и мероприятия нерелигиозного характера – конференции, семинары. При объединении мужской и женской половин зал сможет вместить до 250 человек.

На первом этаже здания разместятся фойе, лекционный зал, миква, ресторан, кошерная кухня и кошерный магазин. Второй этаж займет синагога. На третьем будет находиться раввинат и администрация общины, а на четвертом этаже разместится музей истории еврейской общины в Эстонии.

Начиная строительство, руководители общины очень волновались: хватит ли средств закончить работы. Однако опасения оказались напрасны – нашлось немало людей и организаций, в том числе нееврейских, которые решили помочь общине. Главными спонсорами выступили Фонд семьи Рор и Александр Бронштейн. Премьер-министр Эстонии Андрус Ансип часть средств на строительство перечислил из своих личных сбережений.

«С открытием синагоги у евреев Таллина наконец-то появится свой дом, а город получит замечательный памятник современной архитектуры», – сказал председатель еврейской общины Эстонии Борис Окс.

י. יאדוועאָוו

«יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ»

7 июня мэр Москвы Юрий Лужков побывал на празднике, посвященном окончанию реставрационных работ в Большом зале Московской хоральной синагоги.

Окончание реставрации пришлось на дни празднования 100-летия синагоги, которая была торжественно открыта 1 июня 1906 года по ходатайству министра внутренних дел России Петра Аркадьевича Столыпина перед императором Николаем II.

Столичный градоначальник рассказал, что бывал в Московской хоральной синагоге не раз, еще тогда, когда «мне как мэру города сюда стыдно было войти, потому что она была в плохом состоянии». «Всё здесь было темновато и непразднично», – вспомнил свои впечатления Юрий Михайлович. По словам мэра, реставраторы выполнили свою работу блестяще, при этом синагога всё время оставалась действующей.

Юрий Лужков напомнил, что в годы Великой Отечественной войны здание Московской хоральной синагоги использовалось как военный госпиталь. Вернуть его общине удалось лишь многими годами позже. Он напомнил, что в 2001 году были восстановлены купол и звезда Давида на нем. «В августе или сентябре мы отпразднуем полное завершение работ», – добавил мэр столицы.

Московский детский сводный еврейский хор вместе с Юрием Лужковым исполнил песню «Дорогая моя столица».

«עֵי טוֹבֹאֵינּוּ»

1 июня по приглашению президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева в Израиль прибыла делегация Пермского края во главе с губернатором края Олегом Чиркуновым.

В честь российской делегации был устроен торжественный прием, на котором присутствовал вице-премьер и министр промышленности Израиля Эли Ишай, известные политические и религиозные деятели, представители деловых кругов.

Губернатор Чиркунов пригласил вице-преьера нанести ответный визит в Пермь, а израильских бизнесменов призвал инвестировать в экономику Пермского края.

Российская делегация посетила музей Катастрофы «Яд ва-Шем» в Иерусалиме, а также Стену Плача, куда губернатор Чиркунов вложил традиционную записку. Делегацию сопровождал главный раввин Перми Залман Дайч. «Результатом этого на редкость удачного визита, – сказал он, – станет плодотворная совместная деятельность руководства Пермского края и еврейской общины».

אאא

12 мая в Одессе у стен синагоги «Хабад Шомрей Шабос» прошел митинг Союза анархистов Украины, протестовавших против действий одесских властей.

Поскольку предмет спора – один из объектов муниципальной собственности – находится достаточно далеко от синагоги и с объектами, принадлежащими еврейской общине Одессы, никак не связан, сотрудники «Хабад Шомрей Шабос» выразили вполне понятное в данных обстоятельствах недоумение. Всё разъяснилось после вручения участниками митинга обращения к главному раввину Одессы и Юга Украины Авроому Вольфу. Как явствовало из документа, Союз анархистов в связи с коррумпированностью украинской судебной системы просил бейс-дин (раввинский суд) еврейской общины взять на себя разрешение спорного вопроса о муниципальной собственности.

Анархистам разъяснили, что раввинский суд не может заниматься такими вопросами. А всё-таки приятно, что граждане Украины разных национальностей считают традиционную еврейскую судебную систему неподвластной таким распространенным нынче порокам, как коррупция и ангажированность.

А. Еврей

24 мая Московский городской суд, рассмотрев кассационную жалобу правозащитника Евгения Ихлова, отменил постановление федерального судьи Александра Трубникова, заместителя председателя Басманного районного суда Москвы, от 24 марта 2006 года. Этим постановлением судья А. Н. Трубников отказал удовлетворить жалобу Е. В. Ихлова, представителя организации «За права человека», на незаконность действий и бездействия Басманной межрайонной прокуратуры Москвы в связи с проведением публичных антисемитских кампаний в 2005 году – так называемых «письма депутатов в Генпрокуратуру о запрете еврейских организаций» и «письма 500–5000–15 000».

Решение кассационной инстанции об отмене постановления Басманного суда в связи с существенными нарушениями процессуального и материального права было принято вопреки позиции представителя прокуратуры Москвы.

Дело возвращено в Басманный суд на новое рассмотрение в другом составе суда. Теперь суд рассмотрит возражение на отказ Басманной прокуратуры в возбуждении уголовного дела по факту незаконных действий автора «письма 500» Михаила Назарова.

«Решение Мосгорсуда можно считать маленькой победой общества “За права человека”», – отметила юрист правозащитного отдела Федерации еврейских общин России Ирина Иванова.

Д. Еврей

В Ташкенте убиты 20-летняя Карина (Ривка) Лойфер и ее мать Светлана. Местные власти называют это убийство «обыкновенным» и утверждают, что преступление совершено исключительно по криминальным, а не националистическим мотивам.

Карина (Ривка) Лойфер училась в еврейской школе «Ор Авнер», была активисткой еврейской общины, а несколько месяцев назад поступила на работу в секретариат главного раввина Средней Азии Абе-Довида Гуревича. Пресс-секретарь ФЕО СНГ Таль Рабина рассказал: «В прошлый понедельник Карина пришла в кабинет раввина Гуревича, и это был последний раз, когда мы виделись с ней. На следующий день и через день Карина не вышла на работу. Ей звонили, но на звонки никто не отвечал. Все подумали, что она, возможно, заболела». Однако раввин был взволнован отсутствием девушки, и по его распоряжению сделали запрос в милицию.

8 июня милиционеры взломали дверь квартиры Лойфер и увидели ужасающую картину: безжизненное тело матери в гостиной; тело Карины – в неестественной позе, – по мнению экспертов, она пыталась спрятаться в одной из комнат.

Вечером того же дня президент ФЕО СНГ Леви Леваев обратился к президенту Узбекистана Исламу Каримову с просьбой о проведении тщательного расследования убийства. Л. Леваев не удовлетворен объяснением властей, что преступление носило «криминальный характер». В последнее время в Узбекистане участились случаи нападения на евреев. В июле 2004 года исламисты совершили нападение на посольство Израиля в Ташкенте. В мае 2005 года была предпринята повторная попытка нападения: «террорист» с муляжом бомбы, кричавший «Аллах Акбар!», был уничтожен охраной. В феврале 2006 года на ташкентском рынке убили одного из лидеров местной еврейской общины Авраама Ягудаева.

NEWSru.co.il

6 июня состоялась встреча мэра г. Калининграда Юрия Алексеевича Совенко с делегацией еврейской общины города. Еврейскую общину представлял главный раввин Калининграда Довид Шведик, директор архитектурного колледжа Лазарь Фуксон и активист общины д-р Олег Долинский.

Раввин поблагодарил мэра за заботу об общине и предоставление в аренду муниципального помещения под уставную деятельность.

На встрече обсуждались вопросы изменения договора аренды этого помещения, а также выделения помещения под школу «Ор Авнер» и необходимость обозначения границ старого еврейского кладбища по улице Черняховского небольшими столбиками.

Юрий Алексеевич согласился на изменения в договоре аренды, которые устроили бы обе стороны. По остальным вопросам еще будут вестись переговоры, требующие дополнительных консультаций со стороны мэра.

Y. Olevi ai

MA3JI TOB!

Ni ieaíneay aadaíneay íaúeía ííçaðaáeyào ñ paeéayí è aídíáõ ó-añoíeéíá Áaeééíé Íòá-añoáaííé aitéú:

Í íeñý Éaçaðáæ:-á Níñeía- ñ 90-éaòèái ;

Éúà Áaí aòèái íæ:-á DÍçáí ãðáá - ñ 85-éaòèái ;

Í eòæèà Éaçaðáæ:-á Áaõí aí íáá - ñ 80-éaòèái ;

Béíáá Í aõí íæ:-á Éèóøeóá- ñ 80-éaòèái .

Çáíðíáý áaí , ðááíñòè è áí 120-òè!

ЕВРЕЙСКИЙ РЕГИОН - ХЕРСОН

Â NŌĀĪ BŌ ŌĀPNĪ Ī NĒĒŌ

*Ī ōāōāpnōāē ĪĪ Pā ŌēdāēĪ ūĪāōĪāēĪ ē ēĪĪŌĀ Īāōā Ī āōēĪā ĪŪēēā ĪĪ āāĪēdāēĪēĪ
nōāĪŪĪ ŌādnĪĪŪēĪŪ, ōāādnĪĪĪ ĪŌēāēēāēāŪĪĪ ē ĀĪāĪŌĀ B ānĪĪ Īēē ĪānĪ p ādnĪ āĪ ĀdāēāāĪĪēĪē āĪēĪŪ:
«ĪĪ ōāē Īā ĪāānĪ, ā āĪŌāē ē ŌādnĪĪŪ, Ī āŌŌĪĪĪāŌŌēāĪ ĀēēāĪŪē...» NēĪēŪēĪ ē ĪāāĪ āŪēĪ āĪĪēŌŪ
āĪāēāpnōĪĪ ŌĪ āŌŌĪĪ, ±ŌĪāŪ ĪādnĪŌāāŌŪŪŌ ē āāā nŌĪēŪ dāĪĪŪŌ, dnĪĪĪēĪāēĪĪŪŌ āĪēāā ±āĪ ā āāŌŪŪŌāŌ
ēēēĪĪ āŌŌāŌ ādāāĪŌ ādāāā āŌĪāā!..*

ĪāĪŪŌĪēē ĪĪŌāĪ ēēĪŌŌāāē±āĪēĪĪ ā

Херсон можно назвать плодом любви Екатерины II и ее фаворита Григория Потемкина. Город был основан на освобожденных от турок землях Причерноморья, на высоком правом берегу Днепра, чуть выше того места, где начинается Днепровский лиман. В соответствии с честолюбивыми замыслами императрицы и светлейшего князя, Херсон должен был стать оплотом экспансии России против Османской империи. Имя городу дано было в память о легендарном Херсонесе Таврическом.

Указ Екатерины новороссийскому генерал-губернатору, коим стал Потемкин, «о заведении для Черного моря гавани и верфи» был подписан 18 июня 1778 года. Он содержал разъяснения о необходимости «строить корабли на Днепре или Александровском шанце», а также распоряжение – принять постановление «о месте к сему удобном, назначивая оное по соображению выгод морских и сухопутных». Указ гласил: «Место сие повелеваем наименовать Херсоном».

Согласно легенде, на месте небольшого русского укрепления Александер-Шанц, «предка» города Херсона, Потемкин обнаружил древние ворота с греческой надписью: «Отсюда надлежит следовать в Византию». Идея получила название «Греческий проект», а целью стало освобождение от османского владычества Балканских стран, изгнание турок из Константинополя и создание нового государственного образования Византия, подчиненного российскому престолу. Частью «Греческого проекта» стало основание Херсона, в главном соборе которого Екатерина II должна была короновать на византийский престол своего внука Константина.

Ворота Херсонской крепости конца XVIII в.

Смерть светлейшего князя Потемкина-Таврического в 1791 году помешала этим грандиозным замыслам. В соответствии с последней волей Григория Александровича он был похоронен в Херсоне в Екатерининском соборе. А в 1798 году Павел I, «люто обожавший» свою матушку и всё, что с ней связано, приказал склеп Потемкина разрушить, набальзамированные останки князя похоронить в погребке этой же церкви, а могилу сровнять с землей...

Екатерининский собор сохранился. Неподалеку находятся фрагменты крепостного вала, Очаковские и Московские ворота, арсенал, крепостной колодец, а также могилы воинов, погибших во время осады Очакова. Это всё, что осталось от многочисленных строений Херсонской крепости, возведенной в 1780-х и являвшейся образцом фортификационного искусства. Камень, из которого были построены крепостные сооружения, распродался впоследствии частным лицам для строительства домов в центре города. Ирония истории состояла еще и в том, что Херсонской крепости не пришлось испытать ни одной осады... Памятник Потемкину, установленный в 1836 году, был демонтирован в 1921-м, но совсем недавно восстановлен, вокруг него разбит чудесный парк... Всё это – стараниями нынешнего мэра города Владимира Сальдо и его команды.

Νὴ οὐρὴ ἰὰ ἰαῶνδραεὶ οὐρ.

* * *

Евреи на этих землях появились более 200 лет назад. В середине XVIII столетия обширные пространства Северного Причерноморья заселены были мало, и в 1762 году Екатерина издала манифест, объявлявший: «Всем иностранцам приходить в Россию и селиться, где кто пожелает». Всем, за исключением евреев...

Впрочем, скоро императрица поняла допущенную ею ошибку, и высочайшим указом от 16 ноября 1769 года евреям было дано разрешение селиться в Малороссии, а также на территории Южной Украины. Эти земли вошли в состав Новороссийской, а с 1803 года – Херсонской губернии. Сюда хлынул поток переселенцев – евреев из Могилевской, Витебской, Минской губерний, отошедших к России в 1773 году. В Херсоне евреи появились в первые годы существования города, о чем свидетельствовали памятники на могилах на старом еврейском кладбище.

Первыми здесь поселились 43 семьи из Могилевской губернии из группы Нохума Финкельштейна – «первопроходца», возглавившего первых евреев-переселенцев из этой губернии в Новороссию, и еще несколько мелких групп из западных районов России и из Украины. Евреи селились в основном в херсонском районе Забалка, где располагались ремесленные мастерские, в районе Форштадтских улиц – вблизи базара, а также в центре. Так, на Михайловской (Пограничной) находился дом еврея-лесопромышленника Медведева; на Семинарской (Дзержинского) – дом владельца первого лесопильного завода Рабиновича.

В ревизских сказках о мещанах-евреях Херсона говорится: «По ревизии 1856 года еврей-жители города значатся как ремесленники: сапожники, портные, лудильщики, стекольщики, мелочные торговцы».

В развитии города и губернии евреи сыграли весьма значительную роль. Известен такой факт: в 1862 году, накануне выборов городского головы, херсонский губернатор Клушин в письме министру внутренних дел Валуеву сетовал на плохое состояние городского хозяйства, малое количество городских доходов и путаницу в выполнении административных функций. И просил допустить к избранию на эту должность одного из уважаемых еврейских купцов. Поскольку купцы-христиане «не развиты в такой степени, чтобы, приняв на себя обязанности представителя городского общества, могли постигнуть назначение свое и принести действительно пользу городу. В еврейском же купеческом обществе в городе Херсоне многие купцы, имея значительное состояние, получив воспитание и неоднократными поездками за границу приобретаю разнообразные познания, пользуются общественным уважением».

Это ходатайство поддержал новороссийский генерал-губернатор, однако оно было отклонено министром. Отказ Валуев мотивировал тем, что законодательное решение об участии представителей городских организаций в замене общественных должностей без различия вероисповеданий находится в стадии рассмотрения... Что ж, прошло каких-то 140 лет, и мэром города Херсона наконец-то стал человек, действительно «пользующийся общественным уважением»!

Писатель и этнограф Александр Афанасьев-Чужбинский отмечал, что до 1857 года в Херсоне обучалось вдвое больше детей еврейского происхождения, чем русских. В разное время еврейское население Херсона составляло более трети от общего числа жителей.

В 1912 году херсонская газета «Юг» писала: «К предстоящим выборам выборщиков в Государственную Думу от еврейского населения г. Херсона и Херсонского уезда местными еврейскими избирательными кругами выдвигаются кандидатура... известного присяжного поверенного Соломона Львовича Невельштейна по первой городской избирательной курии и врача Мошки Беркова Хасина по второй городской курии. Лица эти достаточно известны местному еврейскому населению. Их популярность и доверие к ним достаточно засвидетельствованы избранием их в качестве выборщиков в предыдущие государственные думы. Поэтому следует ожидать, что и на предстоящих на днях выборах... доверие еврейского населения останется по-прежнему за ними».

Дополнением к известной песне об «Истории каховского раввина» и его дочери Енты может служить такая статистика: в 1920 году в городе Каховке Херсонской губернии проживало 3 тыс. 664 еврея, 3 тыс. 278 украинцев и 619 русских. А в самом Херсоне в 1920 году еврейское население составляло 26 тыс. 613 человек – или 37%!

В пореволюционные годы в Херсоне оставался неизменным высокий уровень образования еврейских детишек. Так, в 1924 году в городе действовали две еврейские семилетки, профтехникум с литейной, механической и столярной мастерскими. В «Детском городке» при бывшей мужской гимназии находился корпус на 115 детей-евреев. Чуть позже, в 1928–1929 учебном году, в Херсоне существовало 14 школ: 10 украинских, 1 русско-украинская, 2 русские и 1 еврейская.

Памятник погибшим в ВОВ.

* * *

Когда началась Великая Отечественная война, в Херсоне жили около 15 тыс. евреев. Гонимые войной и оккупацией, из приграничных районов сюда прибыли еще тысячи. Увы, до 19 августа 1941 года, когда в город вошли фашисты, эвакуироваться успели лишь две трети еврейского населения...

Главе Российского союза евреев – бывших малолетних узников гетто и концлагерей, Праведнику мира Николаю Дорожинскому было 11 лет, когда в Херсоне началась оккупация. Он вспоминает: «Обстановка была ужасная. Через два-три дня после начала оккупации на центральных улицах города появились первые повешенные. На П-образных деревянных стойках висели по 5–6 человек. Один дяденька, который весил, наверное, килограммов 150, своим весом оборвал веревку. Эти изверги принялись вешать его снова. И так – несколько раз. По ночам пьяные немецкие солдаты врываются в дома, хватали молодых девушек и уводили насиловать. По городу водили начальника отделения милиции Копейкина с вывеской на груди: “Я партизан и за это буду повешен”. Так его и повесили. Брели заложников, расстреливали их. Расстрелы производились в городе, возле трансформаторной вышки. По 10–12 еврейских мужчин впрягали в телегу вместо лошадей и заставляли их что-то возить по городу. Зачем – не знаю, может, для куража? Я помню, как наш сосед, еврей Коля Лиховецкий, вернувшись из-за Днепра, спрашивал: “Где моя семья?” Он оставил у нас свою военную форму, переделался в гражданское, пошел их искать – и не вернулся. В тот же день его, как и многих других молодых еврейских мужчин, схватили и расстреляли.

Комендант распорядился, чтобы еврейское население носило на груди желтые звезды. Появилось гетто. Евреи два месяца провели за колючей проволокой, за шлагбаумом. Все знали о том, что происходит в гетто. Наша знаменитость – доктор Баумгольц – отравил и себя, и всю свою семью, чтобы не идти в гетто, настолько хорошо он представлял себе, чем всё кончится. Потом часть евреев перевели работать на консервные заводы, а часть на машинах вывезли на расстрелы. Еврейское население расстреливали за городом, в промколониях...»

По официальным советским данным, за период с 19 августа 1941-го по 13 марта 1944 года, когда Херсон был оккупирован немецко-фашистскими войсками, здесь было расстреляно и замучено 17 тыс. херсонцев. Почти все оставшиеся в городе евреи были собраны в гетто в районе Форштадтской и прилегающей к ней улиц. Только 24–25 сентября 1941 года в противотанковом рву возле села Зеленовка были расстреляны около 12 тыс. человек...

Из показаний случайного свидетеля расстрела А. К. Нестеровского: «Часам к 9 утра к месту оцепления подошло семь закрытых автомашин, из которых были высажены женщины, старики, дети. Привезенных на машине людей раздели и подвели ко рву. Подошел один немец и стал отбирать у женщин детей. Поднялся невероятный душераздирающий крик и рев. Немец достал из чемодана бутылку и подносил к носу ребенка. Ребенок мгновенно умирал, и его на глазах родителей бросали в ров. Взрослых женщин и стариков раздевали до белья, ставили ко рву на колени и из автомата расстреливали».

Всего за время оккупации Херсона немцы расстреляли более 12 тыс. евреев. Среди расстрелянных были известные в городе люди: врачи Я. И. Коган, П. Н. Айзеншток, М. Б. Хасин, учитель Трейстер и многие другие. Кроме доктора А. В. Баумгольца, не выдержав издевательств, вместе со своей семьей покончил жизнь самоубийством доктор Богуславский.

בְּאַרְבָּעֵי עָשָׂר יָמִים

* * *

Мы беседуем с раввином Херсона и Херсонской области Йосефом-Ицхоком Вольфом. Он рассказывает: «Мой брат Авроом Вольф был здесь раввином, а теперь он “одессит”. Когда Авроом переехал в Одессу, я стал раввином Херсона и области. Ранее же, с 1993 по 1997 год, я здесь был его “правой рукой”. Да, 13 лет исполняется, как я здесь раввин, – будем праздновать бар-мицву! Как человек становится мужчиной, созревает, так и я, можно сказать, полностью созрел, овладел здешней ситуацией».

По словам рабби Йосефа, сегодня в 400-тысячном городе, несмотря на то, что многие уже уехали, живет 8–10 тыс. евреев, в области – 15 тыс. В городах Херсонщины существует еще восемь общин, где нет постоянных раввинов, но тем не менее возрождается еврейская жизнь. Херсонский раввин оказывает им помощь, в эти общины ездит молодежь, на праздники – гости из областного центра. В самом Херсоне существует много общинных программ, клубов для детей, женщин и людей старшего поколения, работает школа «Ор Авнер», детский сад «Ор Хана», хедер, ешива, колель – в общем, идет активная и многогранная работа.

Большой друг херсонской еврейской общины – мэр города Владимир Сальдо. На очередных выборах городского головы его молодость и энергия вновь оказались востребованы. Он подтвердил свои «мэрские» полномочия, победив с большим отрывом.

«От того, как взаимодействуют представители разных национальностей, зависит общий климат в регионе, – считает Владимир Сальдо. – Ведь Херсон, как и весь Юг Украины, – многонациональный город».

Мэр высокого мнения о роли евреев в жизни Херсона: «Еврейская община занимает активную общественную позицию, направленную на созидание. Все относятся друг к другу спокойно и с уважением, в национальных мероприятиях принимают участие все общины города. Еврейская община велика – и вес у нее достаточный, и авторитет. Городская власть осуществляет поддержку и помощь еврейской общине. Несколько лет назад было предоставлено помещение детского сада для того, чтобы там работала еврейская школа. Сейчас в связи с тем, что у общины увеличиваются потребности в услугах образования, принято решение о предоставлении в областном центре большого здания для еврейской школы с полным циклом обучения».

Проезжая по городу, мы заметили, что ханукия в Херсоне стоит на центральной площади города. Оказывается, на Украине это первый город, который получил разрешение поставить символ праздника Ханука на самое почетное место. «А уже за нами пошли другие украинские города», – с гордостью сообщает градоначальник.

Мероприятия, связанные с еврейскими праздниками, организуются раввином Херсона и еврейскими общественными организациями, а проходят в областном музыкально-драматическом театре:

«Обычно собирается где-то около тысячи человек. Хотя много евреев уехало, но многие ведь и остались, а сейчас немало евреев возвращается, налаживают здесь бизнес», – рассказывает мэр.

І їаї-І еєїєааїєаї ієї ааїа

Оїої 1902 ааа

«Я думаю, то, что люди возвращаются, – важный показатель нашей открытости, – полагает Владимир Сальдо. – Бизнес начал развиваться, нет формальностей, сложностей, и этот фактор срабатывает. Работать здесь стало всё-таки удобней, меньше стало материальных проблем. В то же время израильские евреи не чувствуют себя в отрыве от родственников, которые остаются там, – существуют регулярные рейсы, всегда можно слетать туда и обратно».

Мэр Херсона продолжает свой рассказ: «Испокон веков здесь жили люди разных национальностей – сегодня их 112! И сама земля, и состояние совместного проживания приучили к лояльности, уважению друг к другу. Сейчас самое главное – не вносить разлад, сохранять то, что есть, – стабильность, доброту, взаимоуважение. Взбудоражить людей легко, а успокоить потом – гораздо сложнее. Люди с Юга Украины всегда отличались спокойствием, и это служит фундаментом для стабильности, привлекательности города и региона для бизнеса, для инвестиций».

Конечно, проблемы существуют, как без них? Время от времени в городе появляются антисемитские надписи. Но херсонский раввин подтверждает, что организованного антисемитизма здесь всё-таки нет: «Служба безопасности Украины уделяет этому вопросу большое внимание, реагирует на наши звонки, и, слава Б-гу, у нас всё тихо и спокойно». Мэр дополняет слова раввина: «Я, когда читаю эти надписи, не понимаю их смысла! Это явно засланные люди! Это даже не местная детвора! У нас ведь народ довольно мирный. А когда люди живут мирно, то всё развивается вокруг! Круг замыкается – и общины процветают, и бизнес набирает обороты. Вот сейчас мы готовим соглашение о побратимских связях Херсона с израильским Ашкелоном. Есть у нас города-побратимы в других странах, а вот в Израиле – пока нет. А это новые культурные, спортивные, экономические связи».

Оказывается, три года назад мэр Херсона побывал в Израиле, где, вместе с раввином Йосефом Вольфом, встретился с президентом Израиля Моше Кацавом и председателем кнессета Реувеном Ривлиным. Однако для Владимира Сальдо посещение Эрец Исроэл не ограничилось официальными переговорами: в резиденции президента Израиля раввин и мэр провели утреннюю молитву Шахрис, причем мэра первый раз в жизни вызвали к Торе и наложили тфилин...

«Активно идет восстановление синагоги, – продолжает свой рассказ Владимир Сальдо. – Это очень интересное здание, памятник архитектуры. И, конечно, городские власти оказывают всяческое содействие в его реконструкции».

Слова мэра подтверждает раввин Йосеф Вольф. Восстановление синагоги – одновременно огромная работа и серьезная проблема. Потому что это не просто восстановление – это действительно реконструкция. Необходимо сохранить первоначальный облик синагоги, ее историческое «лицо», и при этом нужно сделать так, чтобы она отвечала нуждам общины, решала обширные задачи, стоящие сегодня перед евреями Херсона: она должна стать не только Домом молитвы, но и административным центром,

местом реализации благотворительных программ, проведения культурных, просветительских, праздничных мероприятий.

До 1922 года в Херсоне было 23 синагоги и один молитвенный дом. После немецкой оккупации, во время которой некоторые синагоги были сожжены, а некоторые взорваны, оставшиеся были либо разрушены, либо переоборудованы под «светские» учреждения.

באגודת ביתנו-עוֹרֵה אֱלֹהִים וְיֵשׁוּעָה לְעַמּוּנוֹת.

Так, в Старо-Николаевской синагоге, на углу Суворовской и Воронцовской (ныне Коммунаров), в 1960 году открыли планетарий. Раньше же здесь в одном дворе находились целых три синагоги, занимавшие большое пространство между улицей Воронцовской (Коммунаров) и Торговым переулком (21 января).

Здание самой большой Ново-Николаевской синагоги (построено в 1840 году), которую в свое время посещали три тысячи прихожан, в 1926 году «по просьбам трудящихся» закрыли, устроив там Дом еврейской рабочей культуры, а позже – кинотеатр «Спартак». В конце 1960-х это уникальное здание – двухэтажное, со стрельчатými окнами, треугольными фронтонами, украшенное колоннами и пирамидальными столбиками, увенчанное Коронами Всевышнего, – снесли, чтобы «сляпать» на этом месте коробку Комсомольского райисполкома...

Начиная с середины XIX столетия Херсон становится одним из центров Хабада. В городе существовали две хабадские синагоги: двухэтажная, построенная в 1895 году, на улице Виттовской, 21 (ныне – ул. Горького, 27): ее посещали полторы тысячи человек; вторая находилась в том же дворе, ее посещали 300 прихожан. Эта вторая, «малая» хабадская синагога, была разрушена, а большая – до самой войны действовала как молитвенное помещение еврейской общины Херсона. Немцы в годы оккупации это здание сожгли, а в 1947 году советские власти его восстановили, правда, Домом молитвы оно уже быть перестало... В 1990 году хабадская синагога возобновила свою деятельность. В ноябре 1993-го здание «де-юре» было передано херсонской религиозной общине.

Реконструкцию синагоги начали пять лет назад. Как теперь вспоминает рав Йосеф, «думали, ремонта будет достаточно...» Оказалось – нет. Здание находилось в аварийном состоянии: за 100 с лишним лет стены подверглись разрушению, перекрытия пришли в негодность, в общем, оно подлежало полной перестройке. Кроме того, само по себе, в своем историческом виде, выполнению сегодняшних задач это строение уже не отвечало – нужен был и молельный зал, и миква, и благотворительная столовая, и ресторан, и зал для праздничных мероприятий, и комнаты для офиса, для занятий кружков ...

Тогда раввин Херсона пошел другим путем. «Пришлось снести всё, что было внутри, закрепить стены здания, – рассказывает о своих мытарствах рав Йосеф. – Затем для здания был сделан совершенно новый фундамент. Полностью. И, сохранив старое здание, его внешний вид, мы пристроили к нему другое, совершенно новое здание. Раньше здесь был двор синагоги. Ведь земля и здание – собственность общины, мы имеем право на владение этой землей. И мы нашли деньги, чтобы сделать новый проект... Теперь будем иметь нормальное здание: и синагога, и общинный центр. Это здание в городе будет очень заметным, но не очень большим. Ведь старая синагога – памятник архитектуры!»

Проектировщикам действительно удалось совместить трудно совместимое. С одной стороны, неповторимый облик старой синагоги – высокие окна в два этажа, колонны по обеим сторонам от входа, балкон с овальными окнами, полукруглый карниз, венчающий здание. А с другой стороны – незаметное за старым фасадом, новое функциональное строение, отвечающее всем современным требованиям.

А אאאאאא אאא «א אאא א».

«Новое здание подразумевало строительство столовой и ресторана. Но мы решили совместить, – объясняет рав Йосеф. – Наша цель, чтобы старый человек или любой нуждающийся, который приходит поесть, почувствовал, что он сидит в очень хорошем и красивом месте. Чтобы ему было приятно, чтобы он почувствовал себя человеком. Там будет играть музыка и будет по-настоящему теплое отношение к людям, которым не повезло в старости. Вторая наша цель – сделать зал для мероприятий: бар- и бат-мицвы, дней рождений, свадеб. Люди смогут прийти сюда, заказать кошерный обед или ужин, и при этом всё будет очень культурно».

Деньги на реконструкцию, на новый проект, хлопоты с архитекторами, подрядчиками, строителями и материалами стали большой «головной болью» для рава Йосефа. Но он не ропщет, его мудрому спокойствию можно позавидовать. Он говорит:

«Цель нашей еврейской общины определил тот человек, который нас сюда послал, – Любавичский Ребе: надо дать еврею, который живет здесь, всё, что ему необходимо для нормальной еврейской жизни. Помочь еврею здесь чувствовать себя не хуже, чем еврею, живущему в любом другом месте в диаспоре. Мне всё время говорят в “Сохнуте”, в других еврейских организациях: “Мы же занимаемся одной и той же работой!” Я говорю: “Стоп-стоп-стоп!” Если ко мне приходит кто-то из наших прихожан и спрашивает, куда ему лучше уехать, какой город в Израиле лучше, – это один вопрос. Если человек уже решил ехать, я могу ему посоветовать. У нас есть школа, детский сад. Поверьте, наш садик в двадцать раз лучше, чем многие садики в Израиле. Уровень знаний учеников в нашей школе гораздо выше, чем в ряде школ Израиля. Это не секрет. У нас самая современная методика, чтобы готовить детей для школы, для жизни. Мы привлекаем лучших педагогов, которые есть в городе, – по математике, по физике,

по английскому языку. Всё – на самом высоком уровне! Если 12–15 лет назад “за конфетку” можно было собрать полторы тысячи человек, то теперь этого недостаточно. Сегодня еврейский отец и еврейская мама не посылают ребенка в школу только потому, что там хорошо накормят и там уютно. Питание – это хорошо, но это не главное. В первую очередь их интересуют качественное образование, уровень знаний. Их волнует, что же в конечном счете получится из ребенка, которого нам отдадут... Родители нам доверяют. Вложение в ребенка – это самый правильный подход к возрождению еврейской жизни».

Такой подход приносит свои плоды – каждый год в детский сад «Ор Хана» и в херсонскую школу «Ор Авнер» приходит всё больше детей. Численно растет и херсонская община. А рав Йосеф справил бар-мицву своего пребывания в Херсоне. Он спокоен. Главное – смотреть в будущее!

È. Èàð'áí èí

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Херсон – город на правом берегу Днепра, в 25 км от Днепровского лимана Черного моря, основан в 1778 году указом Екатерины II.

Территория современного Херсона была заселена с давних времен. Погребения и вещественные находки свидетельствуют о пребывании здесь человека уже в эпоху меди и бронзы (III–II тыс. до н. э.). В IV–III вв. до н. э. по этой территории кочевали скифы, а на рубеже нашей эры – сарматы. Позже, в период Киевской Руси (IX–XII вв.), по Днепру проходил путь «из варяг в греки», который славяне использовали в торговых целях. На Большом Потемкинском острове было славянское поселение.

В 1737 году на месте нынешнего Херсона появилось русское укрепление Александер-Шанц, построенное в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 годов. После другой русско-турецкой войны (1768–1774) был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, по которому Россия получила выход к Черному морю и к ней отошли земли между Днепром и Южным Бугом.

Херсон создавался для защиты южных рубежей Российской империи. Было решено построить город в устье Днепра с судостроительной верфью, торговой пристанью и крепостью, которые должны были стать базой для создания Черноморского флота. В 1783 году на судостроительной верфи Херсона состоялся спуск на воду первого военного судна Черноморского флота. В том же году Херсон стал уездным городом Екатеринославского наместничества, с 1803-го по 1923 год – центром Херсонской губернии, с 1944 года – областным центром Украины. Уже в начале XX века город стал значительным торговым портом.

Евреи в Херсоне начали селиться в конце XVIII века. Как и в других областях Новороссии, это были в основном выходцы из Северо-Западного края, занимавшиеся торговлей зерном и древесиной, а позже — переселенцы с Волыни. В 1799 году в городе было 39 евреев-купцов и 180 евреев-мещан, в 1803 году – 36 еврейских купцов и 344 евреев-мещан. В 1807–1810 годах на землях Херсонской губернии были созданы первые еврейские земледельческие колонии. В 1847 году в Херсоне проживало 3 тыс. 832 еврея. Большая община (287 человек) была и в местечке Берислав Херсонской губернии.

В 1816 году в Херсоне была открыта еврейская больница с богадельней. Город вошел в состав 19 основных общин, которые в 1842 году посетил М. Лилиенталь в рамках подготовки к созданию казенных еврейских училищ. В 1848 году здесь было открыто еврейское женское училище, в 1850 году – мужское.

В середине XIX века Херсон стал одним из основных центров Хабада в южных губерниях России. Наибольшее число последователей движения было среди евреев-колонистов. В городе жили видные раввины Шломо-Залман Пинскер (?–1886) и его сын Гершон-Бер (1845 – после 1912).

В 1880-х годах в Херсоне было четыре большие синагоги, кроме того, существовала караимская кенасса и восемь молитвенных домов.

С конца 1850-х годов в Херсоне жил видный деятель Хаскалы Иеуда Бехак (1820–1900), исследователь еврейской грамматики и автор комментариев к Библии. В 1860–1880 годах казенным раввином Херсона был Ф. Ш. Блюменфельд (1826–1896), выпускник Житомирского раввинского училища, пытавшийся преобразовать быт и образование херсонских евреев в духе Хаскалы.

В 1897 году в городе проживали 17 тыс. 555 евреев (составлявших 30% всего населения), 13 тыс. евреев проживали в селах и местечках Херсонского уезда.

Первые погромы в Херсонской губернии произошли весной 1881 года, перекинувшись из Елисаветграда (Кировоград) и окрестных с ним сел и местечек. В августе–сентябре 1904 года, после начала русско-японской войны, произошел «мобилизационный» погром в Херсоне: его учинили новобранцы, призванные на войну. Особенно жестоким был погром в городе Александрия Херсонской губернии, где толпа ворвалась в синагогу в Йом Кипур и зверски избила молящихся, около 20 евреев погибли. 18–19 октября 1905 года в городе произошел новый погром, в ходе которого особенно пострадали рынки и окраины. Беспорядки были подавлены воинскими частями.

С конца XIX века Херсон стал одним из центров палестинофильской и сионистской деятельности. Среди сионистских деятелей следует назвать З. Смилянского (1873–1944) и Я. Шертока, отца будущего премьер-министра Израиля М. Шарета. В 1919–1920 годах в Херсоне издавался сионистский еженедельник «Еврейское слово» под редакцией Ш. Невельштейна.

В 1910–1923 годах здесь жил хасидский цадик рабби Яаков-Исроэл Рабинович (1880–1942) из Линецкой династии.

В начале XX века в Херсоне существовали три «Талмуд-Торы» (две с ремесленными классами, одна – сугубо ортодоксальная), еврейское женское профессиональное училище, еврейское ремесленное училище, субботние школы — женская и мужская, пять частных мужских и два женских общеобразовательных училища.

Выпускниками херсонской гимназии № 20, ныне носящей имя Бориса Лавренева (писатель окончил это учебное заведение), были многие выдающиеся люди: Владимир Хавкин, создавший и испытывший на себе противохолерную вакцину, основатель противочумного института в Индии; Евгений Тарле, историк, академик АН СССР (его именем названа одна из улиц Херсона); Моше Шарет (Шерток) – первый министр иностранных дел и премьер-министр Израиля.

Херсон дал миру много выдающихся музыкантов. В еврейской земледельческой колонии Излучистая Херсонской губернии родился будущий основатель и дирижер израильской оперы Мордехай Голинкин. Его музыкальное образование началось в 1880-х годах в хоре Старой херсонской синагоги под руководством кантора Пинхаса Миньковского, у которого Голинкин учился нотной грамоте.

В 1867 году в Херсоне родился Самуил Майкапар – педагог, композитор, пианист и писатель; в Ковалевке Херсонской губернии родился Феликс Blumenфельд – замечательный пианист, композитор, дирижер. В 1877 году в Херсоне родился Эмиль Купер – скрипач, концертмейстер, главный дирижер многих оперных театров (Одессы, Харькова, Москвы, Петрограда, Риги, Парижа, Милана, Нью-Йорка, Монреаля), профессор Московской и Петроградской консерватории, кавалер ордена Почетного Легиона. В 1889 году в Херсоне родился Яков Скоморовский – трубач, дирижер, руководитель «Теа-джаза» Л. Утесова.

В 1939 году в городе насчитывалось 16 тыс. 145 евреев (составлявших 16,65% населения).

Немецкие войска заняли Херсон в середине августа 1941 года. Приблизительно две трети еврейского населения были эвакуированы или бежали. К концу августа оставшиеся в городе евреи были собраны в гетто и между 16 и 30 сентября 1941 года расстреляны в противотанковом рву недалеко от города. Евреи из земледельческих колоний были уничтожены в течение 1942 года в концентрационном лагере в Любимовке.

По переписи 1970 года в городе было зарегистрировано около 9 тыс. 700 евреев.

ΘΕΤΕΑ ΑΔΙΙ ΘΟΑΕΙ Α

Α Οαδιία αηου ααδαεεαυ θεεεα, α α θεεεα αηου αεδαεοιδ. Γιαο αη Αεοαεεε-Αδιι Αδιι θοαει. Αηηεεε εδου ιυε ι σε-εια, α οι ιυο ααααο - ααδαεεαυ «αδιι θεεα», α αηηη α αηεεα αηηη - ια ι δεεε-αηο αηηηαυ αηααηο ο ηοδαηο ι ηηου Γ ηηα Αεοαεεε Ααααι ιαε- η αηαηηοηη αηηηεο, α οη ιη ο-εοαεη ηηααη εε. Ι ι ια οηεηεη...

Отличник просвещения Украины, член президиума Еврейского совета Украины, его почетный деятель, член Совета Южно-Украинского объединения еврейских общин – этими титулами достижения Виталия Авраамовича не исчерпываются. Но главным из достижений он считает свою среднюю школу № 59 – первую национальную еврейскую школу на Юге Украины. В сентябре любимому детищу Бронштейна исполнится 13 лет – «бар-мицва», как и у раввина Вольфа в этом городе.

С одной стороны, это нормальная еврейская школа (правда, лет 15 назад такое словосочетание на постсоветском пространстве прозвучало бы дико), работающая, как и все школы «Ор Авнер» на территории СНГ. Школа полного дня, с трехразовым кошерным питанием, доставкой учащихся от дома к школе и от школы домой на специальных автобусах, со специально организованной охраной. Что касается программы обучения, то она, помимо государственной общеобразовательной, включает в себя этнокультурный компонент – изучение истории и традиций еврейского народа, Торы, иврита. Преподавание ведется на русском языке. Кроме иврита, с первого класса изучаются английский, украинский языки и компьютер (здесь есть два прекрасных компьютерных центра). Причем всё это в херсонской школе, как и во всех школах «Ор Авнер», учащиеся получают абсолютно бесплатно.

Чем же отличается херсонская школа от других? Виталий Бронштейн разъясняет: «Отличие в том, что за годы нашей работы мы выработали несколько иное отношение к целеполаганию учебного заведения». Звучит мудрено... Но на самом деле идея до гениальности проста.

«Ноу-хау» херсонской школы и ее директора – новое прочтение так называемой еврейской «теплой педагогике». Что это за херсонский «фрукт» такой и с чем его едят? Пришли к этому «термическому» педагогическому варианту в школе № 59 города Херсона не сразу. Дорога была долгой и выстраданной.

В первые годы, рассказывает директор, педагогический коллектив шел тем же путем, что и другие школы: «Мы полагали, что первым делом необходимо дать детям хорошие знания. И, что важно, приобщить их к вере и традициям отцов».

Но возникла проблема: ведь дети в школе – разные! «Существуют учебные заведения, например, гимназия или лицей, где детей отбирают по умственным способностям, по склонностям. А в нашу школу идет любой ребенок, если он еврей. Следовательно, наш главный продукт – дети – является разнородным: есть с высоким уровнем развития, есть с более низким. У меня директорского стажа почти 30 лет, до этой школы я 18 лет руководил другими государственными учебными заведениями. Я думал, что знаю уже всё, но это оказалось совсем не так».

Так что же делают в школе, где детям хотят дать «по максимуму», хотя они разные? «Доминантой в такой школе является как можно более высокий уровень развития ребенка, – поясняет Виталий Авраамович. – Это значит, что дети, которые имеют хорошую голову, получают у нас по высшему стандарту. Такого они не получают ни в одном лицее и ни в одной гимназии. Каждую неделю у нас есть специальные уроки: математику читает лучший учитель города, английский язык читает вузовский преподаватель. Более того, наши дети всё это получают в режиме репетиторства.

Что мы делаем с остальными? Происходит такая игра: детей с низкими способностями (а такие тоже есть) подтянуть к среднему уровню. Задача для средних детей – подтянуть их к высшему уровню. Помогают курсы, специальные программы. Ни одна категория детей не остается вне нашего поля зрения».

Но главное всё же не в этом. Основная задача педколлектива школы дать всем – без исключения! – ученикам как можно более высокий уровень общего развития. Больше знать, уметь, увидеть, услышать. Научиться понимать связь вещей и явлений.

Для этого в школе работает несколько программ. Одна из самых серьезных – «Тотем». Там идет профессиональная подготовка работников масс-медиа: журналистов, работников телевидения и радио, операторов. Заслуженный актер Украины Панасюк читает риторику, занимается культурой речи, обучает умению вести диалог. Евгения Киреселидзе, редактор телевидения, вместе с операторами учит детей снимать, держать в руках камеру. Работает компьютерный центр, дети занимаются компьютерным дизайном.

Кроме того, с детьми (по их желанию) занимаются просто специалисты. Не педагоги, а именно специалисты в самых разных сферах. К тем знаниям, что дают на уроках, ребенок получает дополнительные – в интересной и доступной форме.

«Таких детей мы готовим к тому, чтобы они могли вписаться в какую-то общность, заняться каким-то бизнесом, – говорит директор. – Чтобы они стали интересными людьми, не были “пресными”».

Херсонский «теплый проект» работает следующим образом. С понедельника по пятницу – учебные дни. После обеда в одних классах проводятся уроки и делаются домашние задания в режиме рабочего дня, в других проводятся консультации учителей, работающих в школе: это те учителя, которые дают консультации детям с низким уровнем знаний, подтягивают их к более высокому уровню. Дети знают, какие учителя, где и когда будут вести занятия, где находится завуч, учитель по тому или иному предмету. Кроме того, два раза в неделю в школу приходят специалисты – учителя «высшего пилотажа». По воскресеньям и понедельникам приходят из театра. Четыре раза в неделю – компьютерный дизайн.

«Очень жалею, что когда учился я, с нами таких вещей не делали, – вздыхает Виталий Авраамович. – Эта система прекрасно себя зарекомендовала. Каждый получит то, что может и хочет получить. Мы ему это дадим. И когда-нибудь нам будут говорить за это “большое спасибо”».

Однако, признается Виталий Авраамович, есть и минус: в других учебных заведениях дети получают знания с работой в активных системах – конкурентных, жестких: «А у нас нет такой жесткой конкуренции. Ведь там классы, где из 30 человек – 25 умниц. И нужно очень постараться, чтобы как-то выделиться на этом фоне».

В школе «Ор Авнер» попытались искусственно создать условия конкуренции: начали участвовать во всех олимпиадах – городских, областных, Малой академии наук. «Почему мы не участвовали раньше? – задает вопрос Бронштейн и сам же отвечает: – Потому что они проводились по субботам. Три с половиной года назад мы приняли решение, что с этим нужно что-то делать, и решили этот вопрос через облоно, через раввина, через областную администрацию. Специально для нас олимпиады теперь проводят не в субботу, а, например, в воскресенье. Та же самая комиссия выезжает к нам, дают такие же по сложности задания. И вот итоги. В нашей школе, где учатся полторы сотни человек, есть четыре победителя городских олимпиад, три – олимпиад Малой академии наук. Извините, но даже школа, где полторы тысячи учащихся, не имеет такого количества победителей! Это означает, что наши дети могут проявить себя на общем фоне».

Одна из составляющих успеха – высококлассные учителя, причем даже по физкультуре! С ребятами здесь занимается тренер высшей категории Олег Ищенко. «Остряки говорят, что еврейский спорт – это шахматы. Но у меня, например, на тренировках по боксу от желающих отбоя нет. Мальчики в нашей старшей школе активно занимаются силовыми видами спорта». Налицо результат – его сын и воспитанник Павел стал чемпионом Юга Украины по боксу среди юниоров. Есть и другой результат: «Я неплохо знаком как с российскими школами, так и с израильскими, – говорит Олег Ищенко. – И замечу: в нашей школе нет ни малолетних правонарушителей, ни наркоманов».

В херсонской школе очень гордятся тем, что украинский язык (а знание его весьма важно для будущей профессиональной деятельности в Украине) преподает здесь Валентина Тихоша – учитель-методист, кандидат наук, доцент педагогического университета и автор учебников, по которым «мову» изучает вся Украина. Сама Валентина Ивановна о своей работе отзывается так: «В еврейской школе мне нравится то, что здесь нет мелочей. Тщательно продумывается не только механизм исполнения решений, но и их последствия. Например, был проведен анализ, который показал, что большинство выпускников намерены поступать в вузы Украины. Преподавание украинского языка тут же было усилено. Для английского, чтобы дети овладели им в полной мере, община приобрела дорогие оксфордские учебники. Я думаю, другим школам здесь есть чему поучиться».

Супруга раввина Хая Вольф, преподающая в школе иврит, говорит, что серьезные трудности возникают из-за различий в уровне знаний учащихся: «Новые ученики зачастую приходят в классы, где дети изучают иврит не один год!» Но и эта проблема успешно решается – организуется разноуровневое обучение: «У нас успешно действуют группы “выравнивания”. А лучшей наградой для нас являются письма, которые наши бывшие выпускники пишут нам на иврите, независимо от того, в какой стране они продолжают дальнейшее образование».

Результаты работы налицо: 90% выпускников херсонской школы «Ор Авнер» получают высшее образование в университетах Украины, Израиля, США, Германии и других стран. Здесь гордятся выпускниками. Приводят пример: Даша Горелик уехала в Америку, попала в список 35 лучших студентов США. Поступила на бюджетной основе в Нью-Йоркский университет, учится на «отлично»... «Кстати, знаете, сколько стоит годовичное обучение на ее факультете? 27 тысяч долларов!» – говорит директор. И такие выпускники не единичны.

В школе осуществляется постоянный контакт с родителями. Виталий Авраамович говорит: «Нам важно и самим убедиться, что мы правы, и убедить в этом родителей. Наш долг – корректировать свои действия. Есть требовательные родители, которые задают вопросы: что? как? а почему не так? Это нормально. Недавно у нас было родительское собрание, поговорили об учениках, я отчитался по итогам года, рассказали родителям о том, что будет на каникулах. После собрания разговариваем с раввином. Он говорит: “Ты знаешь, Виталий, у нас родительские собрания стали проходить очень интересно, родители очень довольны. И я уже не так нервничаю перед собранием...”»

Событием, оказавшим на него наибольшее влияние, Виталий Авраамович называет день своего рождения. Что ж, с чувством юмора у директора херсонской школы «Ор Авнер» всё в порядке – папа, Авраам Юда-Гершевич, был одесситом. Это по маме, Рахили Абрамовне, директор местный, херсонский. Но было в его жизни, кроме дня рождения, и другое судьбоносное событие, о котором Виталий Бронштейн рассказывает так: «Однажды в хороший зимний день я самолично принял решение стать настоящим мужчиной-евреем не на словах, а на деле. И довольно близко познакомился с одним старым опытным

моэлом... В результате приобрел себе новое доброе имя, которым нарек меня мой сегодняшний раввин и духовный наставник реб Йосеф Вольф, – Арье».

С каждым годом в херсонское среднее общеобразовательное заведение «Ор Авнер Хабад» приходит всё больше учеников. Их здесь ждуг – вот они сюда и идут... Пожелаем им успехов на пути к знаниям, а также к осознанию своей национальной принадлежности, своего духовного предназначения. И то и другое очень важно.

È. Èaði'ái èi

поручениям, придворный советник Карцев, который в 1845 году провел ревизию еврейских поселений и составил подробный отчет об их жизни и быте, по поводу такого «вредного», как считалось, соседства писал: «Евреи не могут испортить или обманывать украинских крестьян, которые столь же хитры, как и они, и не дадут себя одурачить».

В отчете Карцева говорилось, что в еврейских колониях живет 1661 семья, или 12 тыс. 779 человек. В 15 колониях было 19 каменных синагог, работали хедеры – у 76 мелаамедов обучались 533 ученика; 12 живших там раввинов пользовались большим уважением. Карцев хвалил прочность устоев еврейской семьи, уважение к родителям и отмечал, что среди евреев почти нет пьянства и преступности.

В 1861 году в 37 колониях Херсонской и Екатеринославской губерний проживало уже 2642 семьи, всего 26 тыс. 784 человека. К середине 1860-х годов в Новороссии было 39 колоний, обитавшие в них 2873 семьи обрабатывали 129 521 десятину земли. А согласно переписи 1898–1899 годов, евреи, занятые в сельском хозяйстве, составляли более 3% от общего числа российских евреев. Накануне первой мировой войны в колониях, превратившихся из некогда нищих поселений в прочные крестьянские хозяйства, проживало 42 тыс. человек.

В советский период количество евреев, «приобщенных к земле», было еще больше. К 1931 году в Украине и в Крыму было образовано 170 новых поселков, где проживало свыше 20 тыс. семейств (100 тыс. человек), создавались еврейские национальные сельские советы и районы (в том же году в Украине было создано 134 еврейских сельсовета). Языком, на котором говорили, писали, пели, который изучали в школах и техникумах, был идиш. Появился даже первый в истории Колхозный еврейский театр! Задача, поставленная Советами – за 10 лет переселить «на землю» полмиллиона евреев, – увенчалась успехом: на территории еврейских национально-административных образований в Советской Украине проживало 250 тыс. евреев, то есть 14% еврейского населения! Такого количества земледельцев история русского еврейства и вообще еврейства в голусе не знала никогда...

Геня Шевелева.

* * *

Ингулец – одна из первых еврейских колоний «первой волны» переселения. Основателями ее стали 104 еврейские семьи – 310 человек, – которым было отведено 9 тыс. десятин земли. С годами внешний облик колонии сильно менялся: на месте землянок строились новые дома (многие были крыты железом или черепицей), хозяйственные помещения. Появились сады и огороды. Со временем эта колония стала самой большой из еврейских колоний Юга Украины: здесь проживали 2 тыс. 800 человек.

Неофициально колонию называли еще Гар Шефер – видимо, в память об одной из 42 стоянок евреев во время скитаний по пустыне. Первое слово означает «гора», а второе в переводе с литературного иврита – «красота». Колония расположена на возвышенности, над рекой, как бы на горе. На библейской горе

Шефер произрастали прекрасные плодовые деревья. Еще одно неофициальное название колонии – Широкая (по названию расположенной здесь балки).

Геня Шевелева родилась в колонии Ингулец в 1920-м. В этом году ей исполнится 86 лет. Сейчас она живет в днепропетровском Доме для людей преклонного возраста «Бейт Барух» (см. Лехаим, №1, 2006).

Геня вспоминает большую семью, из которой в живых, увы, не осталось никого: «Папа, Вейзер Шевелев, работал резником, а мама, Софья Яковлевна, была домохозяйка. Она училась в Одессе, знала много языков. Нас, детей, было 12 человек...»

Слово «Ингулец» в ее устах звучит как музыка – она произносит его с особым выражением: «Ингулец знаете? Знаменитая колония!.. Там мы прожили до 1939 года, а потом папа забрал нас в Московскую область, в город Можайск».

Геня переехала в Россию и благодаря этому не погибла, как большинство евреев колонии Ингулец и всего Сталиндорфского района. За долгую жизнь она работала и в еврейском колхозе, и на трикотажной фабрике в Черновцах, пережила голод в 1933-м и 1947-м, хлебнула лиха в войну: Смоленск, Витебск, Тула, Воронежская область...

«Все работали. Папа принимал скот. Табак растили, рожь и пшеницу – мы ее помогали молотить. Работали до пяти на одной работе, а после – на другой. Хлопок делали, ватные мешки. В Днепропетровске работала на заводе, рыла траншеи, клала асфальт, бетон под самолетную полосу», – старая женщина воссоздает картины своей трудной жизни с самого детства – с колонии Ингулец...

«Семья всегда соблюдала традицию – и папа, и мама. Я Тору и сейчас прочитаю. Мне еврейский язык с детства нравился. А с кем мне было потом говорить? Они не знают, что такое сейдер, талис, они же ничего этого не видели: если дома этого не было – откуда знать?»

В Ингульце существовали три молитвенных дома, была большая каменная синагога – центр религиозной и общинной жизни: здесь и молились, и собирали сельский сход, сюда приходили в субботу и на праздники, здесь мальчики учили Тору и Талмуд...

Геня Шевелева рассказывает:

«Колония была очень богатая – мельницы, больница, поликлиники, своя парикмахерская. Были маленькие синагоги, старики и старухи на каждый праздник собирались, молились. А недалеко от нашего дома была центральная синагога – какие люстры, какая красота! Она работала до 1939 года, потом там инкубатор сделали, цыплят выращивали для колхоза. А потом всё разломали...»

В колонии действовало самоуправление: собирался сельский сход, выбирались шульц (староста) и два бейзицера (заместителя). На сходе принимали новых колонистов, решали все важные вопросы. В обязанности шульца входили надзор за порядком, выполнение решений общего схода и распоряжений властей.

В Ингульце, как и в других еврейских колониях, существовала «Талмуд Тора» (обучение грамоте), «Гмилус Хесед» (касса взаимопомощи), «Бикур Холим» (медицинская помощь), «Хевра Кадиша» (погребальное братство). Ни в одной еврейской колонии не было неграмотных еврейских мальчиков – все без исключения ходили в хедер, изучали основы еврейской грамоты, Тору и Талмуд.

«Были у нас сидуры и Торы были. Очень были все набожные, – вспоминает Геня. – Был раввин, у него – помощники. Все в колхозе работали, но чтобы не пойти на субботу или на сейдер – никогда! Как могли так договориться, чтобы нас не трогали, – этого я не знаю. Но власть на религию не насадала. Потом возникли русско-украинские школы. Колхозы назывались “Надежда”, “Старица”, “Пахарь”. Там жили и евреи, и украинцы, и русские – разницы особой не было. Наши девушки выходили замуж за русских ребят, а наши ребята женились на русских девушках. Нам завидовали, многие хотели к нам переехать. У нас ведь какие были урожаи хлеба!.. А теперь там одни бандеровцы живут... Не знаю, сколько сейчас там хат... Когда вернулись в Ингулец, народ там уже не тот был, с которым мы выросли. Понимаете? Одна женщина попросила у нас денег, а я не дала, так она ночью начала камни кидать в окна, стекла мне разбила. Оскорбляли меня, жидовкой называли, грозили убить... И записки писали, говорили, чтобы убиралась...»

Геня Шевелева вздыхает.

«Братья мои погибли на фронте. Их хаты начали разбирать. Я все время говорила: не нужно хаты разбирать – ведь люди приедут, земля не будет стоять! А председатель отвечал: не ваше дело. Поломали синагогу, клуб... А могли и не трогать. Люди еле-еле снова строили. Я же говорила – земля не будет пустовать...»

После начала Великой Отечественной войны лишь небольшая часть колонистов сумела эвакуироваться. Оставшиеся были уверены, что немцы их не тронут, памятуя о всегдашних сердечных отношениях с соседями – обитателями немецких колоний.

Нацисты, когда пришли в эти места, поняли, что без помощи евреев урожая им не собрать. Они окружили колонию Ингулец колючей проволокой и приказали евреям спокойно работать. «Люди жили, хлеб сажали, молотили. А потом...»

Геня замолкает. Когда урожай был собран, всех евреев уничтожили... Она переводит дух и продолжает свой скорбный рассказ:

«Немцы собрали стариков, детей под пулемет. Они сказали людям: вас увезут, надевайте самое лучшее, самое лучшее с собой берите. И повели их берегом реки, как будто к станции. И, говорят, когда шли к берегу, они уже всё поняли... Так кричали!.. Очевидцы говорят, земля неделю ходуном ходила... Там и мертвые, и живые были... Я когда приехала, мне не по себе было. Говорила: мама, я себя виноватой чувствую. Мне всё казалось, что ОНИ за мной ходят...»

На окраине села Ингулец – остатки разоренного еврейского кладбища и памятник расстрелянным евреям. Вот только нет на нем ни слова «евреи», ни меноры, ни звезды Давида. Как и везде в СССР: «мирные граждане»...

Геня вздыхает: «Я два года назад видела, как ребята тащили памятник из нержавейки. Сломали... Думала, у меня будет разрыв сердца. Разве можно такое делать? Но никто не хочет нарываться на скандал».

Сейчас Ингулец называется «поселком городского типа». Мало кто помнит былое процветание, быт и уклад еврейской колонии Ингулец – колонии, которая могла бы справить 200-летний юбилей. В пламени Холокоста погибли ВСЕ некогда процветавшие еврейские колонии Юга Украины. От колонии Ингулец осталось только название и скорбная память старой еврейской женщины, Гени Шевелевой...

עַל עַבְדֵי אֵי עֵי, אֲלֵי מוֹדָא

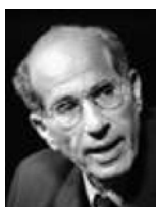
РЕДАКЦИОННЫЙ ИЮЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 ИЮЛЯ

80 éàò ìí äíÿ ðíæääí èÿ экономиста, члена Национальной АН США, профессора Чикагского университета, предложившего концепцию, по которой небольшие нововведения в промышленности способствуют в большей степени ее развитию, чем крупные технологические прорывы, использовавшего экономическую теорию и количественные методы при изучении исторических событий, лауреата (совм. с Д. С. Нортон) Нобелевской премии по экономике 1993 года **Роберта Уильяма Фоуджела** (Fogel; р. 1926, Нью-Йорк).

2 ИЮЛЯ

60 éàò ìí äíÿ ðíæääí èÿ нейрофизиолога, члена Национальной АН США, профессора Колумбийского университета, проводшего (совм. с Л. Бак) основополагающие исследования, результаты которых позволили понять, каким образом люди запоминают и узнают различные запахи, лауреата (совм. с Л. Бак) Нобелевской премии по медицине 2004 года **Ричарда Акселя** (Axel; р. 1946, Нью-Йорк).

100 éàò ìí äíÿ ðíæääí èÿ борца, обладателя золотой олимпийской медали 1936 года **Кароли Карпати** (Karpati, наст. фамилия Кляйн; 1906, Эгер, Австро-Венгрия – 1996, Будапешт).

4 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения скрипача, педагога, народного артиста РСФСР, лауреата 1-х премий на Международных конкурсах имени М. Лонг – Ж. Тибо в Париже и имени П. И. Чайковского в Москве, профессора Ленинградской консерватории **Бориса Львовича Гутникова** (1931, Витебск – 1986, Ленинград).

7 ИЮЛЯ

100 ёаò ñ äý ðæääíéý математика, члена Национальной АН США, профессора Принстонского университета, автора работ в области теории вероятностей и ее приложений **Уильяма Феллера** (Feller; 1906, Загреб – 1970, Нью-Йорк).

9 ИЮЛЯ

80 ёаò ñ äý ðæääíéý теплофизика и теплоэнергетика, члена-корреспондента РАН, профессора Московского энергетического института, проводшего исследование теплофизических свойств материалов, теплоносителей и рабочих тел, участника создания высокотемпературных энергетических установок для космических установок, атомной энергетики **Эвальда Эмильевича Шпильрайна** (р. 1926, Ростов-на-Дону).

11 ИЮЛЯ

130 ёаò ñ äý ðæääíéý писателя, близкого к сюрреализму, автора произведений «Святой Маторель», «Оправдание Тартюфа» и др., состоящих из стихов и прозы, для которых характерно переплетение фантастического гротеска и реальности, **Макса Жакоба** (Jacob; 1876, Кемпер, Франция – 1944, концлагерь Драней).

24 ИЮЛЯ

170 ёаò ñ äý ðæääíéý экономиста, статистика, финансиста, основоположника российской железнодорожной статистики, учредителя и председателя правлений акционерных обществ российских железных дорог – Киево-Брестской, Либавской, Лодзинской, автора работ в области экономики промышленности и сельского хозяйства, экономической истории России, а также исследования «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» **Ивана Станиславовича Блюха** (1836, Радом – 1901, Варшава).

28 ИЮЛЯ

110 ёаò ìì äíŸ ðŕæääíéŸ органиста, пианиста, музыковеда, педагога, профессора Ленинградской консерватории, одного из основоположников современной отечественной органной школы **Исаия Александровича Браудо** (1896, Боярка Киевской губ. – 1970, Ленинград).

90 ёаò ìì äíŸ ðŕæääíéŸ физикохимика, члена Национальной АН США, директора отделения химии Брукхейвенской национальной лаборатории, автора работ в области ядерной и радиохимии **Герхарта Фридлендера** (Friedlander; р. 1916, Мюнхен).

29 ИЮЛЯ

80 ёаò ìì äíŸ ðŕæääíéŸ режиссера, народного артиста РФ, профессора Ленинградского театрального института, основателя кафедры режиссуры Петербургского гуманитарного университета, художественного руководителя Ленинградского ТЮЗа **Зиновия Яковлевича Корогодского** (1926, Ленинград – 2005, Петербург).

24.VII 120 РАВВИН ШЛОМО ГАНЦФРИД:

РУКА, ДЕРЖАЩАЯ ПЕРО

В конце 70-х годов прошлого века малый зал московской синагоги на улице Архипова заполнился молодежью. Старики, хоть и радовались появлению новых лиц, но украдкой вздыхали, подозревая, что ребят, с энтузиазмом изучающих иврит и традицию, ждет лихая доля. Советской власти старики не верили; чудом проскользнув между ее клыками, они постоянно ожидали какого-нибудь подвоха.

В малом зале собирались остатки некогда самых прославленных еврейских общин России. Ученик Хофец Хаима реб Авром Миллер, хабадники: Мотл Лифшиц, Гейче Виленский, Исроэл Пинский. Последователи Ребе из Махновки, других украинских и белорусских хасидских общин: реб Липе Месорер, реб Хаим Торбочка, Григорий Маркович Маневич, габай Борис Григорьевич Синайский. Их рассказы слушали с открытыми ртами, ведь они представляли собой не книжную, а живую, настоящую традицию.

Молодежь условно поделила малый зал на две половины, «хабадскую» и «литовскую». Слева от бимы, за реб Авромом, на молитве стояли миснагеды, справа, за реб Мотлом, – хабадники. Но деление было чисто условным, нередко всё перемешивалось: «идеологические противники» садились рядом друг с другом, дружелюбно беседовали. Старики же вообще не обращали на «деление» никакого внимания: под железной пятой советской власти еврейские противоречия казались им мелкими и неглавными. Главным было – выжить и передать Учение дальше.

После молитвы реб Авром давал урок. Именно от него я впервые услышал о понятии «деградация поколений».

– Это они, – сказал реб Авром, ткнув указательным пальцем в сторону улицы, – думают, будто идут по пути прогресса и с каждым годом знают всё больше и больше. При такой постановке вопроса невозможно исполнять одну из главнейших заповедей – почитание родителей. За что уважать старого примитивного отца, если сын продвинулся дальше его по дороге к сияющим вершинам?

Реб Авром перевел взгляд на освещенный лампочкой щит, где, выведенная крупными буквами, красовалась молитва за здоровье правительства СССР, оплота мира во всем мире. Комментарии не требовались, сидящие за столом понимали намеки с полувзгляда.

– У евреев всё обстоит по-иному, – продолжил реб Авром. – Моше получил Тору на Синае и передал Иеошуа. Обратите внимание на глаголы: получил и передал. Не написано: Иеошуа получил. Написано: Моше передал. И объясняют мудрецы, что человек не может полностью и точно передать знание другому человеку, всегда что-то забывается. С каждым годом какая-то часть Учения становится непонятной, требуются многие книги и комментарии, дабы объяснить то, что раньше казалось ясным даже начинающему ученику. Чем дальше мы от Синае, от абсолютного знания, полученного Моше из рук Самого Всевышнего, тем меньше мы понимаем. Поэтому нам, евреям, легко уважать своих отцов, а уж тем более дедов – ведь они знали больше, чем мы.

В дальнейшем я не раз вспоминал слова реб Аврома. Действительно, великий Раши написал свой комментарий так, чтобы он был понятен каждому. Сегодня мы не можем понять Раши, для объяснения его объяснений написаны уже целые библиотеки. Рав Йосеф Каро, решив облегчить жизнь простому еврею, составил свод законов «Шулхан Орух», то есть «Накрытый стол». Все законы и правила в четырех трактатах этого труда были подобны блюдам на обеденном столе: нужно было лишь подойти и выбрать блюдо по вкусу, то есть открыть книгу и читать в нужном месте нужное объяснение.

Сегодня «Шулхан Орух» представляет собой четыре огромных тома, страницы которых испещрены мелкими, мельчайшими и микроскопическими буквочками. Помимо основного текста тома содержат разного рода дополнения, пояснения, уточнения, недоумения и опровержения, составленные более поздними комментаторами. Разобраться в этом можно лишь после специальной подготовки, по существу – специального образования, получить которое куда сложнее, чем научиться программированию или электронике.

О «накрытом столе», готовом для каждого еврея, речь не идет уже лет двести – простой еврей в этой книге попросту утонет. Чтобы упростить задачу, раввин Шломо Ганцфрид в 1864 году написал сокращенный и, главное, упрощенный вариант, названный «Кицур Шулхан Орух», этакий «укороченный стол», вернее столик. Помещалось на нем куда меньше, а объяснялись только общие случаи, зато все законы укладывались в один томик. Сто пятьдесят лет назад обыкновенный еврей уверенно ориентировался в этой книге, построенной по принципу: делай вот так-то. А если хочешь понять, почему именно так, а не иначе, открой полный «Шулхан Орух», а за ним Талмуд, раввинские респонсы и проч. и проч. и проч. Книги «Кицур Шулхан Орух» хватило на сто лет, сегодня ее тоже нужно объяснять и комментировать. На протяжении всей своей истории евреи постоянно занимались фиксацией ускользающих подробностей соблюдения Б-жественного закона, создавая всё новые и новые книги. И если выбирать некий знак, символизирующий духовную работу нашего народа, им, как мне кажется, должна стать рука, держащая перо.

Моя младшая дочь, приходя из религиозной израильской школы, достает «Кицур Шулхан Орух» и громкогласно возвещает: «Папа, я ни-че-го-шень-ки не понимаю в этой книжке. Иди со мной делать уроки».

Счастливое дитя! Оно еще пребывает в уверенности, что ее папа знает Тору не хуже рабби Акивы. Еще немного, и ей предстоит расстаться с этой иллюзией. Но пока я нацепляю очки, сажусь вместе с ребенком за стол, мы открываем «Кицур Шулхан Орух» и принимаемся вдвоем штурмовать высоту, которая совсем недавно представляла собой ровную, накатанную дорогу.

Нелепое письмо, подписанное в России сначала пятьюдесятью малограмотными людьми, а затем и пятью тысячами, обвиняет евреев в страшных преступлениях против гуманизма. Письмо цитирует «Кицур Шулхан Орух», цитирует невпопад и не по делу. У меня нет претензий к этим людям – разобраться в хитросплетениях талмудической логики и понять, что есть закон, а что – боковое мнение, не ставшее законом, им не под силу. Для этого нужно долго и много учиться, а у них на это не было ни желания, ни времени. Раввин Шломо Ганцфрид ориентировался на совершенно иную публику. Главная проблема нашего века – некомпетентность в сочетании с самоуверенностью. Что поделать – деградация!

Шломо Ганцфрид родился в Ужгороде в 1804 году. Город тогда был в составе Австро-Венгрии и назывался Унгвар. Шломо был ярко выраженным вундеркиндом, никто не сомневался, что ему предстоит великое будущее. Многие годы он провел, погрузившись в Учение, и только в 1843 году стал раввином в небольшом городке Брежевич. Но уже в 1849-м рав Ганцфрид вернулся в родной Унгвар в качестве главы

религиозного суда и руководителя ешивы. На этом посту он оставался до самой своей смерти. Он скончался 28 тамуза 5646 (1886) года, в нынешнем году день его памяти приходится на 24 июля. Кроме «Кицур Шулхан Орух» рав Ганцфрид написал около двадцати книг, посвященных толкованиям закона. Эти книги отличает необыкновенно тонкий и скрупулезный анализ самых мелких подробностей рассматриваемых проблем.

На его могиле в Ужгороде стоит высокий памятник, на нем эпитафия: «Учитель – истинный гений, известный в жизни каждой страны. В нашем несовершенном мире это был чистый цадик, Шломо Ганцфрид, сын Йосефа...»

Памятник очень скромный – кроме эпитафии, сверху, на медальоне, тонко прочерчен рисунок – рука, держащая перо.

Betá Qáñò áđ

30.VII 50 ЛЕВИ ЛЕВАЕВ.

Б-ГУ НУЖНО ВЕРИТЬ

«Все крупные состояния нажиты нечестным путем», – утверждал в свое время Остап Бендер. Доживи великий комбинатор до наших дней, он был бы вынужден изменить свою точку зрения. Ведь один из самых богатых людей Израиля, религиозный еврей Леви Леваев, нажил его в соответствии с законами Торы.

Карьеру Леваева эксперты сравнивают с метеоритом. Он ворвался в сферу большого бизнеса на головокружительной скорости, за несколько лет пройдя путь от наемного гранильщика алмазов в небольшой мастерской до обладателя миллиардного состояния. Его успехи дают аналитикам основание опасаться за монополию южноафриканской корпорации «Де Бирс», которая вот уже сто с лишним лет диктует правила игры на мировом алмазном рынке.

Начав с алмазов, Леваев постоянно раздвигает границы своего бизнеса. Сегодня в сферу его деятельности входят развитие инфраструктуры, химическая промышленность, развитие высоких технологий, сеть отелей.

Но главным, основным своим занятием Леваев считает еврейскую благотворительность. Ее размах невероятен, – думается, спустя несколько десятилетий имя Леваева встанет в один ряд с именами таких величайших еврейских филантропов, как Эдмонд Ротшильд и Морис де Гирш.

Когда в начале 90-х годов Леваев решил распространить свой бизнес на Восточную Европу и бывший Советский Союз, он обратился за благословением к Любавичскому Ребе. Вместе с благословением Ребе дал Леваеву наказ «продолжить праведный путь своих родителей и восстановить еврейскую жизнь в бывших советских республиках». В 1992 году Леваев основал фонд «Ор Авнер», названный в честь его отца.

«Ор Авнер» открыл свыше семидесяти еврейских средних и высших светских и религиозных учебных заведений по всей территории бывшего СССР, в число которых входят общеобразовательные

школы, университеты, детские сады и летние лагеря. Сегодня это самая крупная еврейская благотворительная организация в России. На ее нужды 50-летний израильтянин ежегодно переводит 30 млн долларов.

Деятельность фонда носит подчеркнуто аполитичный характер.

– Мы, евреи, часто пытаемся влиять на власть в личных интересах, – сказал как-то Леваев в интервью Еврейскому телеграфному агентству. – Я считаю, что представителям общественности запрещено смешивать личные бизнес-интересы с интересами сообщества.

Леваев родился в Ташкенте в 1956 году. В семье его отца, любавичского хасида Авнера Леваева, строго соблюдали традиции.

– Я ходил в головном уборе даже летом – нееврейские дети не понимали почему, – вспоминает Леви. – Одно из ярких воспоминаний моего детства – антисемиты, напавшие на меня. Били по голове, по спине, в живот, били сильно. Сегодня, оказывая помощь евреям бывшего Советского Союза, я, быть может, залечиваю те свои раны.

Когда сыну Авнера Леваева, единственному после четырех дочерей, исполнилось тринадцать лет, отец отправил его в подпольную ешиву в Самарканде.

Леви прекрасно помнит все подробности среднеазиатской жизни того времени. За ешивой постоянно следили, поэтому преподаватели меняли ее местонахождение. Были большие проблемы с кошерной пищей, и ученики жили практически на хлебе, огурцах и помидорах.

Надо заметить, Авнер Леваев был очень смелым человеком. Всю свою жизнь он посвятил еврейской традиции: бесплатно делал обрезание, многим семьям помог деньгами, чтобы они могли репатриироваться в Израиль. Потребность заниматься благотворительностью – это наследственная черта, переходящая в семье Леваевых из поколения в поколение.

Помимо отца, Леваев считает героем своего деда. После многих предупреждений и вплоть до самого ареста он три года прятался на чердаке дома, в котором постоянно проводились обыски. Единственной его виной было лишь то, что он хотел оставаться евреем и соблюдать мицвойс. В 1949 году его всё-таки нашли, арестовали и за преподавание иврита и еврейских традиций выслали на двадцать пять лет в Сибирь. Отец седьмого Любавичского Ребе, рабби Леви-Ицхок Шнеерсон тоже был арестован и отбывал ссылку в Казахстане. Это трагическое совпадение привело к тому, что Леваев стал одним из крупных деятелей движения любавичских хасидов.

– Если мне нужно оценить какое-то важное обстоятельство, – говорит мультимиллионер, ортодоксальный еврей Леви Леваев, – я мысленно представляю себе своего отца и Любавичского Ребе. Чтобы они сказали в такой ситуации, как поступили бы, окажись на моем месте? Я верен заветам отца и всегда стараюсь вести себя так, чтобы ни ему, ни моему духовному Учителю – Любавичскому Ребе, не было на Небесах стыдно за меня.

На повторяющийся вопрос, как ему удалось так быстро и, что еще удивительнее, так честно разбогатеть, Леви Леваев всегда отвечает:

– В Торе написано: десять процентов своей прибыли еврей должен отдать нуждающимся. Если не можешь деньгами, дай хороший совет, помоги устроиться на работу, и Б-г тебя не забудет. Обещанию Всевышнего нужно верить. И тому, кто идет с этой верой по жизни, Он всегда помогает.

Beit Orah

VII 60 ДАВИД ГЕРИНГАС: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МАСТЕРЕ

Давид Герингас – один из самых прославленных виолончелистов мира. Он был в числе первых музыкантов, познакомивших западных слушателей с новейшей российской музыкой – произведениями современных русских и литовских композиторов-авангардистов Софьи Губайдуллиной, Эдисона Денисова, Альфреда Шнитке, Виктора Суслина. А композиторы эти в свою очередь часто посвящали Герингасу свои творения.

Давид Герингас родился в 1946 году в Вильнюсе, в интеллигентной еврейской семье. С раннего детства он обучался музыке и добился таких замечательных успехов, что в семнадцать лет без труда поступил в Московскую консерваторию по классу виолончели, где его преподавателем стал Мстислав Ростропович. Те десять лет, которые молодой человек провел рядом с прославленным маэстро, он до сих пор считает лучшим временем своей жизни: «Это человек, который умел выжать из ученика самое лучшее, заставить его идти по самому лучшему пути, найти для каждого человека свою дорогу», – говорит Герингас.

Под руководством Ростроповича музыкант стал золотым медалистом на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в 1970 году, после чего попал в Германию: в Гамбурге лауреаты давали концерт, на котором присутствовали лучшие немецкие композиторы. Здесь Герингас, получивший академическое образование, впервые познакомился с новейшими музыкальными течениями того времени – ведь в СССР тогда еще не слышали ни об электронной музыке, ни об авангардных опытах европейских и американских композиторов. К сожалению, окно в мир новой музыки, ненадолго приоткрывшееся, быстро захлопнулось: после этой поездки молодого виолончелиста долго никуда не выпускали.

В 1974 году Мстислав Ростропович и Галина Вишневская после долгих преследований эмигрировали из Советского Союза. Давид Герингас, бывший свидетелем и травли, и отъезда своего учителя, давно понимал, что талантливому музыканту, к тому же еврею, в СССР делать нечего. Год спустя он с женой, пианисткой Татьяной Герингас, тоже уехал на Запад. Незадолго до отъезда Герингас спросил у знаменитого Гидеона Кремера: «Как ты думаешь, есть там место для нас?» А в ответ услышал: «Знаешь, там все места уже заняты». К счастью, прославленный скрипач ошибался: место нашлось.

Свои первые шаги на международной арене Давид Герингас делал при поддержке Фонда Герберта фон Карояна. Уже через несколько лет музыкант стал широко известен не только своей виртуозной игрой, но и необычным репертуаром, куда входили как редко исполняющиеся произведения эпохи раннего барокко, так и дотоле не исполнявшиеся сочинения современных авторов. Его приглашали играть в самых престижных залах, и каждый раз эти выступления не только собирали аншлаги, но и получали самые высокие оценки музыкальной критики. Вместе с женой, ставшей его партнершей по выступлениям, Герингас давал множество концертов по всему миру – в Риме, Париже, Нью-Йорке, Амстердаме и Вене, в Японии и США.

За запись двенадцати виолончельных концертов Луиджи Боккерини Герингас был награжден Гран-при Академии Шарля Кро, в 1992-м получил премию «За особый вклад в развитие современной музыки», а его исполнение концерта для виолончели Ганса Пфитцнера было отмечено призом немецкой критики как лучшая запись 1994 года. В 1999 году правительство Литвы отметило его заслуги наградой за пропаганду литовской музыки и литовских композиторов, а спустя три года музыкант стал обладателем Литовской национальной премии в области искусства и культуры.

Давид Герингас был приглашен в качестве профессора в Берлинскую высшую школу музыки имени Ганса Эйслера, где преподает по сей день, а в настоящее время является также постоянным приглашенным дирижером Литовского камерного оркестра в его родном Вильнюсе. Не забывает прославленный музыкант и Россию, где постоянно бывает с концертами. Немалый интерес критики и зрителей вызывают его эксперименты с электронными инструментами – например, одна из новейших моделей электронной виолончели Silent Electric Cello знаменитой фирмы Yamaha была создана специально для Давида Герингаса.

Андрей Тетин

при Ленинградской консерватории. По собственному признанию маэстро, он никогда не испытывал на себе каких бы то ни было проявлений антисемитизма: практически без конкурса поступил в консерваторию, окончил ее с отличием, а потом получил возможность «не меняя фамилии и не изменяя своей личности» в 1977 году, в пик застоя и консерватизма, создать собственный театр.

Когда в Петербурге возник государственный академический театр Бориса Эйфмана с интригующим названием «Новый балет», это изначально был авторский театр, театр одного хореографа, что для тех лет было явлением уникальным. Не имея не только сцены, но даже постоянных репетиционных помещений, с маленьким коллективом, он сумел первыми же постановками произвести сильнейшее впечатление и на зрителя, и на критику. Одной из этих постановок стал спектакль «Бумеранг», о котором *New York Times* писала в самых восторженных тонах, поместив на первую полосу статью с заголовком: «Человек, который осмелился».

Свой первый хореографический номер Борис Эйфман сочинил в тринадцать лет. Он даже завел по этому случаю тетрадь, где на первой странице вывел: «Мои первые спектакли». В отличие от большинства других хореографов, он никогда не стремился быть танцовщиком – до сих пор Эйфман видит свое место в собственных постановках исключительно за кулисами, считая, что хореограф должен выходить на сцену только на поклон, – но уже в пятнадцать лет сформировал первую балетную группу из своих сверстников.

С тех пор он успел побывать бездомным хореографом-неофитом и солидным главой солидного дела, творческим диссидентом и маститым художником кича. Его успели полюбить и разлюбить, превознести и осмеять. Театр Эйфмана объездил всю Европу, покорила Америку и достиг мирового признания. Сегодня знаменитый хореограф, хотя и занимается профессиональной творческой деятельностью более сорока лет, не считает себя корифеем в этой области – он, скорее, ощущает себя реализатором некоей высшей энергии в новое пластическое качество. Но только сейчас он, по его собственному определению, «понимает, что нашел путь к совершенству».

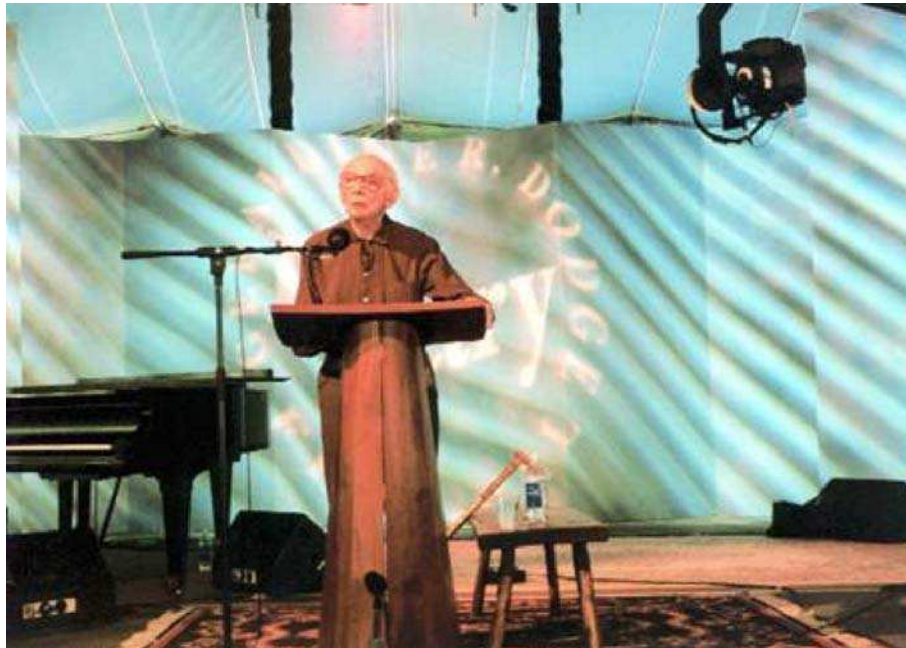
Притягательность балетов Эйфмана кроется в его умении выразить невыразимое, в превращении танцевального дивертисмента в серьезное, глубокое, даже философское искусство. Каков бы ни был сюжет спектакля, хореограф каждый раз вскрывает важнейшие нравственные проблемы, стремится понять и отразить противоречия жизни и духовного мира человека. В его спектаклях напряженность драматических коллизий, кажется, достигает последнего предела, а трагедийность становится тканью, основой языка тела...

Театр Бориса Эйфмана, к сожалению, чаще можно увидеть во время гастрольных туров где-нибудь в Европе, Соединенных Штатах или Японии, чем в Москве или Петербурге, – прежде всего из-за отсутствия постоянной сцены. Однако, несмотря ни на что, в России его знают и ценят. И пускай творчество Эйфмана вызывает постоянные ожесточенные дискуссии между его поклонниками и противниками, главное, что оно не оставляет равнодушным ни одного человека, которому однажды посчастливилось побывать на его спектакле.

Андрей И. Алейкин

СТЕНЛИ КУНИЦ: НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Á NŌÁ 14 i áy á ářđāñđā ñōā ēāō ñēññ-āēññ çīāī āīēōūē īřyō, īāđāñā-ēē ē ÿññēñō Ñōāīēē Ēōīēō, īāēāāōāēū ī īīñēō īđāñōēāīūō āī āđēāīñēēō ēēōāđāōōđīūō īāāñā, ā ōīī -ēññā Īōēēōōāđñāñēē ē Īāōēīīāēūīē ēīēāīēē īđāī ēē. Á Đññēē Ēōīēō ēçāññōāī ā īāđāñp ī-āđñāī ēāē āāōīđ ñōēōīā «Nāī ōyāđññēēā çī āē», «Áēēīīāy ēīāēā», «Īāđāī āī ā», ā ōāēēā ēāē īāđñāñā-ēē, ēīōīđñē īīçīāēñī ēē āīāēīyçī-īūē īēđ ññ ñōēōāī ē Īñēīā Īāīāēēññōāī ā, Áīīū Āōī āōīāñē, Āāññēy Āāōōōāī ēī ē Āīāōñy Āīçī āñññēīā.

Стенли Куниц принадлежал к тому же поколению поэтов, что и Уистен Хью Оден и Роберт Лоуэлл. Он писал о жизни и смерти, о непреходящей красоте мира, о вечных человеческих ценностях, таких, как добро, честь, справедливость...

Он родился в Вустере, штат Массачусетс, в 1905 году в семье еврейских переселенцев из Литвы. Его отец, Соломон Куниц, обанкротился и покончил жизнь самоубийством буквально за несколько недель до рождения сына. Все заботы по воспитанию детей легли на плечи матери, которая вскоре после смерти мужа открыла крошечный галантерейный магазинчик, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь.

Тяжелые условия, в которых прошло его детство, не помешали Стенли окончить школу в Вустере и выиграть стипендию, которая давала право на поступление в Гарвардский университет. В двадцать два года Куниц получил степень магистра. Он рассчитывал, что ему предложат должность ассистента на кафедре, однако место получил другой – как выяснилось, англосаксам, составлявшим большинство среди студентов, было бы неприятно слушать лекции еврея по английской литературе...

Тогда молодой человек вернулся в Вустер, устроился репортером в местную газету и в свободное от написания статей время зарабатывал редактированием справочных книг по литературе, а во времена Великой депрессии сделал даже несколько совершенно безуспешных попыток заняться фермерством. Работа оставляла Стенли достаточно свободного времени для занятия поэзией, которой он увлекался с самого детства, результатом его опытов в этой области стал первый сборник стихов «Умные вещи» (Intellectual Things), вышедший в 1930 году, спустя три года после его возвращения в родной город. Нельзя сказать, что сразу после этого имя Стенли Куница стало известным, но стихи были настолько хороши, что он составил себе определенную репутацию в местных литературных кругах.

Когда разразилась вторая мировая война, Стенли призвали в армию. Он служил редактором армейского журнала «Десятиминутный перерыв» и написал много стихов на военную тематику, опубликованных в сборнике 1944 года «Паспорт войны» (Passport to the War). В этот сборник вошло одно из

самых знаменитых его стихотворений «Отец и сын». Тогда же он работал над книжной серией биографий американских писателей, которая до сих пор остается одной из лучших в США. Пройдя через ад войны, Стенли Куниц до конца своей жизни оставался убежденным пацифистом. Он всегда очень резко выступал против корейской и вьетнамской войн, а позже – против действий американской армии в Центральной Америке и в Ираке.

После демобилизации в 1945 году Куниц стал преподавателем английской литературы сразу в нескольких колледжах, много публиковался в периодических изданиях и выпустил несколько стихотворных сборников, которые сделали его известным поэтом.

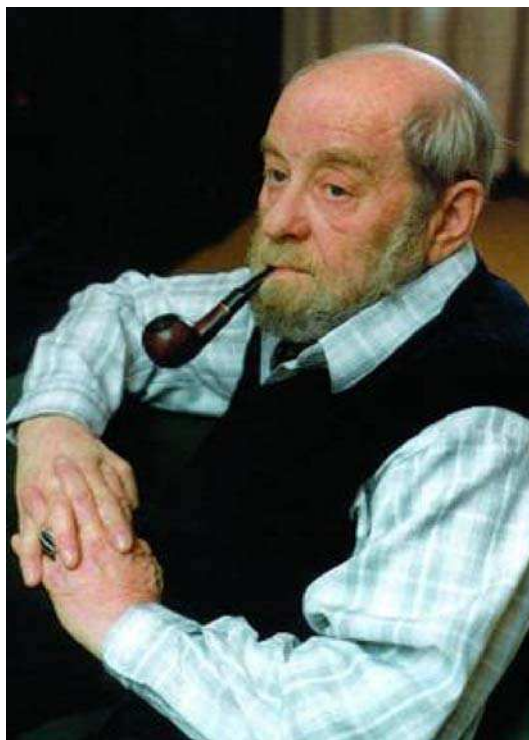
Уже в новом веке Стенли Куниц узнал о своей неизлечимой болезни и о том, что жить ему осталось совсем немного. Он сел за новую книгу «Дикая коса», которая увидела свет в 2003 году, за два с половиной года до его смерти. В книгу вошли стихи, фотографии, его эссе о садоводстве, искусстве и о приближении конца жизни. «Смерть совершенно необходима для продолжения самой жизни на планете, – пишет поэт, поясняя, почему с легкостью принимает мысль о смерти. – Иначе Земля была бы полна стариков-развалин, которые составляли бы большинство населения».

Ему было пятьдесят четыре, когда литературный мир Америки признал его достойным Пулитцеровской премии. Ему было девяносто, когда он получил Национальную книжную премию, и девяносто пять, когда его назвали «поэтом-лауреатом» США в 2000 году. Ему почти исполнился сто один год, когда его не стало...

Ī ēēīēāē Ī āūū ēēīā

СЧАСТЛИВАЯ СМЕРТЬ: ИЛИ ТАК УМИРАТЬ НЕЛЬЗЯ?

Áġā çā āāī jedaí, daāēí, í dāfīā í ġāōí dŷpò ò dē fīāā, ōēā çā-āūēā çāēēēí āí ēāí : «òāē æēōū íāēū». Nāē-āñ í ē āūpò í íā āāēīē, í āēīñōūēçí āí āí íūā: òāē ōí ēdāōū í āāēā

Юлий Крелин не бомжевал, не спивался, не загорал в тюряге, не попадал в крутые дорожные переплеты. Однако дожить до восьмидесяти сил ему не достало. Правда, он перенес десяток операций, к которым относился стоически. Трезвость врача была помножена у него на философский подход к бытию, на здоровый фатализм.

15 мая, отметив свои семьдесят семь, он сказал, что проживет еще десять лет или десять дней. Прожил неделю. В комнатухе, снятой для него в Израиле дочерью, вышел на балкон покурить... Да, счастливая смерть.

Тридцать лет отработал Крелин в 71-й больнице, поменьше – в предыдущих. Воспитал двух сыновей и дочь. Писал добрые, мудрые книги. Имел без счета искренно любящих друзей.

По израильским законам непозволительно ждать, пока съедутся дети и друзья, разбросанные теперь не только на европейских широтах. Юлия Крелина похоронили тогда же, когда в Москве провожали в последний путь Лидию Либединскую. Он покоится в каменистой земле исторической родины, хотя по культуре, по вкладу плодотворнейшей жизни принадлежит России. Планете Земля.

Не могу подсчитать проведенные им операции. Не хочу составлять справку об изданных им повестях, романах, сценариях. Позволю себе лишь штрих-другой.

В самые тяжкие минуты его звали спасти Эммануила Казакевича. На крутоопальных поворотах вверял ему себя Александр Солженицын. Крелин ездил к болящим, не считаясь с рангом, национальностью, партпринадлежностью. И со своим здоровьем.

Остановлюсь на книге «Русский еврей и Израиль. Народ и место» (М., 2004). Предисловия нет. Редактор не указан. Тираж угаен. Зато четко обозначен жанр: «Дневники». Заменой предисловию можно считать серию фотографий. Крелин рядом с Михаилом Горбачевым. С академиком А. Н. Яковлевым. Других политиков нет. Дальше – Михаил Казаков, Василий Аксенов... Но главное место занимает семья. Внучка в армейской форме. Сын, ученик ешивы. Он же – в дни «Бури в пустыне». Позднее – раввин. Автор писал дневники для себя, для близких. По сути, составлял завещание.

«Дневники» стали для меня, пожалуй, лучшим из введений в судьбы Израиля. Но последний визит Крелина в Израиль в книге датирован 1995-м.

– Отчего же? – спросил я автора. – Отчего книга оборвана на полуслове? Ведь с 1995-го по 2004-й прошел десяток лет.

Оказывается, рукопись отлеживалась до счастливого случая. Крелин не осаждал издателей. Давал полистать тем, кто проявлял интерес. Возвращали ее с вопросом: «Почему не печатаешь? Надо бы...» Когда приближался торжественный юбилей, друзья скинулись: Крелин ведь не был грозным начальником, чью макулатуру пекут за «боюсь», не писал кровавых детективов, сулящих коммерческий успех.

Автору преподнесли «Дневники» в день юбилея.

Сегодня я посмел бы сравнить заметки Крелина с «Историей моего современника» Владимира Короленко – едва ли не последнего у нас Демократа в первой половине XX века. Размышляя над судьбой своей семьи, над судьбами еврейства, Юлий Крелин между делом создал в завещании портрет духовно вольного современника, дошагавшего под конвоем до начала XXI столетия.

Не с каждым рассуждением в его книге я до конца солидарен. Крелин соглашался, что Апокалипсис под названием Холокост – лишь модель грозных бедствий, ожидающих род людской, обезумевший от национальных распрей. Но концы с концами у нас не сходились. Конечно, принцип насилия необходимо отвергнуть, однако противиться злу необходимо! Крелин напомнил: в притчах Соломоновых сказано, что если пришел к тебе враг и он голоден, жаждет или, споткнувшись, упал, то сначала его накорми, напои, а затем разбирайся. Не вступая в спор с царем Соломоном, я всё же упрямо склонялся к ереси. Как быть, ежели довелось усвоить закон: при любом намеке на угрозу хватай кирку, лом. Отмахивайся чем придется. Робкий удар лишь спровоцирует расправу... Пока ты врага отмоешь да откормишь, он трижды всадит тебе нож в спину. Извини, браток.

Я был старше Крелина на четыре года. Как старший, я требовал осилить не меньше, чем два новых круглых юбилея. Усмехнувшись, он вспомнил Некрасова: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Î adărată Erităceia

СЛИМ ААРОНС, АРНОЛЬД НЬЮМАН: ОСТАНОВИВШИЕ МГНОВЕНИЕ

*Á epíá Ai adéa i dūacāni n āāi y nāei è āiāpūei eñ āāacāi ai è, eçāiōiāeōei è
ōiōiāāōai è ōō āāā*

По сообщению информационного агентства Reuters, Джордж Аллен «Слим» Ааронс, знаменитый летописец великосветского общества середины прошлого века, скончался от сердечного приступа 30 мая в своем доме в Монтрозе, штат Нью-Йорк, в возрасте восьмидесяти девяти лет. А утром 6 июня не стало другого прославленного фотохудожника. Арнольд Ньюман, изобретатель нового направления в фотоискусстве – «портрета в окружающей обстановке», – умер от внезапной остановки сердца во время прохождения курса реабилитации после инсульта в одном из госпиталей Нью-Йорка.

Джордж Аллен Ааронс начинал свою карьеру вовсе не светским фотографом: в восемнадцать лет его призвали в армию, где он впервые взял в руки фотокамеру, став военным хроникером. Первыми его фотографиями были снимки с мест самых жестоких боев второй мировой войны, на полях которой фотограф за проявленную доблесть удостоился ордена «Пурпурное сердце». Неудивительно, что, когда в 1950 году ему предложили снимать высадку американского десанта в Корее, Ааронс ответил: «Меня интересуют лишь те пляжи, где загорают девушки».

После войны героями его фотографий стали самые знаменитые люди планеты – голливудские звезды, президенты и их любовницы, известнейшие музыканты и литераторы, – а его работы постепенно наводнили страницы самых популярных глянцевого журналов – таких, как Harper's Bazaar, Life, Vogue, Town и Country. Ааронс снимал высшее общество таким, каким оно было на самом деле, – без стилистов и гримеров, используя только естественное освещение; никаких студий, никаких абстрактных фонов – только люди, лица, эмоции, движение, жизнь! Он любил симметричные композиции: звезды позируют на фоне римских палат, античных храмов или копий классических образцов архитектуры в своих поместьях в Калифорнии или Флориде. Самыми известными его фотографиями стали портреты серии «Короли Голливуда», на которых запечатлены Кларк Гейбл, Ван Хейфлин, Гэри Купер и Джимми Стюарт на вечеринке в канун Рождества 1957 года и Луи Армстронг на мотоцикле, играющий на трубе на фоне древнего Колизея.

Эта подчеркнутая светскость еврейского мальчика из Нью-Гемпшира легко объяснима: изгой, аутсайдер, боготворивший красивую жизнь и богатство, – такова была его прошлая жизнь. И он стал настоящим певцом красоты в любых ее проявлениях – от человеческих лиц до красивых поступков. Он поднялся к вершинам успеха благодаря утонченному художественному вкусу, таланту, потрясающей

*À çààððáíéá í íá ðí:áðííí áíáááèòü ÷òí íðèíáðíí ÷áðáç íáááèð íáèèè çáðáçáíííí
Øíúðý, íò èíòíðíá ÿ óçíáè í íðááííéáááí íí íáèáòá*

À çááíéá òááòðá «Áðéááéý» íáðáèí á 1976 áíáá, àí ó áí, æá íá óááèííí èçááæáòü íáíý.

Á. Í. Ááíéüííéí,

Í íáííéáèðíé